109

В селе Кинель-Черкасы 65% полностью счастливых людей

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

39 / 4666 / ОКТЯБРЬ 2000 / ISSN 0131-0097

СИДНЕЙ-2000
О ЧЕМ МОЛЧАЛИ КОММЕНТАТОРЫ НА ОЛИМПИАДЕ

ДЖ. СЭЛИНДЖЕР
ПОДЛИННАЯ ЖИЗНЬ САМОГО ЗАГАДОЧНОГО ПИСАТЕЛЯ АМЕРИКИ

стр. 8

ЭКСКЛЮЗИВНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Татьяна ДЬЯЧЕНКО

«ЕСЛИ БЫ ПАПА НЕ СТАЛ ПРЕЗИДЕНТОМ»

№09643

музей XX века

СПОНСОР РУБРИКИ ОАО «СИБНЕФТЬ»

сибнефть

поставщик высококачественных нефтепродуктов на российский рынок и в страны ближнего зарубежья. По вопросам поставок обращаться: тел. (095) 777-31-49, факс (095) 777-31-50

©ФОТО МАРИА ШТЕЙНБОКА, АЛЕКСАНДРА БАБАДЖАНОВА

Еще лет двадцать назад шапка-«пирожок» была визитной карточкой, заявляющей о положении владельца. Как правило, водружение такого убора на голову означало причастность человека либо к партийно-правительственной номенклатуре, либо к высоким чиновникам. Все члены политбюро носили «пирожки», и «простым смертным», видимо, хотелось чем-то, хотя бы головным убором, походить на кремлевских небожителей. Я, признаюсь, тоже носил такую. Правда, из-за иных соображений. Во-первых, тогда я служил в престижном государственном музыкальном театре, и это предполагало одеваться соответствующим образом. Кстати, в «пирожках» ходили многие оперные певцы. У Собинова тоже был «пирожок», соболиный, а у меня — попроще, согласно зарплате. Во-вторых, в молодости я был уже нехуденьким человеком, и очертания моего лица были далеки от аскетически вытянутого овала. И чтобы как-то оптически вытянуть фигуру и лицо, я надевал такую высокую шапку, наивно полагая, что она мне придает неотразимую стройность и подтянутость... «Пирожок» в те времена был не просто головным убором, мода на который прошла, а предметом советского подчеркнутого отношения к значимости собственной персоны. Ведь смешно представить Брежнева, например, в кепке на трибуне Мавзолея.

вячеслав войнаровский

ОГОНЁК ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 21 декабря 1899 года

№ 39 (4666) октябрь 2000

Главные редакторы после возобновления: М.Е. КОЛЬЦОВ, Е. ПЕТРОВ, А.А. СУРКОВ, А.В. СОФРОНОВ, В.А. КОРОТИЧ, Л.Н. ГУЩИН

Главный редактор *Владимир ЧЕРНОВ*
Заместители главного редактора: *Борис МИНАЕВ, Сергей КОЗИЦКИЙ*
Главный художник *Михаил РЕПЕТЬКО*
Ведущий художник номера *Петр БАРКАРИНСКИЙ*
Обозреватели: *Андрей БИТОВ, Ольга БУХАРКОВА, Дмитрий БЫКОВ, Борис ГОРДОН, Виталий МЕЛИКСАРАМОВ, Евгений ПОПОВ*
Приемная главного редактора: *257-39-28*
Ответственный секретарь: *Петр ПРИБЫЛОВ*
Секретариат *(257-31-88): Людмила МОРГУН, Елена ЧЕРКАСОВА*
Отделы:
Спецпроектов *(257-38-40): Александр НИКОНОВ (редактор отдела), Андрей БОНДАРЕНКО, Кирилл КОЛЛИКОВ*
Человек и общество *(250-46-98, 257-33-07): Михаил ПОЗДНАЕВ (редактор отдела), Елена КУДРЯВЦЕВА, Наталья ФЕДОСОВА*
Культуры *(251-03-50): Елена КУЗЬМЕНКО (редактор отдела), Наталья ДЮКОВА, Ольга ЛУНЬКОВА*
Деловых проектов *(251-89-83): Валерий ЧУМАКОВ (редактор отдела), Кирилл ЖУРЕНКОВ*
Писем *(257-36-69): Зоя ЗОЛОТОВА (заведующая отделом)*
Фотоиллюстраций *(257-32-49): Наталья УДАРЦЕВА (заведующая отделом). Фоторедакторы: Юлия ВЕРБА, Ирина МЕЛЬНИКОВА, Маргарита ФЕДОРОВА. Фотографы: Александр ДЖУС, Юрий ФЕКЛИСТОВ, Марк ШТЕЙНБОК, Лев ШЕРСТЕННИКОВ*
Художники: *Петр БАРКАРИНСКИЙ, Наталья ВАСИЛЬЕВА, Глеб КАПУСТИН*
Бюро проверки: *Юлия ВЛАСОВА, Мария ДОМНИЦКАЯ*
Корректура: *Галина ГУДКОВА, Наталья ПЕРЕЯСЛОВА, Елена ЯКУБЧИК*
Бюро производства: *Стелла АКИМОВА (зав. бюро производства), Елена ГЛУХОВСКАЯ, Марина САВОСТЬЯНОВА, Наталия ЯКУНИНСКАЯ*
Служба технической поддержки: *Дмитрий КОМАЛЕЕВ, Сергей КАЛАЧЕВ*
Группа репродуцирования: *Александр ЭДЖУМЯН, Виктория ШАБАН*
Набор: *Надежда ИВАНОВА*
Собственные корреспонденты: *Баку Вагиф САМЕДОВ (8922) 930989, Красноярск Залик МИЛЬМАН (3912) 430961, Ярославль Павел НИКИТИН (0852) 256255, Лондон Светлана ДУБОВИЦКАЯ*

Адрес: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефон для справок (095) 250-22-30.
Телефакс (095) 943-00-70. Телетайп 112349 «Огонек». Internet: http://www.rupnet.ru/ogonyok

Учредитель и издатель журнала ООО «Издательство «Огонек-пресс». Журнал зарегистрирован Государственным Комитетом по печати РФ 10.08.2000 за ПИ № 77-5187.

***ООО «Издательство «Огонек-пресс»** Генеральный директор БАЙБАЗАРОВ Ю.В. Департамент распространения 257-39-51, 943-00-70 (факс).*

Отдел рекламы: *250-15-33, 250-56-88 (факс).*

Региональные и коммерческие программы. *Тел., факс: 250-24-21.*

Отдел PR, *Культурные проекты Галина ШЕВЕЛЕВА (заведующая отделом) 257-32-40.*

Дизайн, цветоделение, изготовление фотоформ – ЗАО «Журнал «Огонек». Тел.: 257-31-23, 250-24-21.

Сервисная поддержка и размещение версии журнала в сети Интернет осуществляется ЗАО «Ростнет». http://www.rupnet.ru.

Телефон коммерческой службы 207-75-56.

Издание осуществляется при информационной поддержке агентств ИТАР-ТАСС, REUTERS.

Номер подписан в печать 19.10.00.

Цена свободная.

Тираж 50 000 экз.

Отпечатано в типографии ЗАО «Алмаз-пресс»

Материалы, помеченные значком □, публикуются на правах рекламы.

Мнение редакции не обязательно совпадает с мнением авторов журнала.

Перепечатка материалов – только с разрешения редакции.

© «ОГОНЁК» 2000

На обложке фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

ОТРАЩИВАЛА ДЕТЕЙ МАША ПОДОЛЬСКАЯ. СНИМАЛ ВЛАДИМИР СМОЛЯКОВ

ГЛАС НАРОДА

№ 35 / сентябрь 2000

НУ И БОЗОН...

Увидел в «Панораме» под рубрикой «Большая наука» фотографию, которую я получил в нашей стримерной камере лет 15 — 17 назад. Приятно, что напечатали, хотя непонятно, где и как вы ее достали. Она была бы правдивее, если треки вы бы сделали красными (стримерная камера излучает в красном диапазоне). На черно-белую аэрофотопленку мы снимали, потому что она была наиболее чувствительная. Ну а сейчас мой компьютер испытывает телеаппаратуру — прощай, фотопленка...

Но текст про поиск бозона Хиггса... Конечно, американцев, которые считают, что бозон могут только они поймать, ругать надо. Но при чем тут швейцарцы? На электронно-позитронном коллайдере пока (пока еще!) идут четыре эксперимента, в каждом из которых участвуют 300 — 400 физиков со всего мира, это МЕЖДУНАРОДНЫЙ научный центр. Швейцарцев там единицы! Но ускоритель этот по плану в сентябре надо было закрыть на несколько лет, чтобы достаточно интенсивно монтировать (в том же тоннеле) новый ускоритель. Естественно, физикам в последний момент хотелось поработать еще и еще. Вот и заявили, что они ПОЧТИ открыли бозон. Если бы они УБЕДИТЕЛЬНО показали, что бозон открыт, то их бы все поздравили и... закрыли ускоритель. А так — добавили еще целый октябрь для экспериментов. Мелочь, если сравнить с 11 годами, но все же кое-что.

Juris LUKSTINS (Ю. ЛУКСТИНЫШ)
Дубна Московской области

№ 36 / октябрь 2000

А В МАЛЕНЬКОМ ТОРОПЦЕ...

Отвечаю на вопрос о памятнике учителю, прозвучавший в рубрике «Глас народа». Насколько мне известно, памятник Учителю (не математики, литературы или физики конкретно) поставлен в славном маленьком городке Торопце Тверской области. Городок этот древнее Москвы, основан в 1074 году и расположен неподалеку от Великих Лук (километров 80 — 90), но гораздо дальше от своего областного центра. Не знаю, читают ли «Огонек» в Торопце, но мне было бы приятно, если бы его жителям стало известно, что о них помнят.

Всегда с удовольствием читаю ваш журнал. У моей бабушки, которой уже за 80, была (и хранится по сей день) подшивка с репродукциями картин из «Огонька».

Алексей ВЛАДИМИРСКИЙ
Москва

№ 33 / сентябрь 2000

КОМПЛИМЕНТ НАМ, «ЧЕЛОВЕКАМ»

Пишу по поводу статьи «Дарвин, гоу хоум!» Да, теория Дарвина, как ни одна другая, вызывает множество ожесточенных споров. Одни видят в ней подрыв моральных устоев (эволюция отвергает добро и любовь к ближнему, бред какой-то), других, в том числе и авторов статьи, оскорбляет сравнение с обезьянами. Но это, я бы сказал, скорее лестный комплимент нам, человекам. Вы видели когда-нибудь, чтобы обезьяны убивали друг друга, пытали, отрезали органы или резали шкуру на полоски? Не делают они этого — ни ради имущества, ни ради секса, ни из-за того, что другие обезьяны верят в другого бога.

Вкратце поясним положения теории Дарвина (правда, несколько искаженно), авторы поведали, как ученые пытались, но так и не смогли откопать доказательств происхождения человека от обезьяны. Тут у них большой простор для деятельности: где нам, людям, далеким от науки, разобраться, принадлежит ли раскопанная кость питекантропу или кому другому. Нам что скажут, то мы и скушаем. Но все мы еще из школьных учебников помним рисунки неандертальцев: скошенный лоб, крупные зубы, наклонная походка — ну явная вчерашняя обезьяна. Это на мой дилетантский взгляд. Что касается серьезных ученых, то, насколько мне известно, ни один из них в эволюции не сомневается. Но они, конечно же, все мракобесы и невежды, говорят нам авторы, отменяя тем самым всю современную биологию. Объявление теории Дарвина оправданием для жестокости и прочих неблаговидных деяний — очередное передергивание фактов. Применять законы биологии к человеческому обществу — это все равно что собирать самолет по чертежам велосипеда. Напротив, сохранение человека как биологического вида требует доброты, терпимости, всего того, что называется моралью. Вся история цивилизации являет пример восхождения к более моральному обществу. Еще сто лет назад в Америке негров вешали, а пятьдесят лет назад их ущемляли в правах, теперь же они имеют равные права де-юре и еще больше де-факто. Хотя, конечно, не все в истории так гладко.

Ну хорошо, эволюция плохая, так дайте же нам что-нибудь взамен и приведите доказательства, заслуживающие доверия.

Здесь, на Западе, существует множество образовательных телеканалов, которые, кроме всего прочего, передают и очень интересные программы о животных и растениях. Эволюция в них лидирует по частоте упоминания. Конечно, противников учения Дарвина тоже хватает, но они телевизор не смотрят. Преподают эволюцию и в школе.

Игорь ХОРИН
Ванкувер, Канада

№ 37 / октябрь 2000

КЛАССНО!

Уважаемая редакция! Никогда не думал, что буду писать письма в журналы или газеты, но тут просто... ну не могу я удержаться... Номер 37 прочитал, как говорится, от корки до корки, не мог оторваться. Классно! Спасибо за вашу страницу в Интернете, которая позволяет чувствовать себя ближе к дому и происходящим в России событиям. В Москве я всегда покупал «Огонек», с нетерпением ожидая каждого следующего номера. И теперь, находясь на чужбине, с интересом продолжаю читать его в Интернете. Качество материалов вне конкуренции. Особенно это заметно здесь, в Канаде, где местная пресса напоминает провинциальные газеты начала девяностых.

С уважением

Андрей РЯБОВ
Монреаль, Квебек

P.S. Классно и то, что электронная версия журнала доступна не только подписчикам, как делают многие другие издания. В студенческом бюджете такие траты, к сожалению, не предусмотрены.

ДЕТСКИЙ ЛЕПЕТ

«ЧТО ТАКОЕ УМ И ЗАЧЕМ ОН НУЖЕН? КТО УМНЕЕ — ДЕТИ ИЛИ ВЗРОСЛЫЕ?»

ЛИЗА, 8 ЛЕТ:
«Дети и взрослые одинаково умные. Дети за счет того, что у них еще мозги неизношенные, а взрослые за счет опыта».

НИКИТА, 5 ЛЕТ:
«Дети, конечно, умнее, чем взрослые. Взрослые много чего нехорошего уже знают».

ВАНЯ, 5 ЛЕТ:
«Ум — это мозг. Он нужен, чтобы зарабатывать деньги. Вот взрослые крупнее детей, поэтому мозг у них больше, поэтому они больше детей и зарабатывают».

НАТАША, 8 ЛЕТ:
«Ум — это то, чем думают. А взрослые умнее, у них просто голова больше. К тому же они уже были в школе, много занимались над собой».

КОСТЯ, 9 ЛЕТ:
«Если бы люди рождались умными, то маленький ребенок умел бы уже говорить. Даже ходить на работу! Значит, рождаются глупыми, а потом умнеют. Но к старости совсем глупеют опять».

АЛЕША, 9 ЛЕТ:
«Никто не знает, что такое ум. Все выдумывают, что знают».

В НОМЕРЕ

18 **ПОМИДОР КАК СИМВОЛ СОЦИАЛЬНОГО ОПТИМИЗМА**

АЛЕКСАНДР ИВАНСКИЙ, ПОБЫВАВ В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ, УБЕДИЛСЯ, ЧТО В РОССИИ СЧАСТЛИВЫЕ ЛЮДИ ВСЕ-ТАКИ ЕСТЬ

Неизвестно, знают ли в селе Кинель-Черкасы Козьму Пруткова, но его девиз «Если хочешь быть счастливым, будь им!» жители этой российской глубинки претворяют в жизнь без всяких усилий и мучительных философских размышлений о смысле бытия.

27 **ПРАКТИКА ВОЗДЕРЖАНИЯ ОТ СМЕРТИ**

АЛЕКСАНДР ЛАВРИН ВОЗГЛАВЛЯЕТ ОБЩЕСТВО ЛЮДЕЙ, СЧИТАЮЩИХ СЕБЯ БЕССМЕРТНЫМИ

Он знает о смерти все — его энциклопедия «Хроники Харона» куплена в большинстве цивилизованных стран. Лавринский сайт «Лики смерти» — один из самых популярных в Интернете.

40 **«МОЙ ПАПА ОГРАНИЧЕННЫЙ И ЖАЛКИЙ ЧЕЛОВЕК»**

МАРГАРЕТ СЭЛИНДЖЕР ОБНАЖИЛА ГЛАВНУЮ ТРАГЕДИЮ СВОЕГО ОТЦА — ПО МИРОВОСПРИЯТИЮ ОН ТАК И ОСТАЛСЯ ПОДРОСТКОМ

Он не мог представить миру своих любимых героев, не умертвив их в конце концов. А те герои, которым он своей авторской рукой позволил жить, навсегда остались узниками сэлинджеровской страны юности, как засушенные бабочки с пронзенными булавками хрупкими тельцами.

30 **КОНЕЦ СВЕТА В ЗАПАДНОМ ВАРИАНТЕ**

АЛЕКСАНДР НИКОНОВ ВОПРЕКИ СВОЕМУ ЖЕЛАНИЮ ПОБЫВАЛ НА АЛЯСКЕ

И не уставал удивляться непостижимой американской логике, которая доходит порой до абсурда. Так что погорячился Тютчев, утверждая, что умом России не понять. Попробовал бы он понять американцев!

АЛЕКСАНДР РАДАРИВ

ЛЕВ ШЕРСТЕННИКОВ

ОГОНЁК

НАСТРОЕНИЕ НЕДЕЛИ

Слушайте «Настроение недели» на Радио-1 — «Доброе радио», воскресенье в 18:30

УКВ 68,3, каждое

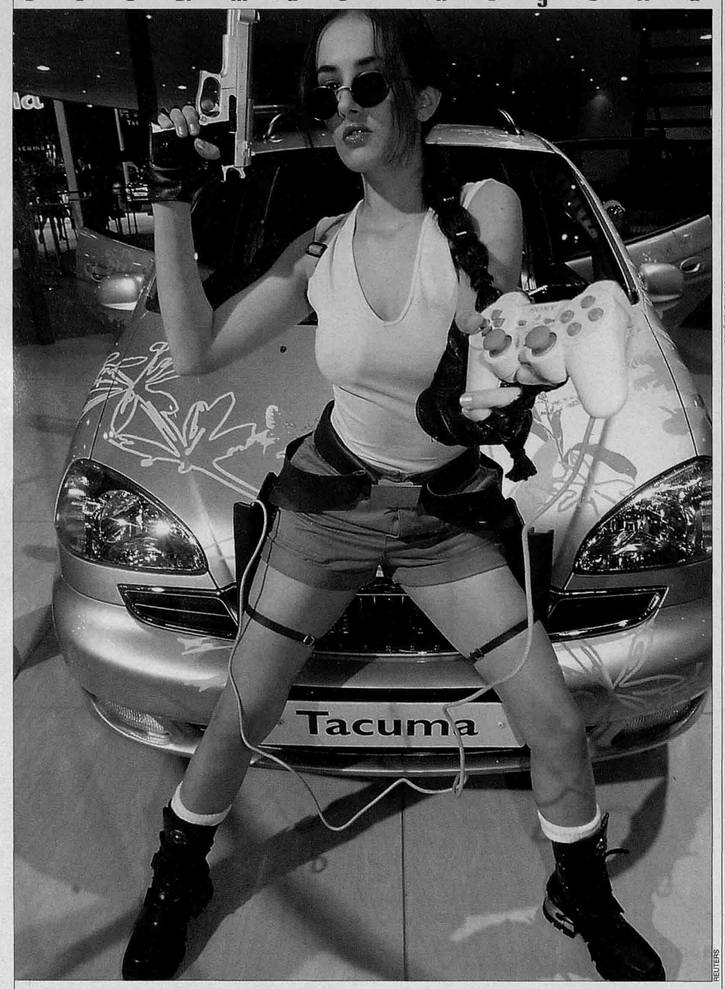
111

Темнеет рано. Последние велосипедисты, рискуя жизнью, мечутся в темноте между слепящими фарами автомобилей — Москва погружается в ночь, в длинную, но не страшную при электричестве. Пора закупать билеты на концерты классической музыки, на театральные премьеры, пора расписывать визиты по гостям, родственникам и знакомым, следить за книжными новинками, пора запасать консервированные фрукты и овощи, пора планировать жизнь надолго, может быть, навсегда... Пора начинать жить медленно и прочно. Иначе до апреля не дотянуть. Потому что темнеет у нас рано! Уже в пять часов...

сибнефть
поставщик высококачественных нефтепродуктов на российский рынок и в страны ближнего зарубежья. По вопросам поставок обращаться: тел. (095) 777-31-49, факс (095) 777-31-50

ОГОНЁК ПАНОРАМА

событие недели

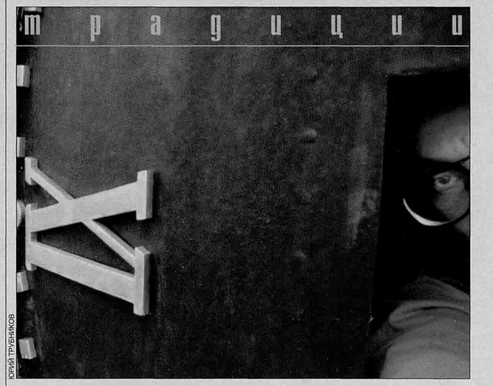


REUTERS

КОНКРЕТНАЯ ВИРТУАЛЬНОСТЬ

Взрослеют дети, воспитанные на знаменитой компьютерной игрушке 90-х «Tomb Rider». Ее героиня, агент безопасности Лара Крофт, для этого поколения ничуть не менее реальная фигура, чем для их родителей стальной Павка Корчагин. Лара Крофт воспитывала в людях самые важные качества для нашего трудного времени — умение точно стрелять и быстро убегать. Судя по тому, что устроители автосалона в Бирмингеме выбрали «лицом» новой модели ДЭУ со встроенной в торпедо игровой приставкой Лару, они уверены, что подрастающая смена сумеет быстро заработать на этот концептуальный автомобиль.

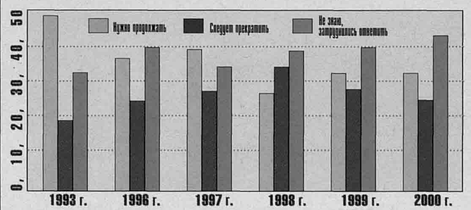
традиции


ЮРИЙ ТРУБНИКОВ

ВРЕМЕННЫЕ ТРУДНОСТИ

Сновыми трудовыми успехами подошла Россия к очередной, уже двенадцатой годовщине первого перевода главных курантов страны на зимнее время. Вернее, возврата к зимнему декретному времени, по которому мы жили с 1919-го по 1988 год. Или нет, к годовщине первого возврата летнего времени к зимнему декретному. В общем, переведут часы на час назад. И пусть злопыхатели клевещут, что никакой экономии этот перевод не дает, что перестройка одного лишь расписания железных дорог после этого волнующего шага занимает больше трех месяцев, что перевод бьет по обычным гражданам, как свинчатка по почкам, пусть. Пусть говорят, что многие страны уже отказались от этого мероприятия, а Япония никогда и не соглашалась, ссылаясь на то, что ей люди дороже, пусть! У нас есть свой исторический путь и загадочная душа. Иностранцам не понять русского человека, способного ради того, чтобы раз в год поспать на час побольше, терпеть эти временные трудности.

вопрос недели



И ХОЧЕТСЯ И КОЛЕТСЯ

Русский человек способен понять все — и почему Россия бедная, и чего нам не хватает для счастья, и даже за кого голосовать на выборах. В России остался один неразрешенный вопрос — поддержать ли рынок? Начиная с 1993 года уровень не определившихся в этом вопросе, по данным ВЦИОМ, не падал ниже 30 процентов, а за последние четыре года вырос аж на 10 процентов! Вот и в этом году полку затруднившихся ответить на вопрос о рынке прибыло — на сей раз за счет тех, кто считает, что «следует прекратить». А вот уровень рыночных оптимистов за год не изменился.

спорт

REUTERS

ПОСТОЛИМПИАДА

После подведения итогов Олимпиады-2000 сотрудники Олимпийского комитета решили не расходиться и заняться пересмотром этих итогов. Комитетчики перепроверили большинство установленных рекордов и сделали ряд сенсационных открытий.

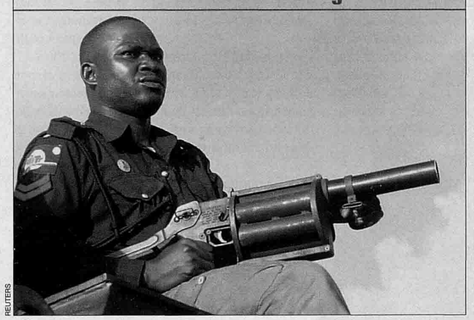
По их словам, многие спортсмены разделят судьбу Александра Ляйпольда, который был постфактум уличен в употреблении допинга и лишен награды. Так что Олимпиада продолжается. Каждый день появляются новые олимпийские чемпионы — те, кто еще вчера был серебряным медалистом.

ИЗВЕСТНЫЕ МАРАФОНЦЫ

Дочь президента Перу Альберто Фухимори по имени Кейко София объявила о своем участии в знаменитом нью-йоркском марафоне. Она красивая очень, ей всего 25 лет, она не замужем, но «работает» первой леди Перу — отец передал ей эти полномочия после развода с ее матерью. Говорят, что организаторы этого мероприятия использовали луноликую Фухимори как приманку, на которую уже слетелись спонсоры.

REUTERS

ошибки молодости


REUTERS

НЕ ХОДИТЕ, ДЕТИ, В АФРИКУ ГУЛЯТЬ

По опубликованным на минувшей неделе данным Всемирной организации здравоохранения, подростковая смертность в мире за последние пятьдесят лет снизилась на 60 процентов. Причем снижение это продолжается неуклонно и с каждым годом все быстрее. Исследователи связывают эту положительную тенденцию с улучшением качества питания, жилья, а также с более доступной медицинской помощью. Наиболее неблагоприятными регионами для молодежи в исследовании называются Африка и Юго-Восточная Азия. Там, высчитали ученые, всему хорошему, что могло бы быть у молодежи, мешает отсутствие электричества. Выходит, темнота — враг молодежи.

славный юбилей

ВЛАДИМИР СМОЛЯКОВ

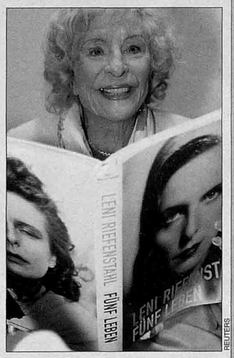
В МЕТРО, В МЕТРО, В МЕТРО ЭВРИБОДИ...

В начале 90-х годов в Варшаве появилось «Метро». И ничего бы сверхъестественного в этом не было, ну мюзикл, ну появился. Но! Это был первый мюзикл, родившийся не на Бродвее, но, несмотря на это, обошедший все сценические площадки мира. И это был первый мюзикл, в котором были задействованы непрофессиональные актеры. Уже через два года «Метро» доехало до Бродвея. А еще через семь лет оно добралось и до нашей столицы. 22 октября вся прогрессивная московская общественность будет отмечать годовщину проникновения этого шедевра музыкального и сценического искусства на наши сцены, а мы, пользуясь случаем, поздравляем наших «метрошников» с днем рождения. «Давайте строить вместе!»

презентации

ВОССТАВШАЯ ИЗ МЕРТВЫХ

Лени Рифеншталь жива. Легендарная соратница, а поговаривают, что и любовница Гитлера, девяностовосьмилетняя актриса и великолепный фотограф не только хорошо себя чувствует, но даже написала книгу о своей молодости. Называется «Пять жизней». Прозрачный намек на то, что автор, которую вся Германия уже давно похоронила, рассчитывает прожить еще четыре жизни — до вечности. Презентация мемуаров прошла во Франкфурте.



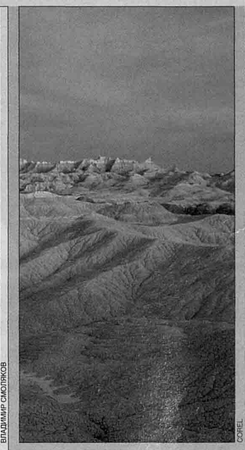
REUTERS

ЮРИЙ СЕБАСТЬЯН

ЭТО РОДИНА МОЯ...

Женщина-фотограф Хайди Холлиндженр родилась в Канаде. Но любит она исключительно Россию. В прошлом году она выпустила фотоальбом про настоящих русских политиков, в этом — про просто настоящих «Русских». В будущем году она обещает просто родить настоящего русского ребенка.

наедине с природой


CORBIS

ЖАЛЬ ТОЛЬКО, ЖИТЬ В ЭТУ ПОРУ ПРЕКРАСНУЮ...

Профессор физики Мичиганского университета Ф. Адамс предлагает нам выбрать, какой смертью помереть хотим — сгореть или замерзнуть. Дескать, через 3,5 млрд. лет Солнце вырастет до размеров орбиты Марса и поглотит нашу планету. Хотя есть выход. Можно воспользоваться помощью проходящих мимо звезд и сорвать ее с насиженной орбиты. Тогда мы, безусловно, не сгорим, а всего лишь замерзнем в бескрайнем космическом пространстве, что, несомненно, гораздо лучше. Ему возражает профессор Пенсильванского университета Дж. Кастинг — дескать, нет, все мы не умрем, и т.д. Просто к тому времени на Земле уже умирать будет некому. Через 1,2 млрд. лет температура на Земле повысится до 60 градусов, и она просто высохнет. Весь пар, который сейчас превращается в дождь, поднимется в стратосферу, где и распадется благополучно на водород и кислород. Но и на этом пенсильванский маньяк не останавливается, ему непременно хочется ухайдокать человечество пораньше. «Через 500 млн. лет, — говорит этот монстр от науки, — весь диоксид углерода, содержащийся сейчас в атмосфере, растворится в мировом океане». Соответственно растения, лишившись основного продукта питания, сдохнут с голодухи, а вслед за ними к праотцам отправится и весь животный мир во главе с гордым человеком.

09643

ЮРИЙ ФЕКЛИСТОВ

Татьяна Дьяченко «Если бы папа не стал президентом...»

Владимир ЧЕРНОВ

«После избрания Бориса Ельцина президентом на второй срок для публики она вновь превратилась из неординарного человека просто в дочь главы государства, для россиян — в царевну. Быть просто царевной, то есть не личностью, а неким соблазнительным приложением к личности царя, Татьяна не захотела».

«Президентских жен и дочерей, как самых близких главе государства, молва никогда не будет жаловать. С этой точки зрения Татьяна Дьяченко обречена: что с официальным статусом (президент волен нанимать на службу кого угодно), что без — для определенной части российских граждан она всегда будет всего лишь дочерью, оказавшейся при власти (а значит, согласно устоявшемуся стереотипу «в тепле») лишь благодаря своему отцу. Ей не позавидуешь, как любому человеку, вынужденному оправдываться даже тогда, когда оправдания вовсе не нужны и не действенны».

Газета «Век», 6 июня 1997 г.

Бывший охранник президента Александр Коржаков сказал в одном из интервью, что неоднократно был «свидетелем того, как Татьяна искусно пересказывает президенту кое-какие истории, которые ей в другое ухо нашептывал Березовский».

«Вечерняя Москва», 19 ноября 1996 г.

«Вся жизнь Татьяны Дьяченко, любимой младшей дочери бывшего президента, «царицы», «кремлевской принцессы», — площадка для игры. Любые виды ограничений ее бесят. В результате она склонна к злоупотреблению пищей, алкоголем...

Будучи игроком по натуре, Татьяна часто делает крупные ставки, что заражает и привлекает других людей. Она чувственна и обладает сильным либидо, часто влюбляется и быстро остывает. Эти качества обеспечивают оживленную и восхитительную интимную жизнь».

«Откупиться от напора Татьяны Дьяченко можно, либо оплачивая ее счета, как Беджет Паколли, либо приобретая замки, как президент швейцарской фирмы «Мерката трейдинг» Виктор Столповских, который одно время пользовался особым доверием президентской дочки».

«Среда», 12 января 2000 г.

«...идет полным ходом работа над первой книгой бывшего первого помощника президента Ельцина по имиджу Татьяны Дьяченко. Книга носит характер медитативных размышлений о своей роли в становлении российского этикета. Ведь именно Татьяна Борисовна стояла у истоков выработки незыблемых правил и устоев кремлевского этикета. К работе над книгой в качестве консультантов привлечена большая группа известных искусствоведов, модельеров, кулинаров... ...разговор в книге Дьяченко будет вестись понемногу обо всем: во что следует одеваться на светские приемы и рауты, впечатления о заграничных поездках в составе официальных делегаций, меню кремлевских обедов и ужинов...»

«Независимая газета», 13 апреля 2000 г.

— Таня, вы себя любите?

— За что? Я хотела стать профессионалом в какой-нибудь области. Не получилось. В политике я не профессионал. В МГУ училась прикладной математике, мечтала заняться математическими моделями в биологии, а попала в КБ, в «ящик», на десять лет, занималась там баллистикой, окончила еще и МАИ, чтоб освоить эту баллистику. А до этого я мечтала строить корабли, не космические — морские, а еще до этого плавать на них, но девочек не брали в нахимовские училища, хотя я даже азбуку Морзе выучила. И сейчас могу отстучать морзянкой что-нибудь. Закончились десять лет в «ящике», пришла в Кремль. Здесь четыре года проработала, а сейчас не знаю пока, чем стану заниматься.

Вообще у меня характер такой, что я зачем-то сама себе завышаю требования. И мне кажется, что всякий раз я не дотягиваю до планки. Мне когда-то давно предлагали вступить в партию. Но я считала, что еще плохо разбираюсь в политике, в международном положении, в общем, недостойна пока еще. И не вступила. Так что активистки из меня тоже не получилось.

Хотя в школе я была такая активная. Вечно организовывала что-нибудь. В походы часто с классом ходили. Причем с ночевкой, даже зимой, помню, я организовала поход на субботу-воскресенье, а собралось нас всего только трое и собака... Зима, снег по пояс, в результате мы поехали куда-то на электричке, замерзли там, как кочерыжки. Но были очень довольны.

— А дома как к этому относились?

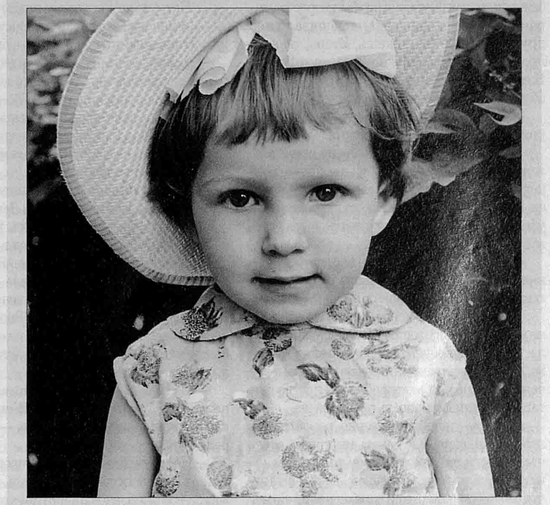
— Нормально. Вообще, в школе я примерная была. Мама меня в Москву после школы очень боялась отпускать: куда такой птенчик неопытный?! В жуткую Москву, в столицу, одна! Не выживет, пропадет!

— А почему в Москву?

— Мне никогда не хотелось испытать то, что пережила моя сестра, которая блестяще училась в Уральском политехническом институте, она очень способный человек, но все вокруг все равно говорили, что пятерки ей ставят по блату. Поэтому я сразу хотела уехать туда, где папу никто не знает.

— Когда в последний раз вы плакали?

— Совсем недавно. Я, наверное, плакса. У меня слезы так близко, что никаким усилием воли, хотя я вообще-то очень сильная, слезы остановить не могу. Да и подкатывают они в самый неподходящий момент. Когда никак нельзя показывать, что это меня задело. И я удерживаю доброжелательное такое, спокойное лицо, а слезы просто катят! И еще помню, как я жутко рыдала, когда сняли Гайдара. Когда папа его снял. Я не понимала, почему он это сделал. Я тогда была еще далека от политики. Сидела одна на кухне, читала газеты, смотрела телевизор — и слезы просто градом. Так мне было невыносимо плохо! Неужели нельзя было сделать так, чтобы он остался, продолжил реформы, чтобы, наконец, люди почувствовали результат! Столько тяжелого уже пережили, неужели вот так взять, бросить на полпути.



Тане два года

— А у папы пробовали спросить?

— Про Гайдара? Спрашивала конечно. Он просто сказал: нет, по-другому было нельзя! Ситуация была такая, что, наверное, папа гайдаровскую команду не в силах был удержать.

— А плачете по личным поводам или из-за работы?

— Из-за людей. Когда это связано с работой, там я, как пружина, могу работать двадцать четыре часа. Иногда плачу на спектаклях, когда смотрю фильм. Но особенно когда кто-то, от кого не ожидала, вдруг делает тебе больно.

— Кто, например?

— За четыре года, конечно, были разочарования. Ну, например, Игорь Малашенко.

— Малашенко — фигура загадочная. Как он попал в Кремль?

— Игорь неординарная личность. Профессионал в своем деле. Он был приглашен в аналитическую группу, потому что туда приглашали лучших и умнейших. Люди, к мнению которых я прислушивалась более всего в

96-м году и доверяла им в самых критических ситуациях, — это Чубайс и Малашенко. Они были тогда рядом с папой. Малашенко имел возможность всегда высказать свою позицию президенту. Не было случая, чтобы папа не выслушал его.

Странно, как меняются люди. Про меня Малашенко знал практически все. И он позволил, чтобы про меня на НТВ вышла такая невероятная ложь, о папе, обо мне, о замках и зарубежных счетах. Для меня это было просто ударом. Нет, я не спрашивала, спрашивали мои друзья: как же ты можешь, Игорь, ты ведь прекрасно знаешь, что ни у Тани, ни у Бориса Николаевича ничего этого нет? Он отвечал: раз об этом все говорят, мы и сообщаем.

— Он же не был самостоятельным человеком, там все диктовал Гусинский.

— Ну, самостоятельный — не самостоятельный, ты же можешь уйти в конце-то концов. Ведь отказался это делать Олег Добродеев. Есть позиция человека, есть же какие-то убеждения, даже если они и не нравятся твоему хозяину...

— Обвинения в том, что у вас счета за границей, яхты и замки посыпались после этого градом. И вы не реагировали?

— То, что все это неправда, я и доказывать не хотела, у меня просто времени на это не было, да пусть в конце концов говорят что угодно. Все, кто знал меня, никогда не верили в эту чепуху. Я считаю, таким образом просто пытались дискредитировать президента.

А чтобы целенаправленно разоблачать ложь, надо постоянно давать интервью, отвечать на каждое оскорбление, то есть становиться публичным человеком, я же считала, что моя роль — быть при папе одним из его незаметных помощников. Все! Тяжело, конечно, было, когда это на меня обрушивалось. Но сколько писали неправды про папу! И мне, раз я оказалась рядом, ничего не оставалось, как и самой все это испытать. Вообще, это нормально. Я переживаю лишь тогда, когда клевета идет от людей, знающих прекрасно правду, знающих меня, от них-то этого не ждешь. А выживать как-то надо, поэтому я сказала себе: ты должна ждать плохого от всех! Хотя жить так — ужасно. Но это единственный способ избегать разочарований.

— Говорят, что за спиной всякого великого человека, как правило, стоит женщина...

— Вы имеете в виду, что за папиной спиной стою я? Не-ет. За папиной спиной стоит мама. Вообще, столько, сколько пережила она, не знаю, редко кто пережил. Такой судьбы не пожелаешь никому. Я всегда говорила, что маме можно памятник ставить при жизни. Папе еще можно подумать, а маме — точно. То есть это настолько себя отдать человеку, у нее же никакой личной жизни, и практически никогда не было, во всяком случае сколько я себя помню. Бессонные ночи, сплошные переживания. Она воспринимает все происходящее гораздо ближе к сердцу, чем папа. Колоссальная нагрузка еще со Свердловска: дети, собственная работа, она же была главным инженером проекта, ответственность огромная. Но она при этом всегда жила для папы. И еще она на сто процентов чувствует людей. Как она мне не советовала выходить замуж первый раз! Ведь как предсказывала, так и получилось. Быстро все развалилось.

Мне так хочется, чтобы хотя бы сейчас у нее радостей было побольше. Я ей говорю: мама, наконец-то у нас у всех стало больше времени, займись собой, сходи к косметологу, в парикмахерскую, проведи там столько времени, сколько хочешь. Повстречайся со своими подругами, сходите в ресторан, посидите, отдохни вечером. Сделай то, чего никогда у тебя не было. Ты уже имеешь на это право.

— И что она отвечает?

— Нет, она по-прежнему рядом с папой.

— А она когда-нибудь подсказывала Борису Николаевичу, как решать что-нибудь?

— Никогда. Они, наверное, идеальная пара, это когда мужчина знает, что дома он всегда, всегда получит поддержку. Всегда. Что бы ни случилось, даже если мама была не согласна, но папу поддерживала. Всегда говорила ему потом, что не согласна, но в самый критический момент поддерживала.

— Почему именно вы оказались возле отца в 96-м году, а не ваша сестра Лена?

— Просто так у нас сложилось. Я в Москве с 77-го года, уехала сюда учиться в университет, а Лена жила в Свердловске. Когда папу пригласили в МГК, у меня была комната в коммуналке, я и стала жить с родителями. А Лена отдельно, со своей семьей. Вообще, Лена, на мой взгляд, идеальная жена и мама. Это от нашей мамы все к Лене ушло. А я, так получилось, больше с папой была.

— В «Нувель Обсерватер» писали, что однажды вы будто бы сказали: «У меня на руках два маленьких ребенка, один — Глеб, второй — папа».

— Нет, я такого никогда не говорила. Хотя у меня к папе особое отношение, муж меня всегда к нему ревновал, потому что на самом деле у меня на первом месте — папа, на втором — мои дети, на третьем — муж, а потом — все остальное.

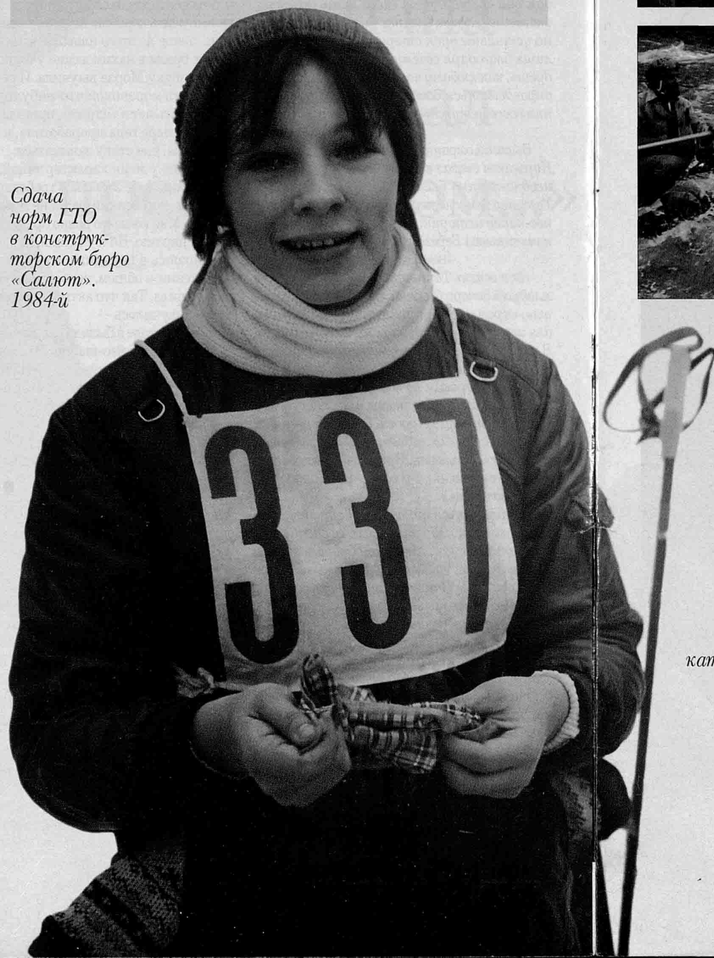
— Борис Николаевич вообще всегда нравился женщинам. «Огонек» где-то году в 92-м проводил среди женщин опрос, какие мужчины нравятся им больше всех, и на первом месте был Ельцин. В нем всегда была некая магия, притягивавшая людей, ну и женщин в первую очередь. По всем параметрам, даже по росту, он давал фору своему окружению.

— Мне трудно говорить на эту тему, я жутко субъективна, потому что я его просто люблю. Но я помню, каким он был двадцать лет назад. Тогда буквально все женщины падали вокруг, у него же бездна юмора, он блестяще танцевал, причем танцевал так, как я люблю, не монотонно, однообразно, а творчески, интересно, то есть с ним в танце ни на секунду нельзя расслабиться, иначе просто упадешь на глазах у публики. Но он так крепко держит твою спину, что чувствуешь: из этих рук ты никуда не денешься. А ему всегда было не до женщин. Он был занят работой с утра до ночи. И в отпуск они с мамой всегда ездили вместе, они и в гости всегда ходят вместе. Для нашей теперешней жизни это слегка диковато.

— Когда в семье такой мужчина, кавалерам дочери приходится нелегко: есть с чем сравнить. Не из-за этого ли первое замужество вышло у вас несчастливым?

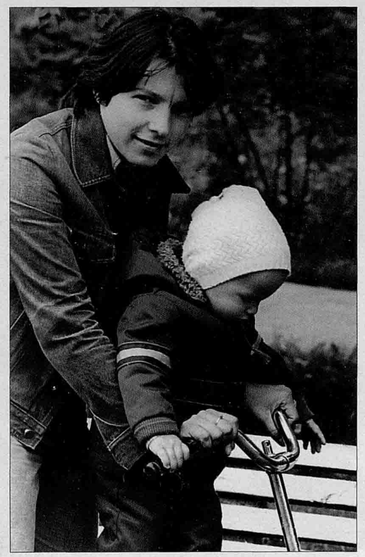
— Почему несчастливым? Просто это было в молодости, в университете, первая любовь, тут все понятно. Но я никогда не сравнивала никого с папой. Я считала, что это просто

Таня и Лена с бабушкой Клавдией Васильевной



Сдача норм ГТО в конструкторском бюро «Салют». 1984-й

На субботнике в школе, 10-й класс



Поход на катамаранах. Карелия, конец 80-х

С Борей. Лето 83-го

невозможно. Папа уникален. А потом, такого мужа, как папа, я бы не хотела себе никогда. Нет, с ним хорошо, с ним интересно, но все-таки тяжело. Это и счастье, и огромная тяжесть. Наверное, так жить может только мама.

— Когда вы работали в предвыборном штабе в 96-м году, а потом стали советником президента, вам, наверное, приходилось людей как-то «выстраивать»? Вы вообще по натуре властный человек?

— Мне уже сорок лет, но никогда у меня не было ни одного подчиненного. В Кремле был секретарь, точнее, секретарша. И с ней у нас сложились дружеские отношения. Никогда мне в голову не приходило вмешиваться в сложившийся порядок и начать людей вокруг «выстраивать». Другое дело, если создавалась критическая ситуация, как это постоянно случалось в 96-м году, когда надо было мгновенно принимать решение и сразу же его реализовывать.

— Вот у меня цитата из книги Бориса Николаевича: «Чего греха таить: я всегда был склонен к простым решениям. На каком-то этапе... я почувствовал: ждать результата выборов в июне нельзя... Действовать надо сейчас!

Я решился и сказал сотрудникам аппарата: «Готовьте документы...» Началась сложная юридическая работа. Был подготовлен ряд указов: в частности, о запрещении компартии, о роспуске Думы, о переносе выборов президента на более поздние сроки...

23 марта в 6 утра состоялось закрытое совещание с участием Черномырдина, Сосковца, силовых министров, главы администрации Николая Егорова. Я ознакомил всех с этим планом...

Пока я находился в кабинете, Таня позвонила Чубайсу, позвала его в Кремль. «Папа, ты обязан выслушать другое мнение. Просто обязан», — сказала она. И я вдруг понял: да, обязан...

Мы разговаривали около часа.

...И все-таки отменил уже почти принятое решение».

Что же там было и как так вышло, что за какой-то час президентское решение сменилось на прямо противоположное?

— Это драматический был момент. Перенести выборы и распустить Думу хотел Коржаков. Это позволяло ему сохранить, как он считал, влияние на папу. Он окружил папу плотным слоем своих людей, на многих должностях вокруг постепенно оказались люди Коржакова, силовики, министры, секретари, вся охрана. И возник важный психологический момент. Одно дело, когда политик имеет возможность выслушать разные позиции, а тут папа оказался окружен людьми, которые все как один говорили: да зачем нам эта тяжелейшая кампания, вы останетесь еще на два года, это большой срок, там спокойно проведем выборы, все демократические ценности сохранятся. Но уже работала наша аналитическая группа, а мы считали, что перенос выборов — вещь смертельно опасная для страны. Не говоря уже о том, что отложить — это значит нарушить Конституцию. И вот настал день, когда папа очень рано приехал в Кремль, и я почувствовала, что он настроен принять окончательное решение. И, боюсь, опасное. Я дома говорила ему, что его никто не поймет, что это потеря всего, что далось с таким трудом. Но он к моим словам не относился серьезно, отмахивался. И тогда я позвонила Чубайсу и попросила его срочно приехать в Кремль. Потому что он был руководителем нашей аналитической группы и я была уверена: он сможет привести папе сильные аргументы. Я хотела, чтобы папа услышал другую точку зрения, отличную от того, что говорили ему почти все вокруг. Чубайс приехал. Я пошла в приемную, попросила секретаря узнать у папы: можно ли мне с ним поговорить?

— А просто как дочь вы не могли к нему зайти?

— Нет, никогда. Без разрешения никогда. А разрешение могли дать только его секретари. Секретарь доложил, и папа согласился меня принять. Хотя ему было не до меня. Я попросила его выслушать аргументы Чубайса. Папа сказал, что никого не хочет слушать. Но он не сказал, что принял окончательное решение. В этом случае все было бы бесполезно. Если он принимал решение, то больше к обсуждению вопроса не возвращался. Я уж не помню дословно, что я говорила, я никогда и ни перед кем не стояла на коленях, а тут я готова была упасть перед ним на колени и умолять. Наверное, он это почувствовал. И сказал: «Ладно, зови!» Когда Чубайс вышел от папы, он был весь на таком взводе! Но вышел он с победой. Подробностей не знаю, знаю, что разговор шел на повышенных тонах. Но Чубайс умеет говорить жестко и аргументированно. И он нашел слова, которые папу убедили.

— Представляю, как на это среагировал Коржаков... Еще цитата: «Накануне второго тура президентских выборов Коржаков решил нанести свой ответный удар. 19 июня в семнадцать часов на проходной Белого дома служба безопасности президента задержала двух членов предвыборного штаба. Их обвинили в хищении денег. Коржаков давно искал повод для скандала. И наконец нашел.

...Утром я принял окончательное решение. Коржаков, Барсуков, Сосковец по моему приказу написали прошения об отставке». Что же было между скандалом и отставкой? Она для всех оказалась совершенно неожиданной.

— Настал день, когда Коржаков начал предпринимать шаги, которые могли бы сорвать выборы. Коржаков пошел ва-банк. Во всяком случае попытался всячески скомпрометировать нашу аналитическую группу и папу от нее изолировать. Руководители группы просили президента принять их, чтобы объяснить, что на самом деле происходит. Папа согласился встретиться, оставалось решить задачу, как их провести в Кремль, чтобы об этом не узнал Коржаков и не устроил какую-нибудь провокацию. От Коржакова я ожидала чего угодно. Всего. И тогда я просто посадила Чубайса и Малашенко в свою машину и провезла их на территорию Кремля. Меня-то никто бы задерживать не стал. Привела в коридор перед кабинетом президента, там пост, и пропускают по специальным пропускам лишь тех, кому назначено и о ком знает секретарь в приемной, а, значит, знает и Коржаков. Игорь заволновался, что его не пропустят, я тоже волновалась, но решила: как-нибудь пробьемся.

Я открываю дверь в этот коридор и говорю охране: они со мной. И мы проходим. Там, в приемной, есть специальная комнатка для ожидания, Малашенко в ней остался, а Чу-

байса пригласил президент в свой кабинет. Когда Чубайс вышел с абсолютно каменным лицом, я не знаю, о чем они там говорили, у меня сердце прямо упало. Потом секретарь на секунду отлучился, и Чубайс быстро сказал нам: «Все в порядке!»

Вот так и произошла отставка Коржакова. Когда папа шел на встречу с кремлевским пулом, чтобы объявить об этом, я подошла к нему в коридоре, но он сказал мне: «Подожди, не мешай».

К Коржакову у меня не было ни жалости, ни разочарования в нем. Я просто холодела от мысли, что такой человек имеет огромные властные возможности. Мне было очень жаль его жену Ирину. Я позвонила ей сразу после этого, попыталась найти какие-то слова, чтобы она чуть меньше переживала.

— Вы обязательный человек? Пунктуальный?

— В общем, да, обязательный. К сожалению, не пунктуальный. Я часто опаздываю. Это черта характера, с которой жутко борюсь, и периодически побеждаю, но, наверное, она со мной останется навсегда. Причем, как правило, всегда есть причина, и уважительная. Но все равно это очень плохо. Меня однажды так за это публично отчитал Юмашев! Я опоздала на совещание в Кремле. Было невозможно стыдно, я прокляла все на свете. Это была такая публичная порка, это было так ужасно, и потом я ему сказала: «Извини, Валя, ты был абсолютно прав, я, конечно, постараюсь больше не опаздывать...»

Вот папа у меня абсолютно другой, вот он — пунктуален, он всегда все сделает заранее, вовремя, он всегда готов, до минуты. И когда я говорю: «Ну ладно, папа, ничего страшного, еще пять минут, они пока там как раз приготовят к интервью аппаратуру...» — «Как ты можешь! Это же неуважение к людям, которым я сам назначил время!» Представляете? И так всегда!

— И вы рискнули предложить такому человеку свои услуги в качестве помощника и советника?

— Я сама не рискнула бы это сделать никогда в жизни. Все произошло волею судьбы, случайно, так сложились обстоятельства в 96-м году, что я оказалась нужна папе, я жутко сомневалась, смогу ли быть для него полезной, мучительно переживала, а потом оказалось — да, это было правильное решение. После 96-го года я уже более уверенно себя чувствовала, хотя тоже мучилась, идти ли мне на работу советником президента, но в тот момент папа готовился к операции, постоянно возникали обстоятельства, при которых требовалась моя помощь. Он сказал: «Ты мне нужна!» И все. Папа послал меня во Францию познакомиться с Клод Ширак перед тем, как решил меня назначить на официальную должность (до этого я работала в предвыборном штабе на общественных началах), потому что я очень сомневалась, смогу ли работать советником президента, что именно надо делать, и он мне говорит: «Поезжай, посмотри, как дочь Ширака работает» — я и поехала. Она действительно совершенно очаровательная женщина, очень мне понравилась, тактичная, милая, все рассказала и немножко вдохнула в меня уверенность. «Ну, не получится, — подумала я, — или папа меня выгонит, или сама уйду».

С главой администрации президента Валентином Юмашевым. Май 97-го

С Анатолием Чубайсом. Предвыборная кампания 96-го

В рабочем кабинете с папой

С мамой и Галиной Вишневской. Большой зал консерватории

С дочерью президента Франции Клод Ширак. На приеме в Кремле

— А как вы с Клод общались?

— К сожалению, французский я не знаю совсем. Английский понимаю, но не могу говорить. Мою любимую книгу — притчу Баха «Чайка по имени Джонатан Ливингстон» — я прочитала в оригинале, я читаю на английском, а говорить не могу. Муж хорошо говорит по-английски, сын, сами понимаете, блестяще, а я — нет.

— Можете сказать, что вы управляли государством?

— Конечно нет. Папа прекрасно понимал предел моих возможностей. В 96-м году в предвыборной кампании я была связующим звеном между мозговым штабом, аналитической группой и папой, без чего, наверное, все было бы намного сложнее. Тогда счет шел на минуты, и я считаю, моя помощь именно тогда была нужна.

— А были какие-то необычные, внештатные ситуации в Кремле во время вашей службы?

— Больше всего я боюсь сумасшедших на государственной службе. Один товарищ из администрации долго уговаривал меня встретиться с «крайне полезным для страны человеком». Привел ко мне в Кремль. Тот оказался странный какой-то, в черном костюме, в узеньком черном галстуке, и просит встречи наедине. Я говорю: да можно и при всех. Нет, только наедине. Ничего себе, думаю, что он тут может выкинуть! Ладно, остались наедине. Он говорит: знаете, я могу помочь человечеству. Тут мне вообще плохо стало. Я, говорит, могу издавать такой звук, после которого все, кто грешил в жизни, начинают каяться. Я не могла даже смеяться. Думаю: попросить его издать этот звук? А если он из окна выпрыгнет? Или еще что-нибудь выкинет нестандартное? Ну ладно, говорю, издавайте свой звук. А он: для этого нужна специальная аппаратура, вот вы приезжайте ко мне, у меня там специальная комната, там и послушаете. Я говорю: нет, спасибо, я никуда не поеду. А этот товарищ из администрации хотел, чтобы еще и мама с ним встретилась. Я потом ему говорю: вы что, с ума сошли?

— Президенту обычно готовят выжимку из всего, что появляется в прессе. Вы дополнительно ему что-то рассказывали?

— Он был в курсе всего. Читал все газеты. Дайджесты, которые готовила пресс-служба, — это сами статьи и короткая суммарная аннотация новостей. Конечно, в дайджестах были и негативные материалы. Кроме того, факты, даже самые неприятные, я сообщала ему всегда.

— И как он реагировал?

— По-разному. Для меня важно было, чтобы он все это услышал. Он мог с чем-то сразу же согласиться: да, справедливо, мог — просто не отвечать или сделать вид, что не заметил, и перейти на другую тему. Мог отшутиться, отмахнуться: мол, нет, ты не права, ничего подобного! Я и не настаивала, я знала: он это услышал. Он знает. Этого достаточно.

— Некоторые газеты все последние годы со страшной ненавистью писали о президенте, тот же «Московский комсомолец». Он читал эти публикации?

— Да. Кстати, «Московский комсомолец» в дайджестах есть всегда. Такое ощущение, что не любят они свою страну, стыдятся ее, ругают как только можно — это их проблемы. Я горжусь своей страной, считаю ее самой лучшей, в нас есть сочетание ума, души, культуры, мы, конечно, достойны лучшей жизни, и это все у нас будет. Я в это верю. Другое дело — когда. Хотелось бы, чтоб поскорей. Что касается газет, то мы с этими газетами так долго живем... И папа по-моему уже не реагирует на всю эту грязь. Думаю, и у читателя образовалась такая защитная реакция. Истерика уже не доходит. Тем более мрачные прогнозы, что все уже вот-вот развалится, никак не сбываются. Тем, кто пугает, веры уже нет. Люди привыкли к страшилкам, перестали реагировать. Другое дело, что общество должно выработать механизм жесткой реакции на публичное распространение и тиражирование лжи, — это честные суды, может быть, очень большие штрафы, потому что любая газета должна бояться печатать непроверенную информацию, а тем более заказную ложь. Это норма. Если не уверен — лучше молчи, чем тиражировать вранье.

— А что вы думаете о происходящем на НТВ?

— Ситуация очень болезненная, потому что НТВ — это компания, ставшая очень важным элементом в создании гражданского общества. При рождении ее я не присутствовала, но на моих глазах происходило ее становление. Для этой телекомпании папа очень много сделал. Столько, сколько, наверное, ни для какой другой. Хотелось, чтобы это было именно частное, независимое, профессиональное телевидение. Для НТВ освободили весь четвертый канал, убрали оттуда «Российские университеты», папа так решил, а сколько было желающих в то время ставить палки в колеса НТВ: почему дали все именно им, а не другим, за что? Да, отвечали мы, они критикуют, но в стране должно быть независимое телевидение. И пусть будет другая точка зрения, это нормально. Единственное, что недопустимо, — превращать телеканал в политическую дубину. Ну так они именно это и сделали. И теперь, если продолжат в том же духе, они сами погубят НТВ.

— Как вы себя чувствовали в Кремле среди матерых политиков?

— Мне вообще-то повезло тогда, в 96-м. Я общалась с самыми блестящими аналитиками. Элита средств массовой информации, тот же Олег Добродеев, Костя Эрнст, Ксения Пономарева. Это люди, создававшие наше новое телевидение. Один из лучших наших социологов Александр Ослон. Анатолий Чубайс, Василий Шахновский, Сергей Зверев.

Как это началось? Папа послал меня на заседание предвыборного штаба, руководимого еще Сосковцом, я там посидела тихо, как мышка, молчала. Думала, или я что-то не понимаю, или они что-то делают не так. Потом сидела на других обсуждениях. Что мне прежде всего бросилось в глаза — насколько по-разному руководители ведут совещания. А ведь от этого зависело, насколько они эффективно умеют использовать эти час-два или, там, иногда пять часов (столько вести совещание — это вообще сумасшествие!) своего рабочего времени. Прекрасно совещания вел Чубайс. Выслушивал все точки зрения, а потом четко, ясно, по полочкам подводил итоги. Причем по какому-то пункту мог сказать: а вот здесь, ребята, я не знаю, что делать. Да-

вайте обсудим это еще раз на заседании аналитической группы или привлечем специалистов со стороны.

— А как выглядел Юмашев в сравнении с Чубайсом?

— Юмашев совершенно не выглядел начальником, но в то же время в обсуждениях, которые он проводил, обязательно что-то неожиданное рождалось. Какая-то новая идея. Часто он всех просто ошарашивал своей откровенностью в оценках ситуации, людей, я просто пугалась: Боже мой! Как можно в этом составе такие вещи говорить!

— А что вы скажете о Волошине? О нем говорят: танк! Он по натуре кто?

— Ужасно интересный человек! С ним непросто общаться. Я думаю, некоторых его манера просто бесит. Он может настолько умно построить разговор, с юмором, так обаять, что иной человек уходит и лишь за дверью спохватывается: так он согласился или нет? В другой раз Волошин очень жестко формулирует свою позицию. И притом он очень нежный человек. Я была у него дома, слышала, как он разговаривает с сыном, с мамой. А на работе он действительно напоминает какую-то сложную, хорошо отлаженную, не знающую усталости машину. Я иногда просто не понимала, как он выдерживает. Вот идет подготовка послания президента к Федеральному собранию, папа ему звонит в два часа ночи, в четыре ночи, когда угодно — и он бодрым голосом отвечает. Волошин до двух ночи неотрывно работал, в четыре его папа поднимал, давал задания, а в восемь утра он уже снова на работе. Это невероятно. Для меня есть еще один важный показатель при оценке людей: и Путин, и Юмашев, и Волошин — это все люди, которые абсолютно не рвались на предложенную им должность. Более того, они отказывались. Но жизнь заставила, папа уговорил. И они эту работу делали или делают блестяще. Появится кто-то лучший, они спокойно дело ему передадут. Я в этом уверена.

— А Гайдара, когда вы по нему плакали, вы хорошо знали?

— Вообще не знала. Просто я настолько верила в этих молодых ребят, и папа в них верил. Я человек, ничего не понимающий в экономике, но когда тебе грамотно, толково объясняют что-то, чего у нас никогда не было, начинаешь этим людям верить. И хочется им помогать.

— А Кириенко хотелось помогать? Он ведь тоже молодой, образованный?

— Очень талантливый молодой человек. Но, наверное, папа просто вывел их на политическую арену не совсем вовремя. Так получилось. А самому Кириенко не хватило еще и опыта. Он очень одаренный человек, по-моему, у него все еще впереди.

— Может быть, политика потому жестокая вещь, что она порой выстреливает очень неплохими людьми не в свое время? И тратит их зря, просто потому, что нужно же что-то делать, а других в тот момент не оказалось?

— Ну почему, папа тоже выстрелил собой не в свое время, опередил его, но оказался настолько сильным и мощным, что сумел все преодолеть. Просто не у каждого такой запас прочности мощнейший. Хотя у папы так складывалось, что все от него зависело, а у Сергея Владиленовича иначе, многое от него не зависело.

— А Чубайсу хотелось верить и помогать?

— Да, хотелось. Помню, на заседании штаба в 96-м году Чубайс был настолько блестящ, и я, помню, написала ему записку: «Как здорово, если б вы были следующим президентом!» И Чубайсу передала. Сейчас, узнав его в разных ситуациях достаточно хорошо, я по-прежнему им восхищаюсь. Но он такой... — борец, понимаете? А мы все-таки живем в сложной стране. И с людьми надо, наверное, как-то более тонко говорить.

— А вас ведь и олигархи окружали. Таинственные люди, про которых никто ничего толком не знает, одни предположения. Уж в чем их только не обвиняли, хотя доказательств их злокозненности так и не привели ни разу. Писали, что ваша настоящая семья не папа с мамой, а Мамут и Абрамович.

— С Романом Абрамовичем вначале очень настороженные были отношения. Вообще, ко всем бизнесменам я очень настороженно отношусь, даже больше, чем к журналистам. Я их просто боюсь.

— Что же в них опасного?

— Боюсь, что меня куда-то там, ну, не то что втянут, а как-то смогут использовать знакомство со мной. И поэтому, когда познакомилась с Романом, вначале к нему с опаской относилась. Причем довольно долго. А потом, когда я его лучше узнала, почему он вот так поступает, какие у него мотивы, чего он добивается, честно скажу, была просто поражена. Как он этой Чукоткой болеет! Детей вывозит на Черное море, заботится, чтоб там топливо было, электричество, движки завозит, мотается туда постоянно, все это за свой счет. Наверное, мог бы на эти деньги купить себе дом, яхту, плавать, расслабляться, отдыхать и ни о чем не думать. Конечно, преступление, что государство поселило в этом краю людей и бросило на произвол судьбы...

— А ужасный Мамут?

— Ужасный Мамут на самом деле скромный, интеллигентный, умный, тонкий человек. С блестящим юмором. Он такой же пострадавший, как и я. Сделали из него монстра. За что?

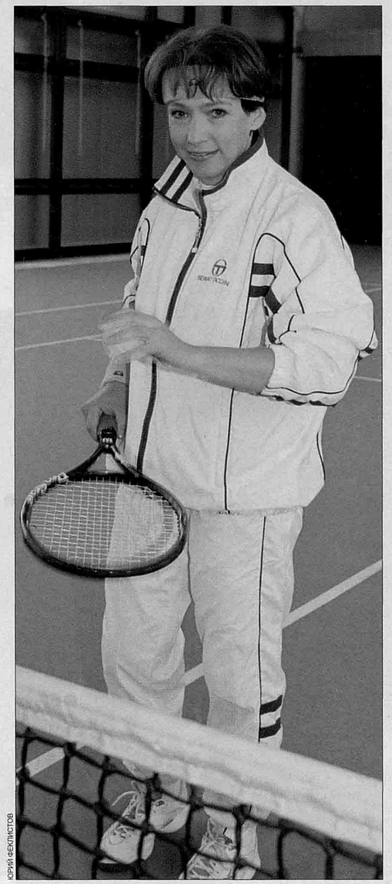
— Мне кажется, ощущение опасности от этих людей навеяно в обществе тем, что они неизвестно откуда взялись. Только что были «никем», а стали «всем». У нас как положено: постепенно, сначала стал тем-то, потом тем-то и так — до верху. А они — сразу! И вмиг сравнялись со знаменитыми. Как так? Явно что-то тут не то!

— А может быть, это потому, что все знают, какая жесткая борьба идет в бизнесе, и все ждут от них и во всем остальном такого же жесткого поведения. Боятся их и на всякий случай какие-то превентивные меры предпринимают.

— С другой стороны, из неизвестности многие ведь появились. Тот же Немцов.

— Я вспоминаю, как папа послал меня за ним в Нижний Новгород. Боря — это Боря! Он казался таким живым фейерверком на фоне советских руководителей, такой интересный, молодой, с блестящим будущим. Но у каждого есть, наверное, свой потолок, дорастет до чего-то и — все. На какой-то ступеньке и он остался. Но что бы он сейчас про папу ни говорил, я уверена: он не папин противник. Он и говорит-то это иногда не со зла. Не подумав. Не следит за словами.

ЮРИЙ ФЕОКТИСТОВ


ЮРИЙ ФЕОКТИСТОВ

Евгений Кафельников, олимпийский чемпион Сиднея, в гостях у первого президента России и его семьи. Осень 2000-го

На тренировке. Октябрь 2000-го

ЮРИЙ ФЕОКТИСТОВ

ЮРИЙ ФЕОКТИСТОВ

С Валентином Юмашевым. 1999-й

ЮРИЙ ФЕОКТИСТОВ

— А кто вас одевает! Не для протокола, а по жизни?

— Я сама. Хотя есть мастерская, где маме шили одежду, поскольку первая леди страны не должна появляться в стандартном наряде, чтоб кто-то рядом вдруг не оказался в таком же, поэтому абсолютно все шьется в единственном экземпляре, небольшой кусочек ткани покупают специально, чтобы ни у кого такого не было. Вот в этой мастерской что-то шила иногда и я тоже. Что-то покупала. Но старалась такое темное, не бросающееся в глаза, я же на работе.

— Вся жизнь — работа?

— Мне как-то один товарищ, с которым я вместе работала, сказал: «Таня, не представляю, ну ладно я, мы все — отработали, отпахали, пришли домой и отдохнули наконец. А ты возвращаешься домой, а у тебя там — президент России!» И ведь правда. Меня папа иногда проверял: шесть часов утра, вдруг заходит ко мне и будит — пойдем завтракать, надо что-то обсудить. Мне спросонья трудно даже сообразить, о чем он, то ли как прошло интервью, то ли какие отклики. А однажды он мне задает какой-то вопрос по экономике. Я так растерялась, час ночи, я уже слабо соображаю, говорю: «Папа, я не могу ответить на этот вопрос сейчас. Мне надо разобраться». На следующий день встретилась со специалистами из правительства, администрации. Разобралась. Через день папе рассказываю, а он мне так хитро: «Правильно. Это я тебя проверить хотел».

— А вообще когда-нибудь вы с ним конфликтовали, ну в каком-то юном возрасте: «Папа, ты ничего не понимаешь, не лезь в мою личную жизнь»?

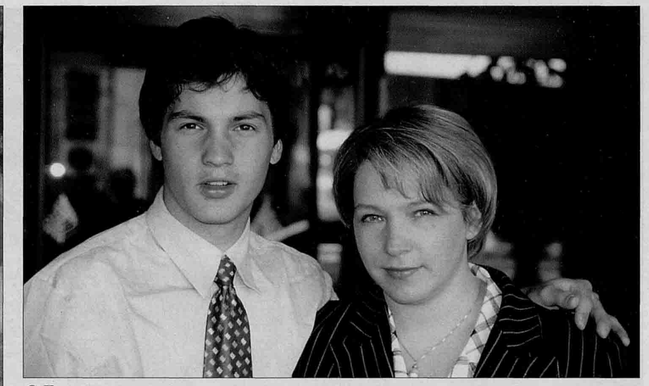
— Нет, никогда. Дело еще в том, что папа меня всегда поддерживал: собралась ли я ехать в Москву или выходить замуж. Мама, я уж рассказывала, тогда была резко против. Мама меня до сих пор контролирует, как когда-то в Свердловске: «Где ты была?» Я: «Ну мамочка, я же взрослая! Ну не могу я тебе рассказывать все планы на день, пойми, я не ребенок». А папа поддерживал меня всегда. Если ты решила — валяй. Может быть, он тем самым предоставлял мне возможность учиться на собственных ошибках. Может, про себя и сомневался, будет ли это хорошо для меня, но всегда говорил: ты так решила — делай! А ссориться, капризничать с ним невозможно. Иногда я могла сказать что-то резкое, и папа на меня обижался, но я так переживала ужасно, потом все равно просила прощения, и мы мирились.

— Хорошая девочка. И всегда были такой примерной?

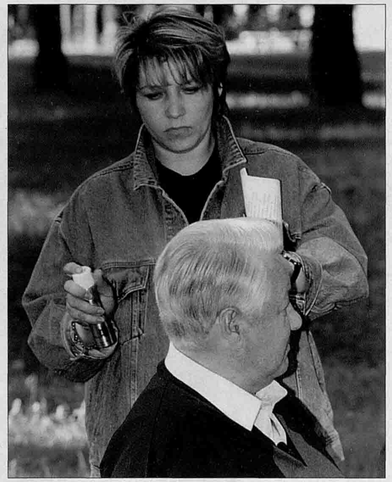
— Нет. Я Ленку в детстве била. Ну, не била — побеждала. Я была толстенькая, поэтому я ее, хоть она и постарше, всегда побеждала. Она была худенькая. В детстве я очень любила сладкое. Мама от меня конфеты куда только не прятала. А тогда были конфеты, мои любимые, «Птичье молоко» свердловской фабрики. Я их искала и безошибочно находила. В любом платяном шкафу, под любыми кофточками. Безумно хотелось сладкого, невыносимо. А мне нельзя, потому что у меня был диатез. Потом все это обнаруживалось.

Я всегда Борису говорила: «Борька, бесполезно обманывать, рано или поздно это вскроется, попадешь в такую дурацкую ситуацию, будет так стыдно, лучше не врать. Правда — дешевле».

Семья в сборе. 80-е годы



С Борей Ельциным-младшим

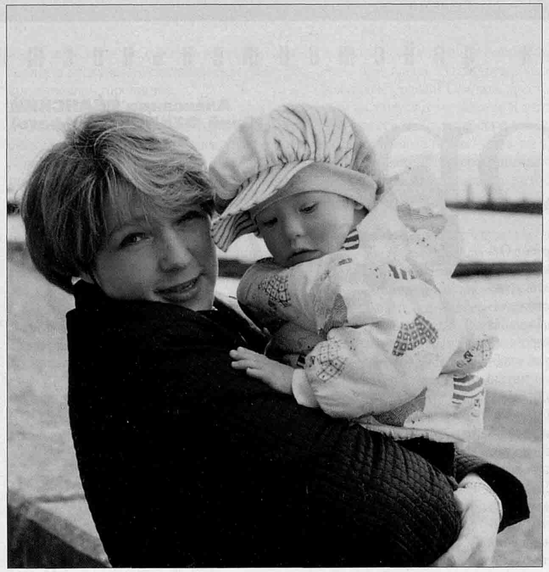


Перед интервью

С мужем Алексеем Дьяченко

ЮРИЙ ФЕКЛИСТОВ

С мамой и папой



С Глебом. Сочи, апрель 97-го

116

Многие думают, что Борька избалованный, а он с детства ходил с нами в тяжелейшие походы. Он совсем был маленький, когда мы ходили на катамаранах. По горным рекам. Однажды чуть не разбились. Река была бурная, и вдруг за поворотом неожиданно на дикой скорости возник мост — заброшенный, старый какой-то мост, на карте не указан, лежит в воде, и вот такие огромные гвозди из бревен торчат. Борьке было тогда лет пять, а он еще вечно вопил, отказывался каску надевать и спасжилет. А течение несет нас прямо на мост, мы так рванули, гребли как сумасшедшие. Причалили к берегу. После этого мой ребенок тихонько подходит и говорит: «Мама! Где каска?» Надел каску, из серебрянки штаны непромокаемые, в спасжилет запаковался, застегнулся — порядок! А вообще мы с Борькой и Лешей весь Кольский полуостров и Карелию обошли.

— А сейчас удается находить с ним общий язык?

— Да. Он контактный. Правда, видимся реже, чем мне бы хотелось. Но я его понимаю: ему интересней с друзьями, с девочками, он такой, кокетничает направо и налево. Ужас.

— Он, видимо, в деда, красавец мужчина... За деда отыграется в обычной, нормальной человеческой жизни. Возможностей-то больше...

— Нет, ну, я надеюсь, он тоже станет человеком серьезным. Вообще он умный. Он ведь тоже жил под прессом принадлежности к семье президента, в школе во всяком случае, именно по этой причине мы и отправили его в Англию учиться, я хотела, чтобы это не давило на него так, как на меня, например. Это очень трудно, когда ты еще ребенок, замечать, что люди к тебе относятся не просто как к тебе, а как к внуку президента. Еще и охрана сзади. А в Англии он просто один из многих, обычный мальчишка, среда там достаточно спартанская, никаких никому поблажек. Жаль, там, за границей, он не смог приспособиться: чужая среда, ощущения душевного комфорта не наступило. Да еще и девушка, в которую влюблен, здесь, в Москве, в общем, учится сейчас здесь.

— Каково это — жить постоянно под присмотром?

— Вообще — ужасно. Даже какие-то личные вещи, которые тебе необходимы, неудобно покупать, когда у тебя за спиной кто-то стоит. Причем люди, которые вокруг меня, чудесные, доброжелательные. Я считаю, что мне повезло...

— Вы о тех, кто вас охраняет?

— Да. Но все равно: ты же не можешь побыть одна. Ты остаешься одна лишь у себя в комнате. И это — годами. Сейчас у меня появилась возможность иногда ездить за границу. И там я одна брожу по улицам, захожу куда-то и наслаждаюсь ощущением личной свободы.

— Ну, теперь-то можно остановиться, оглянуться...

— Да, еще год назад я засыпала с ужасом: что принесет завтрашний день, вскакивала часов в семь, ложилась спать в два ночи, у меня только одна мысль была — выдержать, чтоб сил хватило, и больше ничего.

— «И в личной жизни у Тани все сложилось. Ее муж, Алексей Дьяченко, конструктор и сын конструктора, работал в том же бюро. Сын Борька был уже старшеклассником, младший сын Глеб только что родился. Таня как раз была в отпуске по уходу за ребенком, растила маленького Глеба». Так в книге про вашего мужа.

— Алексей совершенно замечательный человек, и наверное, никто другой просто бы такого не выдержал. Все считают, что в семье должна быть нормальная жена, которая заботится о муже, о детях, готовит обеды, все убирает. Домашняя любящая женщина, которая всегда ждет. У нас все эти четыре года не то что наоборот, но близко такого не было. Последние годы Леша стоически переносил такую семейную жизнь. Всегда меня только поддерживал. Он просто молодец. Наверное, Леша ревнует меня к папе, но как-то он сумел тонко к этому приспособиться. Вообще, у них с папой масса общих интересов, оба любят охоту, играют на бильярде. Леша интересный собеседник. А с мамой... Он считает, что с тещей ему жутко повезло, что это самая чудесная женщина, и, что интересно, мама всегда на его стороне. Когда про нас публиковали все эти слухи, про мои романы, мы вместе читали и смеялись.

Сейчас я гораздо больше вожусь с Глебом. Он смешной, забавный.

— Они в этом возрасте чудные вещи говорят.

— По части поговорить у нас специалист Ваня, Ленин сын. Берет мой портфель, мама ему: «Ваня, ты куда?» — «На работу! В Кремль». — «А кем ты работаешь?» — «Таней». Очень он переживал, когда Путина выбирали. Ходил на избирательный участок со взрослыми, там «голосовал», наконец ему Лена говорит: «Ну вот, Ваня, твой Путин победил. Кем он теперь будет работать?» — «Ельциным».

— Глеб домашний ребенок?

— Домашний. Он с другими детьми общается, конечно, но к сожалению, мало.

— А с Путиным вы встречаетесь?

— Да, когда он встречается с папой. На Новый год, на день рождения они приезжали вместе с Людмилой, поздравляли папу. Отдельно от папы мы почти не общаемся.

— Вы можете прийти к нему в кабинет?

— Я могу ему всегда позвонить, но тоже никогда этого не делаю. Хотя если что-то будет горящее, то, конечно, позвоню.

— Теперь, когда книга отца закончена, вы, вероятно, будете работать в его Фонде?

— Да, обязательно. Никаких планов помимо работы с папой у меня пока нет. Личный план есть — я хочу выучить английский, буду свободно говорить.

— Спортом занимаетесь?

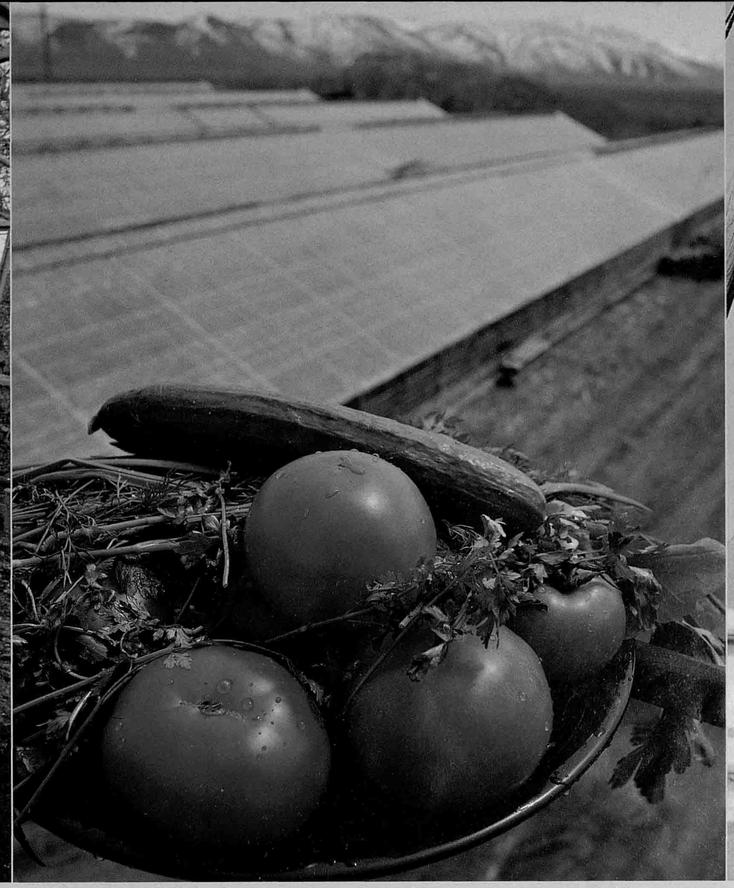
— Сейчас учусь играть в теннис, тренер говорит, у меня хороший прогресс. Хотя больше всего увлекаюсь горными лыжами. Ну, вот сезон настанет...

— Не боитесь появляться на людях, ведь вас же узнают?

— Не было случая, чтобы мне стало плохо от того, что узнали. К счастью, люди по-доброму относятся. Ну, узнают. В магазинах узнают, но никто никаких прямых вопросов не задает, все улыбаются, зовут: приходите еще. Спрашивают, как Борис Николаевич, желают здоровья.

Я раньше очень любила рисовать, папа даже хотел, чтоб я поступила в архитектурный институт, еще я бы обязательно окончила какую-нибудь художественную школу, чтоб рисовать для себя, я бы училась музыке, я очень люблю путешествовать, заниматься спортом, общаться с друзьями. Если бы папа не стал президентом, у меня была бы совершенно другая жизнь. Может быть, сейчас так и будет. ■

ФОТОГРАФИИ ИЗ АРХИВА Т. Б. ДЬЯЧЕНКО И ПРЕСС-СЛУЖБЫ ПРЕЗИДЕНТА РФ



Помидор как символ социального оптимизма

Александр **ИВАНСКИЙ**
Юрий **ФЕКЛИСТОВ** (фото)

По статистике, счастливых людей в России пять процентов. Но статистика все округляет. Вот в селе Кинель-Черкасы Самарской области, по той же статистике, уровень социального оптимизма 65 (шестьдесят пять) процентов. Специалисты сказали, что в принципе такое количество счастливцев невозможно: до сих пор самый высокий уровень социального оптимизма по России был 20 процентов. А я, посетив Кинель-Черкасы, подумал: может, лучше нам почаще верить собственным глазам,чем разным цифрам?..

Село — райцентр. Неподалеку есть город Отрадный, но ему до Кинель-Черкас далеко — и по истории (село на сто лет старше), и по уровню жизни. В Кинель-Черкасах есть своя районная администрация, проходят выборы. За нынешнего главу администрации, которого зовут Виктор Вильгельмович Альтергот, «доброго немца», голосуют семидесятью пятью процентами (тоже, заметим, рекорд). «Несколько раз нас хотели сделать городом, — хитро сощурившись, рассказывает глава. — Но какой же у нас город, если практически нет промышленного производства?!» При советской власти, правда, был в Кинель-Черкасах завод, который изготавливал на всю страну болты. Но сейчас он стоит — и люди, что называется забив болт, выживают за счет своих приусадебных участков. Селу дают больше льгот, меньше дерут с него налогов, да и вообще жить приятнее в счастливом селе, чем в посредственном городишке.

Говоря о счастье Кинель-Черкас, нельзя не сказать о помидорах. Потому что главное, чем занимаются кинельчеркасцы, — выращивание помидоров. 2000 корней — две теплицы — могут за весенний сезон торговли принести дохода около 80 000 рублей. Ну а теплицы тут на каждом шагу. Помидоры возят продавать в Самару, где они расходятся со страшной скоростью, ибо в отличие от болта вкусны и полезны.

Кинель-черкасский помидор уходит корнями вглубь истории. Говорят, что все началось с Екатерины Великой, которая в 1744 году направила в эти земли украинских казаков из города Черкасы (так село Кинель получило свое прозвище, на манер Потемкина-Таврического и Суворова-Рымникского). Некоторым не понравилось, уехали, большинство осталось, благо земли матушка-царица дала немерено...

Это мне Валентина Васильевна Хаустова рассказала. Большая любительница родной старины и помидоров, конечно.

— Как приятно бывает зайти как-нибудь в марте в теплицу! На улице холод, а в теплице под 25 градусов. Зайдешь с книжкой какой, сначала поработаешь, а потом там же и почитать присядешь. И уходить неохота... А в мае собираем урожай. Сначала просто едим, а потом на зиму заготавливаем. Я делаю еще себе сок томатный. Сначала на соковыжималке их обрабатываю, а потом — совсем чуть-чуть на огне, как закипят — сразу выключаю.

Попьешь его — никогда не будешь покупать в магазине!..

Вольный томатный дух ощущается в Кинель-Черкасах повсюду. Вот, например, пенсионер Чубайс. Но Михаил Сергеевич. Он уж не работает в теплицах круглые сутки, а просиживает их с другом на скамейке — «нам отдохнуть положено». Густая седина не может скрыть чубайсовых рыжих бровей. Сидит Чубайс, греется на солнце и поет народные частушки о политике.

— О ком спеть? О Горбачеве? Так он сейчас в отставке, обидится...

— А про Чубайса что-нибудь есть?

— Есть. Но я сейчас не вспомню, пожалуй. Не все ж мне знать! — Чубайс засмеялся громко: «Ха-ха-ха!», сосед подхихикнул скромненько: «Хе-хе-хе!» и одобрительно похлопал Чубайса по спине.

— А про Путина?

Смех оборвался.

— Не, про Путина пока нет. Мы его как-то уважаем пока... А ты кто, брат его, што ль?

— Да нет.

— А то похож больно...

— А вы не брат Чубайса?

— Не, Чубайс — это кличка. Вообще-то я Изюмский. Польский еврей. И счастлив этим.

Соседствует со счастливым польским евреем Людмила Михайловна — черкасский корифей семенного бизнеса. Она разводит редкие сорта малины и других кустарниковых.

— Да, я счастливая! Говорю совершенно открыто. И всем своим детям говорю: не грустите, ребята, когда я умру, это нормальная ситуация. Главное — будьте счастливыми, как я.

Людмила Михайловна работала в школе учителем физики и математики, но, сколько себя помнит, всегда занималась саженцами.

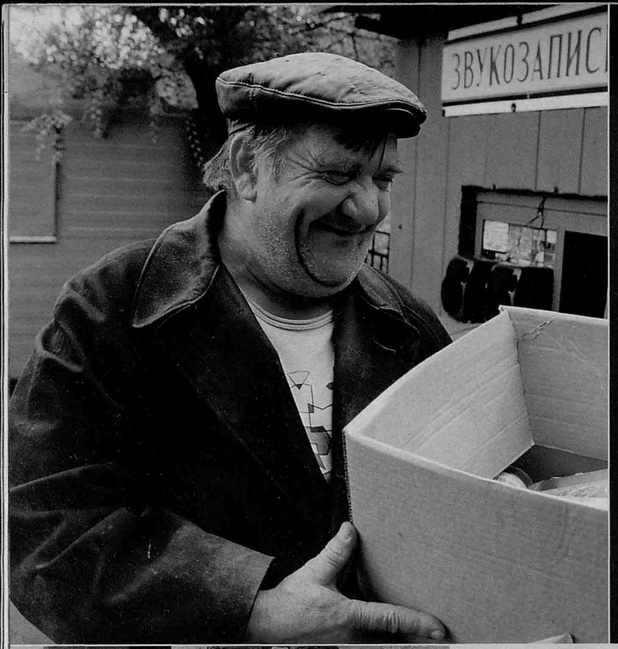
— Вот говорят: лучше или хуже было в советское время? Чем было хуже — так это тем, что я должна была сама ходить на рынок. А с большой партией товара на рынок идти было опасно. Сейчас я ращу саженцы, другой продает, третий выращивает малину — и каждый в конце концов счастлив...

Людмила Михайловна говорит четко и ясно, и математически точно отвечает на вопросы. Не стесняется сказать, что на саженцах за

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ — ЭТО НЕ ТОЛЬКО ТО, СКОЛЬКО ПОМИДОРОВ ТЫ МОЖЕШЬ СЪЕСТЬ. ЭТО ВОЗМОЖНОСТЬ И ЖЕЛАНИЕ ВИДЕТЬ МЕСТО, ГДЕ ЖИВЕШЬ, ЧУТЬ ПРИПОДНЯВШИСЬ НАД ЗЕМЛЕЙ. ДЛЯ ЭТОГО МОЖНО ЗАЛЕЗТЬ НА СТОЛБ, МОЖНО ПОДНЯТЬСЯ НА ГОРКУ, А МОЖНО ПРОСТО ЗАМЕТИТЬ, СКОЛЬКО ВОКРУГ СЧАСТЛИВЫХ ЛЮДЕЙ...

118

СЧАСТЬЯ В КИНЕЛЬ-ЧЕРКАСАХ У НЕКОТОРЫХ СЕЛЯН БОЛЬШЕ, ЧЕМ У ДРУГИХ, НО БРАВИРОВАТЬ ИМ ОНИ НЕ СТРЕМЯТСЯ. И В ЭТОМ ЧЕРПАЮТ ЕЩЕ НЕМНОГО СЧАСТЬЯ



Кто не поверит всему, что здесь написано, – смотрите картинки. Тогда у вас не останется сомнений: в Кинель-Черкасах не только люди, но помидоры и коровы социальные оптимисты!

лакировка действительности

сезон зарабатывает до 40 тысяч рублей и еще 20 — 30 тысяч ей приносят помидорные теплицы. Но с особым удовольствием рассказывает не о ягодах — о своих детях.

— Без них бы и счастья не было, — Людмила Михайловна ставит в сторону лопату. — Детей у меня, значит, трое. Сашка в свое время уехал в тайгу, врачом. Ему там нравится, хотя поначалу, писал, было тяжеловато в местном климате. Но привык. Дальше — Оля. Та в Тольятти, стоматолог. Ну, и Олеся, младшая, в Самаре, на иностранных языках учится.

— А не грустно, что разъехались?

— Ну, а что я их — держать буду? Детям главное — не мешать. Хотя за детей сердце всегда болит. Вот Олеся, например. После университета у нее будут большие перспективы, но она хочет жить, как я, всю жизнь в Кинель-Черкасах. Она... прямо как почка, от дерева оторванная, — знаете, как это? Уж не знаю, что за судьба у нее... Все-таки человеку надо мир посмотреть... Сейчас куда хочешь поезжай — смотри, учись...

А вот на Канары не хочу! — вдруг выпалила Людмила Михайловна. — Я бы в деревню Четаи Красноярского края съездила — посмотреть, как там живут. Я слышала, люди там город счастливых мастеров создают... Интересно!

Насчет счастья у прихожан здешней церкви своя версия. Дело в том, что церковь Вознесения за полтора века своего существования не закрывалась ни на один день. Можете себе представить: 150 лет непрерывной службы!

— За то нас Боженька и полюбил, — вздохнула церковная повариха. Она не особо разговорчивая, но, узнав, что мы из Москвы, согласилась даже попозировать фотографу.

В церкви нам еще много чего по поводу счастья сказали.

И показали. Тучи по всему небу, а вокруг Кинель-Черкас они как бы хороводом.

Может, из-за этого хоровода в районе примерно на 40 тысяч населения приходятся полторы тысячи частных предпринимателей?

Только не думайте, что сельский частный предприниматель точит болты и ходит в телогрейке. Средний кинель-черкасский предприниматель зарабатывает в месяц около 2000 долларов. Не так чтоб очень много, но в селе он герой.

Сумеречный свет падает на Сергея Анатольевича Сидоренко. Жизнь у него счастливая: бизнес удался. Но бравировать своим счастьем перед односельчанами, как говорит Сидоренко, просто глупо. «Это они в Москве пусть катаются на «мерседесах», — рассуждает он. — А по мне «мерс» жрет слишком много бензина». Так что катается бизнесмен Сидоренко на «десятке» — шестой по счету машине с того момента, когда он занялся бизнесом. «Изобретут что-то новенькое в Тольятти — сразу пересяду».

Сергей Анатольевич был первым в селе, кто начал торговать автозапчастями. Сначала

МЕЖДУ ПРОЧИМ, КИНЕЛЬ-ЧЕРКАСКУЮ ТЕЛЕЗВЕЗДУ НАТАШУ ГАВРИЛОВУ ЗВАЛИ РАБОТАТЬ И В САМАРУ, И В МОСКВУ. НАТАША В ОТЛИЧИЕ ОТ СТОЛИЧНЫХ ТЕЛЕЗВЕЗД С КАНАЛА НА КАНАЛ НЕ ПЕРЕХОДИТ. В 65 ПРОЦЕНТАХ СЧАСТЬЯ ЗРИТЕЛЕЙ НАТАШИ ЕСТЬ И ЕЕ НЕСКОЛЬКО...

возил из Тольятти, потом из Набережных Челнов и Нижнего Новгорода.

— Все у нас практически на колесах, а что починить или заменить — надо ехать в Самару. Так было раньше. Теперь не надо — любую запчасть можно купить у меня. И еще у одного...

«Еще один» — конкурент Сидоренко. Молодой, да ранний. Правда, как говорят в селе, отбить постоянных клиентов у первого из автомогикан ему слабо, но на пятки наступает.

У Сидоренко две мечты. Первая — купить хорошее охотничье ружье. Вторая мечта — чтоб дочка была счастливая.

— Ей годик всего, но такая красавица...

— Может, звездой станет — как Наташа Гаврилова?

Наташа Гаврилова — звезда местного телевидения. В Кинель-Черкасах ловятся два государственных канала — ОРТ и РТР. И еще есть свое круглосуточное телевидение. Называется «ТВ-10». Большую часть времени крутят переписанные сериалы. Вечером показывают новости. Наташа Гаврилова серьезно готовится к эфиру, учит текст наизусть.

— А зачем наизусть?

— Понимаете, техническое обеспечение у нас пока не на таком уровне, как в Москве. Даже нет перед глазами телесуфлера. Вот и учим наизусть...

Наталья сетует на судьбу телезвезды.

— Меня узнают на улицах, приглашают на свадьбы, на юбилеи. Но мне нельзя выпить даже бутылку пива при всех — сразу будут говорить, что я алкоголичка...

Пока что Наташа всего лишь трудоголичка. И это создает некоторые проблемы, потому что у нее есть муж, работающий в теплице, и сын Данилка. Наташа берет его иногда с собой на работу. Он шумит, капризничает, и тогда Наташа делает строгое лицо и говорит ему: «Тихо! Мама в эфире!»

— Но вообще-то бывают и приятные моменты. Недавно старушка принесла коробку конфет. О ее внуке мы сделали репортаж — так она была счастлива!..

На окраине села мы нашли счастливую семью беженцев из Бишкека. Петр Федорович Фатум и его жизнерадостная жена.

— Попали мы сюда случайно, — рассказывает Фатум, что в переводе с латыни значит «рок». — У нас сын здесь служил, на вертолете летал. Посмотрел с вертолета, как люди счастливо живут, и позвал нас.

Переезжать было сложно. Петр Федорович успел въехать еще при советской власти, а вот его жене пришлось долго и нудно менять гражданство. Да и прижиться было нелегко.

— Это только говорят все: помидоры, помидоры... — жалуется Фатум. — А какой ценой даются помидоры, знаете? Встаем в шесть утра — и до вечера!..

Фатум-жена вставила:

— Иногда даже поесть не успеваем!

— Да, иногда не успеваем. Построили в прошлом году теплицу — потратили 25 тысяч рублей, в этом году, слава Богу, роздали долги, со следующего года заживем богато. А пока — сами видите!

Дворик киргизской семьи неуютен.

— Значит, вы пока несчастливые?

— Нет, все-таки счастливые! Нам повезло, что мы попали сюда. Про нас в Бишкеке всегда говорили — русские бездельники, деревни и села у них все разваливаются... Живем десять лет в Кинель-Черкасах — и видим: все наоборот.

Спим. Почти. Соседки по общежитию шумят, а-ля пионерлагерь. Нас приняли за новых студентов медучилища и очень удивились, когда узнали, что завтра мы уезжаем обратно в Москву.

В общежитии нас поселили, потому что в счастливом селе нет гостиницы. Хотя, говорят, ее сейчас уже строят. Раньше кинельчеркасцам казалось: ну зачем еще гостиница? Счастье их было самодостаточно, гости могут ему лишь помешать. А теперь свободо- и помидоролюбивые селяне поняли: гостиница нужна для полного счастья.

«Счастливым быть никому не заказано!» — говорили нам селяне. Их очень огорчил тот факт, что по России лишь пять процентов счастливых людей. Кое-кто не хотел даже в это поверить: «Подумаешь, статистика... Вот интересно, сколько человек, по статистике, съедает за всю жизнь помидоров? А сколько мы за лето съедаем, знаете?..» ■

Юрий Феофистов

Газеты каждый день пишут про то, как один алкоголик убил другого алкоголика во время совместной пьянки. Как жена пырнула ножом мужа, потому что он годами ее бил, а потом изнасиловал дочь. Как один юноша застрелил другого за тысячу двести рублей. Возникает ощущение, что живешь в каком-то странном мире, где убийство жены мужем — норма семейных отношений. Пожалуй, так скоро начнешь оглядываться: а моя почему еще жива?.. Читая эти маленькие заметки, начинаешь думать: почему мне все это суют? Почему они думают, что меня интересует жизнь этих зверьков?

Ведь есть же нормальная жизнь, где не обязательно гоняться за супругой с топором! Мы же все нормальные люди за редким исключением. Я, например, вообще никак не пересекаюсь с тем странным миром, где муж бьет жену кулаком в лицо. Нет у меня таких знакомых супружеских пар. Да и где бы я с подобными людьми познакомился? А меня заставляют читать о животном мире алкоголиков, наркоманов и прочих зверощеров с бритыми затылками. Почему? Может быть, потому, что в нашем мире, мире нормальных людей, ничего не происходит? Или потому, что об обыденной жизни труднее писать? Ну давайте попробуем...

120

ПОЗВОНИТЕ ВРЕДИТЕЛЯМ!

Александр НИКОНОВ

КАЖДОЕ ЛЕТО, ПРИЕЗЖАЯ НА ВЫХОДНЫЕ К РОДИТЕЛЯМ В ДЕРЕВНЮ, Я ВНУТРЕННЕ СОДРОГАЮСЬ. СТАРИЧКИ НЕ ВЫЛЕЗАЮТ ИЗ ОГОРОДА, А ЭТО ОЗНАЧАЕТ, ЧТО ОСЕНЬЮ ОПЯТЬ НАЧНУТСЯ МОИ МУЧЕНИЯ...

После выхода на пенсию папенька и маменька в мае уезжают из Москвы на фазенду, возвращаются в октябре, подобрав все урожаи и заодно прихватив из леса все, что возможно унести, — грибы, клюкву, бруснику и даже чернику, которую я терпеть не могу.

Я езжу их эвакуировать со всем скарбом. А до этого все лето с ужасом наблюдаю, как они корячатся на этих четырех сотках. Во-первых, они уже старенькие — их суммарный возраст 145 лет. А все прыгают... Во-вторых, уму непостижимо, сколько, оказывается, может вырасти разной дряни на четырех сотках! А если учесть, что это зона рискованного земледелия, да еще север — 250 километров по одометру от Москвы в сторону полярного круга.

Папа у меня бывший полковник. Мама работала в ЦКБ «Алмаз», где делала для папы ракеты. Они родом из деревни, как все их поколение, и песни деревенские какие-то поют, встречаясь со сверстниками. Их поколение до, во время и после войны пришло из деревни в города, превратив страну из аграрной в индустриальную. Именно они сделали страну, в которой я живу. Страна меня не очень устраивает, но другой все равно нет, и я не сержусь на своих стариков. Меня другое расстраивает. Вот вроде бы всю сознательную жизнь прожили в городе, с сельским хозяйством никак не соприкасаясь. Откуда к старости такой земледельческий энтузиазм? Неужто правда память предков?

У папы на даче стоит «копейка» с багажником наверху и с прицепом. Но этого мало. Поэтому я оставляю дома жену с ребенком, которых и так из-за работы почти не вижу, и уезжаю на своей «девятке» за 250 километров от столицы. Три с половиной часа в одну сторону. Жену с ребенком я не беру специально, чтобы можно было разложить заднее сиденье, максимально увеличив погрузочную площадь. Мне кажется, этого будет достаточно. А если учесть, что я уже один раз приезжал сюда специально, чтобы захватить «предварительную партию урожаев», то задача не представляется мне особо сложной. Ведь в первый раз я забрал целую машину коробок с трехлитровыми банками соленых огурцов и помидоров, несколько коробок с банками варенья и несколько коробок с банками соленых грибов. Значит, осталась картошка и... все остальное.

— Не знаю, увезем ли за один раз, — задумчиво говорит папенька, заглядывая в подпол. — Наверное, придется еще раз приезжать.

Я ненавижу эти перевозки. Я ненавижу грузить коробки. Я теряю на каждой ездке два дня (да блин! одна только погрузка занимает часа полтора!). Я мог бы заработать за эти два дня больше денег, чем стоит весь их нехитрый урожай...

— Да почему же не увезем?! Должны увезти, дед!

Дедом я зову папеньку не так давно, лет пять — с тех пор, как его внуки (мой сын и сын сестры) научились говорить и стали звать деда дедом. Потом внуки взяли другую моду — стали звать деда просто Петей. «Петя! Иди сюда! Сейчас мы будем на тебя нападать! Убегай!» И главное, все взрослые в семье — и я, и сестра, и моя жена, и даже маменька, что характерно, — вслед за этими двумя мелкими клопами тоже стали называть деда Петей.

— Петя, это никуда не годится. Что вы тут понавыращивали!

— Значит, десять мешков картошки, три мешка свеклы и моркови, потом еще мешок с луком, два бака с засоленной капустой...

Один бак 20 литров, другой 30. Сверху огромные камни. Еще несколько ящиков с трехлитровыми банками — засоленные огурцы и помидоры. Ящики с вареньем крыжовенным, яблочным, смородиновым, черничным. Ящики с грибами. Огромная авоська с яблоками. Большая коробка с клюквой. Кабачки, капуста... Капуста называется! Таких огромных капустных кочанов я никогда не видел. Размером с телевизор. Моноблок «Фунай», диагональ 21... Я уж не говорю про кабачки, про этих зеленых поросят. Не говорю про несколько пятилитровых банок с мочеными брусникой...

Одной картошки 400 килограммов. Прицеп рассчитан на 190. Будем считать, 200. Русские же проектировали. Для дачников. Не могли не заложить двукратного запаса прочности. Так... В багажник «копейки» по штату можно положить 50 кг. Значит, два бака с капустой — 20+30. Ну и еще всяких сумок, канистру... Не могли же спроектировать без запаса прочности.

Сзади коробки с банками — на пол, на сиденье. Правильно, сиденье клеенчкой покроем... И есть еще переднее сиденье! И туда — на пол и на сидушку. Брызговики задние уже по земле скребут... Маменьку я к себе забрал, все же в «девятке» сидеть комфортнее. Да и полегче маменька, чем эти короба.

А это еще что? Что это за сумки такие? Откуда?.. Ладно, ладно, черт с ними, сверху брошу. В зеркало заднего вида только хреново видно. Ну что, тронулись, помолясь?..

— Дед, я медленно ездить не могу. Давай так, первая контрольная точка встречи — после Твери. Вторая — перед Клином. Третья — после Солнечногорска. Четвертая — гараж.

...В первой же контрольной точке, где я ожидал папеньку 15 минут, нервно барабаня пальцами по рулю, он сообщил, что машина «чего-то на четвертой не тянет».

— А ты разгонись.

— А не получается чего-то.

И что еще хреново — дождик зарядил. Такое ощущение, что обложило всю Восточно-Европейскую равнину. Моросит, сволочь, и моросит. От Медведихи до Москвы. С утра до вечера. А когда мешки таскаешь, зонтик же держать невозможно. А куртка у меня такая черная, бархатная, «Адидас» на ней написано. Мокрая вся стала, тяжелая. А мешки грязные. Я уже когда ехал в деревню, заранее с курткой попрощался. Ладно, новую куплю, а эта рабочая будет, с машиной в ней буду возиться.

Я каждый раз думаю: ну хоть бы какой-нибудь вредитель напал да поел подчистую все

эти огурцы, картошки!.. Однако нет такого универсального вредителя. Бывает, конечно, колорадский жук поест картошку, но тогда, как на грех, много огурцов родится и грибов опят. Или еще что-нибудь из земли вылезет.

...Четвертая контрольная точка — гараж дяди Васи. У нас-то гаража с подвалом нет. У отца металлический бокс на стоянке. У меня — «ракушка» во дворе. Непромерзаемый подвал есть только у дяди Васи. Дядя Вася — мамин брат. Его тоже к старости клюнуло, и он переехал из города в деревню. Причем насовсем переехал и даже завел себе корову. А московский гараж от «Запорожца» дал нам для хранения картошки. Беда только в том, что гараж дяди Васи аккурат на противоположной стороне Москвы. Мы на Рязанке, а он на Планерной. И потом за картошкой этой приходится пятьдесят минут и столько же километров пилить по кольцевой в одну сторону и столько же в другую...

Стою у гаража. Ключ у папеньки. Папенька на своей зеленой «копейке» всегда ездит в зеленой полковничьей форме. Не в целях маскировки, а от милиции. По моим прикидкам, он должен подъехать на семь минут позже меня. Если не подъедет через десять, значит, что-то случилось. Прошло 35 минут. Сижу и мучительно размышляю, что делать. Ехать навстречу? Можем разминуться. Не ехать? А вдруг он заглох и сейчас ждет помощи?

Подъезжает. Помято правое переднее крыло, левое заднее и крыло прицепа наполовину оторваны. Какую-то «Ниву» на мокрой дороге занесло, переставило, и она бампером чиркнула. «Ниве» ничего, а у папеньки все настроение испорчено. ГИБДД они ждать не стали, пожалели время. Мужичок тот пообещал назавтра все исправить у себя в гараже, отдал папеньке в залог свой паспорт. Ну-ну, посмотрим, что из этого получится.

...Свет в гараже у дяди Васи включается так: нужно взять проводок за изоляцию и оголенным местом прислонить к другому проводку. Все загорится... Разгружаем картошку в подвал. Технология отработана годами. Я развязываю мешок, держу за горловину, ноги по краям люка, в полуприседе (господи, как же эта стойка в карате называется?) спускаю мешок вниз аккурат на третью ступеньку приставной лестницы. Как там у Высоцкого? «И от напряженья колени дрожат...»

Дед, нацепивший поверх полковничьих штанов грязные треники, а поверх кителя болоньо куртку, принимает мешок снизу и споро переворачивает его в тарный ящик. Грохочет картошка. Летит пыль. У меня от пыли аллергия. Текут сопли, я чихаю и плююсь. На зубах скрипит. А еще я больно ударился головой о притолоку. Плююсь и ругаюсь.

— Тьфу, ептыть... Деды! Сколько стоит вся эта ваша картошка?

— Ну считай сам, — кряхтит дед снизу, из облака пыли. — 400 килограммов по пять рублей. Две тыщи.

— Дед! Баба! Давайте я вам дам две тыщи, только не выращивайте больше вы ее! Как в Канаде фермерам правительство платит, чтобы они только ничего не выращивали Христа ради...

Все равно всю картошку и все банки мы за зиму съесть не успеваем. Дома и в дяди-Васином подвале стоят банки варенья и соленых огурцов с прошлого и позапрошлого годов. Раздаем их по родственникам. А дед за лето натрудил ногу, у него воспалилось колено, теперь хромает.

— Сынок! — суетится вокруг старушка-маменька, пытается помочь мне подтащить очередной мешок и только зря мешается под ногами. — Две тысячи — это же деньги!.. Ты аккуратнее, а то пылишь деду прямо в рожу!

— Да ему это в радость! Своей землицей подышать... А две тыщи — не деньги это ни хрена! Картошка вместе со всеми банками стоит сто — сто пятьдесят баксов. Ну пусть двести! Я за эти выходные мог бы заработать эти деньги. Даже за один день! Не возжаясь в грязи. Сел бы за стол и написал двести строк. Две-три статьи. И все. Без всякого геморроя. Ради чего вы гробитесь?..

Эти разговоры я веду уже лет пять-семь. Безрезультатно. И не только я. Многие мои друзья, знакомые талдычат своим старикам экономические расчеты. Те не понимают.

— Вот смотри. Зимой за мешком картошки мы будем гонять машину. Туда-сюда — сто километров. По зиме это, считай, десять литров. 80 рублей. Мешок картошки стоит 200. Плюс амортизация машины, плюс незамерзающая жидкость для омыва стекол — 40 рублей канистра, а на МКАДе, сам знаешь как, лепит даже зимой — то и дело омыватель включаешь... А главное — время: два с половиной часа как корова языком. Проще купить этот мешок, если уж приспичило...

Не понимают. Не хотят понимать. Хотят чувствовать свою нужность, что ли? Так они здоровые нам нужнее, чем на огороде угробленные... Я говорю себе: я человек другого поколения. Между моими социалистическими родителями и мною капиталистическим проходит водораздел. Я ничего не буду выращивать на даче. Только газон! Только лежать в гамаке. Я больше никогда...

Но на самом деле я всегда...

Это Россия. Мои знакомые попросили своего друга детства, а ныне бизнесмена помочь им привезти с дачи картошку. Потому что у бизнесмена большой джип и прицеп. А дача у знакомых тоже у черта на куличках. Друг-бизнесмен выделил два дня, бросил свое производство, привез им картошку. Естественно, потерял на этом раз в десять больше, чем стоит вся эта картошка. Но дружба...

Но родители...

К чему нанимать грузчиков таскать мебель, если есть старые институтские друзья? Сколько раз я эту мебель таскал! Пни на чужих дачах корчевал... Да и сам хорош — есть у меня институтский друг. Его время дорого стоит. Но я позвонил, и он приехал и тащил мою тогда еще «Таврию» своим «Мерседесом» на буксире в автосервис.

Это Россия. Здесь у дома разбогатевшего приятеля, купившего коттедж в пригороде, выстраиваются приехавшие на новоселье роскошные иномарки наряду с потертыми «Жигулями». Потому что они друзья с института или со школы и им вместе хорошо.

...Интересно, когда я стану президентом или миллионером, друзья тоже будут звать меня таскать мебель при переездах? Дешевле мне будет нанять для них грузчиков, чем самому корячиться. В самом деле, нерентабельно палить из пушки по воробьям, использовать рокфеллера в качестве грузчика. Но нанять грузчиков у рокфеллера не получится: друзья обидятся! Это все равно что дать им денег на грузчика. То есть откупиться... Неужели придется таскать? А как эти проблемы решает Путин? Владимир Владимирович! Отзовитесь! Поделитесь! Есть же у вас старые друзья...

И еще интересно — станем ли мы в перспективе кастовым обществом, как на Западе, со своими непересекающимися кругами общения? Со своими гетто в городах?.. С одной стороны, к этому идет. Богатые не хотят жить там, где ссут в подъездах и пишут в лифтах. Они хотят жить красиво и отдельно, отдавать детей в английские школы. С другой стороны, я с некоторым удивлением узнал недавно, что олигарх N, отдавший своих детей в английские школы, на летние каникулы специально вывозит их в глубинку России, в какой-нибудь Краснодарский край, где «гыкают» в разговоре , — чтоб не отрывались от языка, от России. Ну, допустим, N не показатель. Допустим, N — частность. Он вообще по характеру какой-то Абсолютный Русский — эмоциональный, открытый... Те, кто его близко знает, подтвердят... Но что еще, кроме частностей, может помешать нашему обществу дифференцироваться по западному подобию, заставить потерять нашу демократичность и готовность «грузить мебель»?

— Держи банки, чего уснул, твою мать! — кричит мне снизу из пыльного облака папенька.

Моя мать стоит как раз рядом и активно его поддерживает. Папенька передает из подвала двенадцать трехлитровых банок с огурцами прошлого года и на их место принимает трехлитровые банки этого года «призыва». Прошлогодние банки я гружу в короб, тащу, кряхтя, в багажник. Их мы будем есть. А часть развезем по родственникам.

...Через час приезжаем к родителям домой, сгружаем банки, часть картошки. Папенька рассказывает внуку, как его ударил мужик на «Ниве».

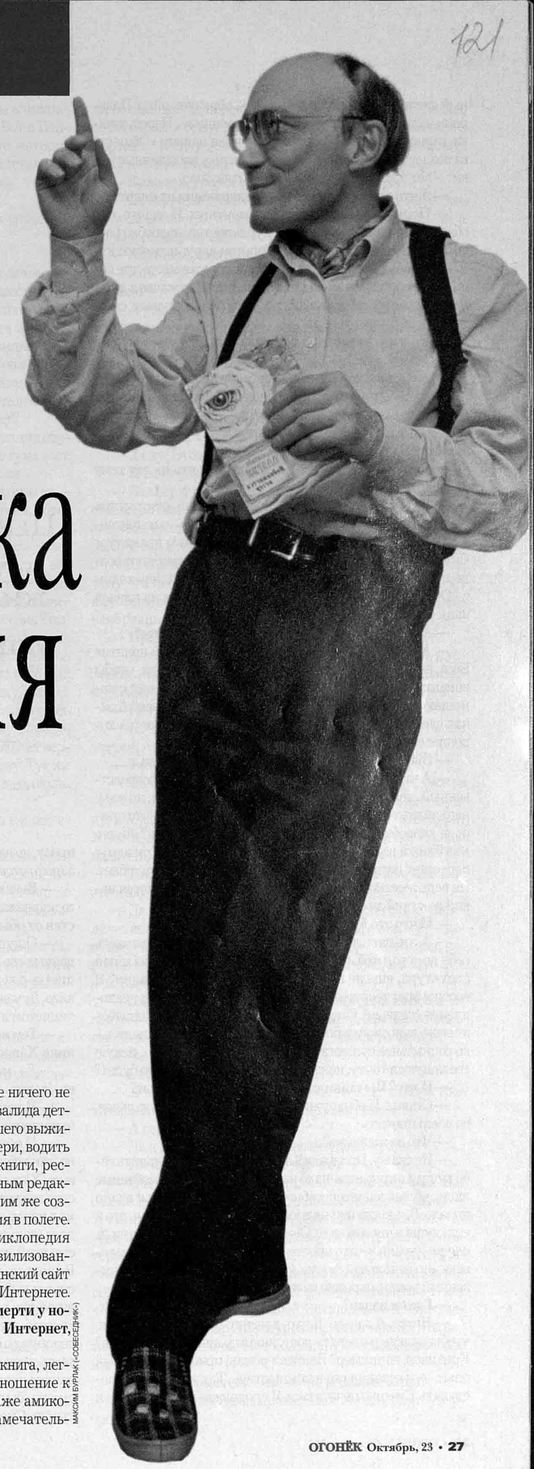
— А ты, Саня, где был?! — возмущается мой племянник Антон. — Он Петю ударил! А ты бы его «Ниву» за это своей машиной ударил бы!

— Да что-то я не сообразил, Антон. Пожалуй, завтра поеду, ударю. Это будет очень по-русски... ■

... А две тыщи — не деньги это ни хрена! Картошка вместе со всеми банками стоит сто — сто пятьдесят баксов. Ну пусть двести! Я за эти выходные мог бы заработать эти деньги. Даже за один день! Не возжаясь в грязи. Сел бы за стол и написал двести строк. Две-три статьи. И все. Без всякого геморроя. Ради чего вы гробитесь?..

EAST NEWS

практика воздержания от смерти



МАКСИМ БУРТАК (СОБЕСЕДНИК)

Если бы меня спросили о самом странном человеке, мною встреченном в жизни, я бы ответил: это Лаврин, поэт, прозаик, почетный председатель общества людей, не желающих умирать

Дмитрий БЫКОВ

Если я вам скажу, что боюсь Лаврина, то я еще ничего не скажу. Боюсь — и тем больше уважаю этого инвалида детства, показавшего всем нам пример достойнейшего выживания в разных временах. Он умеет обивать двери, водить машину (зарабатывал извозом), переплетать книги, реставрировать старинную мебель. Является главным редактором сразу двух авиажурналов — это новый, им же созданный тип журналистики, журналы для чтения в полете. Но больше всего он знает о смерти — его энциклопедия «Хроники Харона» куплена в большинстве цивилизованных стран, недавно оскоромился и Китай. Лавринский сайт «Лики смерти» — один из самых популярных в Интернете.

— Саша, как, по-вашему, — отношение к смерти у нового поколения, которое в основном и ходит в Интернет, как-то изменилось по сравнению с нашим?

— Знаете, по моим ощущениям, мой сайт и книга, легшая в основу его, как-то облегчают людям отношение к смерти... Как-то весело это стало, несколько даже амикошонски. Например, однажды мне подарили замечатель-

ный скелет, который, складываясь, образует яйцо. Подарили чудесный череп — я его вожу в машине... Череп, кстати, привезла Жанна Агалакова — член нашего «Общества воздержания от смерти». Как видите, у нас длинные руки — вот и до первого канала мы дотянулись...

— А что это за общество — воздержания от смерти?

— Нормальное общество бессмертных. И знаете, что обидно? Приходят множество журналистов, подробно расспрашивают и хотят вступить. А потом вдруг исчезают куда-то. Вот буквально неделю назад на том же месте, где сидите вы, восседала молодая журналистка, ужасная дура. Я битый час ей рассказывал про Тейяра де Шардена... силы тратил... И где она теперь?

— Но у вас наверняка должен быть сложный ритуал вступления.

— Ну а как же! Не меньше пяти балалаечников от «Яра», гроб для вновь поступающего... Покупается место на кладбище. Отлавливаются два кота — черный и белый. В общем, это дорогой и красивый ритуал, но у общества большая касса!

— Так. Вижу, серьезно с вами поговорить на эту тему не удастся.

— Да почему же?! Мы — общество людей, считающих себя бессмертными. Вот нравится нам так. К нам присоединились режиссер Андрей Житинкин, поэт и драматург Виктор Коркия... Если все члены общества перестают воздерживаться от смерти, мы все автоматически переходим в «Общество воздержания от жизни». Но пока из членов нашего общества не воздержался еще никто.

— А вы так уж уверены, что никогда не умрете?

— Абсолютно. Ну подумайте сами — отметем понятие Бога, если вы агностик, — такая ли дура природа, чтобы накапливать бесчисленное множество впечатлений с помощью вас и потом никогда ими не воспользоваться? А запах свежескошенной травы? А поцелуй на морозе? А хорошие стихи?

— Вы перечисляете, как мсье Пьер у Набокова...

— А что ж не перечислить? Набоков довольно посредственный писатель, однообразный и утомительный, но все у него изложено очень точно. Неужели вы думаете, что природа способна весь ваш опыт выкинуть в никуда? Лично мне ближе всего сравнение с компьютером: если он вдруг перестает питаться током, вся оперативная память гибнет. Но ведь жесткий диск остается! Так и от вас останется некий жесткий диск...

— И что это будет?

— А это зависит только от вас. Можете ли вы раздеть себя до того, чтобы осталась только душа — изначальная структура, еще не получавшая никакой информации? Я вообще враг теории о том, что душа — это результат накопления сведений. Разденьте себя до основания, откажитесь от всего наносного и попытайтесь доказать, что вы не только социальное существо. В результате обнаружите некую светящуюся точку, изначальную сущность. Что это будет?

— И что? Вы ставили над собой подобный опыт?

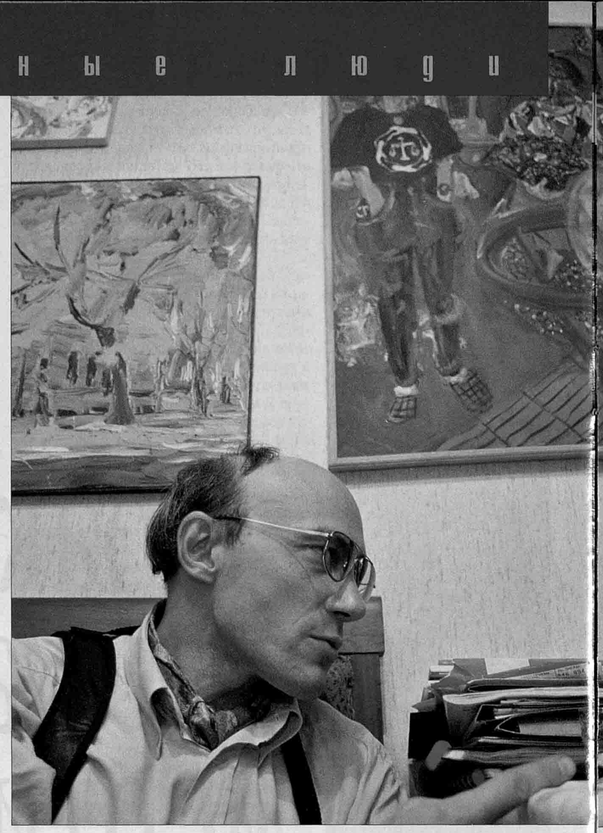
— Ставил. И обнаружил одно желание — изначальное, до всего прочего.

— Что за желание?

— Не скажу. Признаюсь в одном: чтобы представить себе душу, как она есть, надо изучать актеров. Это особенные люди, обладающие способностью перевоплощаться в кого попало. Вот когда они ни в кого не перевоплощаются, это и есть душа в чистом виде. Они многим кажутся дураками. А они не дураки — это просто своего рода инфинитив человека, его начальная форма. Об этом я написал свой единственный роман, скромно назвав его «Театральный роман».

— Где он издан?

— Нигде. А зачем? Я что, для того писал его, мучился, чтобы издать и сделать достоянием разных ничтожеств? Критиков, например? Написал роман, приобрел полезный опыт — и оставил его в компьютере. Так и всем надо поступать. Смешно печататься. Я продолжаю писать стихи и прозу, но не показываю их никому. Зарабатываю на жизнь аэрофлотскими журналами, и ладно.



— А вот в Центральной Африке в XVIII веке жило племя, которое убивало всех новорожденных детей... — Господи, зачем?! — Хороший вопрос...

— Вы в известном смысле создали жанр аэрофлотского журнала, журнала для чтения в воздухе. Чем он отличается от обычных, наземных СМИ?

— Ощущением уюта. Взлет и посадка — всегда стресс, даже когда вы летите в отпуск. Надо этот стресс снять, написать о всякой милой ерунде — технике поцелуя, вкусе вина. Думаю, я научился быть самым уютным русским публицистом и на это живу.

— Тем не менее ваша самая знаменитая книга — «Хроники Харона»...

— Да, молодежь ее обожает. Но за переиздания почти не платят.

— В чем разница между советским и «новорусским» отношением к смерти?

— О советском отношении к смерти я написал довольно-таки обширную работу, которая пока не вошла в «Хроники Харона». Я опубликовал эту статью на Западе в качестве доклада на симпозиуме: советский социум как бы снимал страх смерти, превращая гибель из вашего частного дела (каким она, собственно, и является) в некий акт общественной значимости. Умереть имело смысл только «за»: за Родину, за светлое будущее... Вы как бы вкладывали свою смерть в фундамент общего счастья. Отсюда болезненное внимание к таким феноменам, как гибель Александра Матросова, уголовника, который, скорее всего, таким образом покончил с собой — просто от безысходности... Иными словами, в советском социуме смерть была публичным актом, вашим вкладом в строительство нового общества. Любая смерть была на миру, где по определению становилась красна. Смерть обобществили и коллективизировали.

Году в восемьдесят втором-восемьдесят третьем этот социум окончательно затрещал по швам, и люди поняли, что смерть остается их частной проблемой, что всем на нее, простите за грубость, насрать и никто им в последний миг не подмога... Тогда начали возникать садистские стишки: попытка унизить смерть, просмеять ее. Общественным актом она быть перестала — так хоть посмеемся... Кстати, тогда же и я пережил свой тяжелый мировоззренческий кризис. Вы думаете, обращение к теме смерти было просто хорошо просчитанной рыночной конъюнктурой?

— Честно говоря, именно так я и полагал.

— А напрасно. Просто мне все перестало быть интересно: художественная литература, зарабатывание денег... И я сначала стал интересоваться последними словами умирающих, а потом создал своего рода классификацию смертей.

— На ваш взгляд, отношение «новых русских» к смерти чем-то отличается от нашего с вами?

— О, радикально. Для «нового русского» смерть — нечто вроде обязательной расплаты в большой игре. Странно, но чужая смерть для них интереснее... экзистенциальнее, что ли... чем своя. Своя — естественный взнос в бизнес: ты играешь, ты должен платить. Вот почему «новые русские» так охотно, так часто собираются на похороны других «новых русских». Это для них знаковое событие. Можно сказать, что для современного бизнесмена существует только чужая смерть — своя для него стала чем-то обязательным вроде уплаты налогов или покупки акций: вы купили — а они, бац, и упали. То есть это условие бизнеса, что ли. Вы идете в бизнес, зная, что расплатитесь жизнью. В этом, если угодно, особенность русского бизнеса: он чреват именно такой расплатой. Мы в нашем «Обществе воздержания от смерти» даже придумали нечто вроде такой лотереи: кто следующий? кого теперь убьют? Мы планировали выпускать тиражи: 7 из 49, 6 из 36... К сожалению, это не нашло поддержки у государства. Иначе, уверен, все бы в это играли. Бизнес, в котором не убивают, в сегодняшней России неинтересен. Это могла бы быть такая мощная лотерея! Вся страна участвовала бы...

— Я так с особым удовольствием.

— А я всегда в вас подозревал садиста.

— Саша, вы все шутки шутите. А серьезно пару слов можно?

— Дмитрий, я ни с кем и никогда не буду говорить о смерти серьезно.

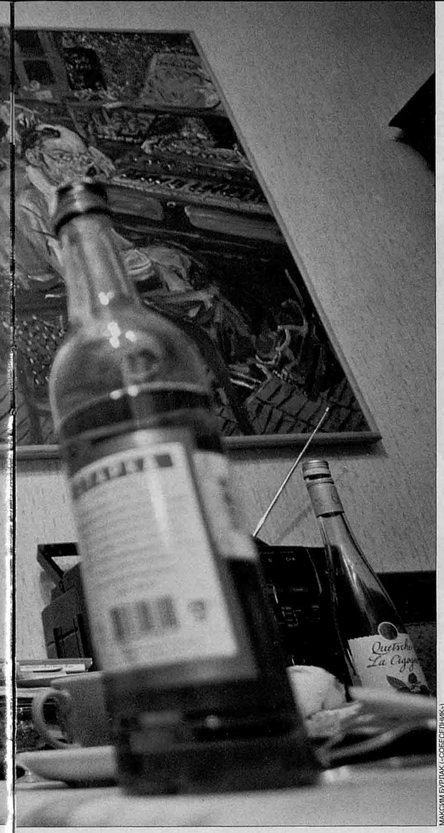
— Потому что она для вас слишком ничтожна?

— Напротив, потому что это слишком специальная тема. Смерть находится в принципиально другой плоскости, нежели наше с вами обычное бытие. И я давно бы покончил с собой, перешел на эту следующую ступеньку, которой так жаждет моя душа, — если бы не считал самоубийство чем-то дурновкусным и по определению публичным. Человек ведь чаще всего кончает с собой, чтобы что-то доказать окружающим. Вот почему самоубийство — такой, в сущности, моветонный акт: все эти предсмертные записки, выяснение причин... Если бы я покончил с собой, я сделал бы это только для себя. Чтобы душа моя поскорее перешла на новый уровень. Но там, скорее всего, для нее перестала бы существовать личная память. Ведь, родившись, вы тоже ничего не помните.

— А до моего рождения что-то было?

— Ну конечно. Вчитайтесь в свою генную память и наверняка обнаружите следы прошлой жизни.

— Кстати, Саша! Вы действительно верите, что человек — социальное животное?



МАКСИМ БУРЛАК («СОБЕСЕДНИК»)

— Да, конечно. Социум оказывает гигантское влияние, вы его размеров и представить себе не можете. Вот в Центральной Африке в XVIII веке было племя яго, которое убивало всех своих новорожденных детей. Представляете? Вопреки инстинкту материнства и отцовства.

— А зачем?

— Хороший вопрос. Интересно, почему вы не спросите, как они размножались?

— Ну, как?

— Похищали детей у соседних племен. А вот зачем они убивали собственных — до сих пор никому не известно. Европейцам, которых они брали в плен, было не до того. Некоторым из этих пленных удалось бежать, отсюда и сведения об этом племени. Потом их все-таки раздавили агрессивные соседи, которым не нравилось, что они детей воровали. История племени яго доказывает только одно: у вас практически нет инстинктов, вам можно внушить все.

— И все-таки вы верите в светящуюся точку?

— Да. Но никто не знает, какие страшные желания обуревают ее. Не думайте, что человек по природе гуманист. В нем такого намешено — лучше не вглядываться.

— Вам знаком хоть один пример посмертного опыта — или, иными словами, верите ли вы свидетельствам, которые собрал Моуди?

— Не столько Моуди, сколько Малиновский — автор превосходной книги «Переход». Смерть — именно переход, вот почему ее так трудно интерпретировать в наших земных терминах. Да, верю в такие свидетельства и не могу сомневаться в воспоминаниях моего старшего друга Арсения Тарковского. Однажды, после нескольких чрезвычайно мучительных реампутаций ноги, в новосибирском госпитале он вдруг почувствовал, что душа выкручивается из него, как лампочка из патрона. Он посмотрел на себя сверху, увидел выступающие скулы, небритые щеки, потом ему захотелось полететь в соседнюю палату... Он уже вошел в стену, но испугался, что слишком далеко отлетит от тела, не сможет вернуться. И тогда он скользнул в свое тело, как в лодку. Тут же вернулась мучительная тоска и боль в ноге, фантомная боль...

— Вы так верите Тарковскому?

— Он не стал бы мне врать. Я был одним из ежедневных его собеседников.

Иное дело, что представить себе посмертный опыт никто из нас не в состоянии. Смерть — только переход, что будет потом? Сохранится ли личная память? Тейяр де Шарден считал, что сохранится. Я сомневаюсь — мне кажется, там все начнется с нуля.

— Когда мы с вами встречались лет пять назад и вы только что опубликовали «Хроники Харона», я спросил: а можете ли вы еще о чем-то написать такую же энциклопедию? Вы ответили, что запросто. Потому что у вас огромный газетный архив.

— Да, Дмитрий, огромный. Я коплю информацию на множество тем. Смерть — не единственная и даже не главная тема моих изысканий. Перечислить вам хоть несколько тем, на которые я мог бы издать подобные же энциклопедии? Извольте. Секс, особенно поцелуи. Парфюмерия. Астрология и астрономия. Спиртное. Судьба. Больше всего меня интересует именно тема судьбы, ей я желал бы посвятить остаток сил.

— А конкретнее?

— А конкретнее — теодицея. То есть вопрос о предопределенности всего, что с вами случается. О мере вашей свободы.

— И какова мера вашей свободы?

— А не знаю, Дмитрий. Это главная тема моих размышлений. Вот смотрите: я родился в городе Советская Гавань. В восьмимесячном возрасте подхватил простуду, получил воспаление легких, попал в больницу и там заразился полиомиелитом. В результате стал инвалидом — не могу долго ходить, сильно хромаю. Это дало какую-то странную компенсацию — возможно, именно болезни я обязан своей бешеной активностью. Компенсировал это увечье всю жизнь — рано женился, рано завел ребенка, водил машину, обивал двери, переплетал книги, писал энциклопедии, редактировал сразу два журнала... А вот не открой кто-то форточку, когда мне было восемь месяцев, — так бы и жил я в Советской Гавани.

— Кажется, у меня есть ответ на ваш вопрос.

— Да неужели? Дмитрий, да вы чудо! У Пелагия не было, у споримшего с ним Блаженного Августина не было, а вы уже разобрались!

— Хорош издеваться, Саша.

— Я не издеваюсь, я искренне восхищаюсь. Ну, излагайте же!

— А что излагать? Мандельштам сказал: если вам всю жизнь мешали писать стихи, вы все равно напишете то, что должны. Неважно, том это будет или десять томов: процент настоящей поэзии там будет один. Неважно, переболели вы полиомиелитом или нет: то, что вам на роду написано сделать, вы все равно сделали бы. Ибо главная тенденция человека — реализация своих возможностей.

— Да ну! Это вы сами придумали или прочли где-то?

— И сам придумал, и у Веллера прочел...

— Веллер очень умный, это без всякой иронии. Он поставил во главу угла энергию: сколько у вас изначальной энергии, столько вы и сделаете. Но вот мои брат и сестра, они так и живут на Дальнем Востоке. Гены у нас одни и те же. А я попал в Москву благодаря полиомиелиту, потому что там меня лечить никто не брался. И, живя здесь, я реализовался как писатель. Случайность это или предначертание?

— Предначертание.

— А вот тот факт, что я стоял у телефонной будки, и услышал, как какой-то человек звонит Арсению Тарковскому, и напросился к нему в гости, — это случайность?

— Нет. Вы бы и так к нему попали.

— Не думаю. Хорошо иметь вашу уверенность. А я вот уверен, что все — игра случая.

— То есть вы атеист?

— Да нет атеистов, знаете ли. Когда самолет должен упасть и вдруг спасается — кришнаиты благодарят Будду, мусульмане благодарят Аллаха, христиане благодарят Христа, а атеисты благодарят Бога. Это я вам говорю как издатель авиажурнала.

— Вы женились очень рано, в восемнадцать лет. Как это получилось?

— Да так и получилось, в полном согласии с предопределением, как вы сами говорите. Иду, вдруг вижу — девушка красивая. Я к ней подхожу и говорю: девушка, пошли в загс! У меня как раз время назначено, а пойти не с кем. Пошли и поженились.

— Ладно. Один вопрос напоследок: вы столько всего делаете — журналы издаете, пьесы пишете, романы сочиняете. Что вам доставляет наибольшее удовлетворение?

— Занятия любовью.

— Серьезно?

— Абсолютно. Еле время выкроил, чтобы с вами встретиться. Ничто так не удовлетворяет, как секс.

— А серьезно?

— Да я серьезно! Вас что, секс не удовлетворяет?

— Почему... но есть же еще что-то...

— Очень люблю роскошь человеческого общения. Вот с вами пообщался — такая роскошь! А высший кайф — это мистификации. Понимаете, если мне заказывают статью, я почти наверняка знаю, откуда взять для нее материал. Все же оканчивал библиотечный факультет Института культуры, владею информацией... Но гораздо интереснее среди общеизвестных фактов вставить в текст что-то придуманное, небывшее. Вставишь — и через неделю видишь, как другие журналисты начинают это цитировать. Без ссылок. Нет большего наслаждения, чем мистификация.

— Саша... Скажите честно — вы реальное лицо?

— Нет, конечно. Я вам привиделся. Хотите еще бутерброд? ■

КОНЕЦ СВЕТА

В ЗАПАДНОМ ВАРИАНТЕ

Смотрел я на все это и испытывал противоречивые чувства. Даже не знаю, как вам это объяснить... В общем, иногда, глядя на Америку, я думал: это моя страна! А иногда меня от Америки просто тошнило

Александр НИКОНОВ
Фото Александра БАСАЛАЕВА и Юрия ФЕКЛИСТОВА

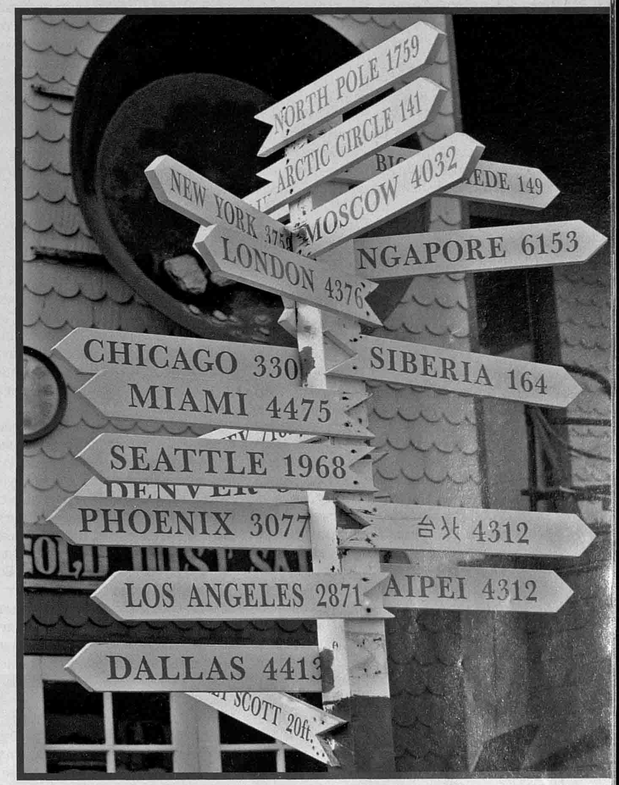
В отличие от многих соотечественников я никогда не мечтал эмигрировать в Штаты. И даже на время съездить в эту страну меня не очень-то тянуло. Скажу больше — не раз публично, в статьях я сгоряча обзывал Америку ублюдочным образованием и объявлял ее для себя страной нон грата. Однако Госдеп США все мои возгласы оставил без должного внимания, на заметку как врага строя не взял, и въездную визу мне легко выдали. Тогда я на время снял со страны обструкцию и поехал в ее пятидесятый штат — на Аляску. Посмотреть на эту Америку своими зрачками. И скажу вам так: лучше один раз увидеть, чем сто раз. Точка...

Если бы не Джек Лондон, что бы мы знали об Аляске? То же, что об Огайо или Айове, — ничего. А так — «золотая лихорадка»; застывающие на морозе плевки; гонки на собачьих упряжках; Смок и Мальш; бородатый мужик от последней спички хотел костер под елкой зажечь, согреться малость, а с елочной лапы ему в огонь снег упал — бац! Ошибочка вышла, обтрясти надо было сначала. Замерз мужик... Край-то какой суровый!..

А между тем вся история Аляски отражена на огромной глухой стене, что возле муниципалитета города Анкориджа. Чтоб пространство зря не пропадало, на стене нарисовали огромное панно — историю Аляски в картинках и цифрах. Внимательно изучив его, докладываю: история Аляски начинается с 1000 года. Судя по картинке, в те далекие времена на Аляске жили лоси, медведи и эскимосы, похожие на питекантропов. В 1250 году эскимосы научились строить яранги из шкур убитых животных. В 1778 году случилось что-то важное. Может быть, открыли Аляску? Судя по дебиловатому выражению лица морского капитана, изображенного рядом с этой датой, его горбатому носу и глазам, находящимся на разной высоте, это был кто-то из русских первооткрывателей. Ясно только, что этот человек был на редкость уродлив.

Затем сразу наступил 1867 год. Кажется, Аляску покупают. В Белом доме люди стоят у глобуса и совещаются: брать или не брать, а если брать, то зачем? Купили. Собственно, после этого и началась настоящая история Аляски, наполненная богатыми событиями: после 1867 года даты усыпают стену с густотой необыкновенной. Поверху тянется вся история американской авиации в подробных картинках — разные типы самолетов. Под ними высятся линии электропередач, нефтяные вышки, и корабли успешно бороздят нарисованные волны. В общем, пятилетку досрочно и ледокол «Ленин»... Потом, в 2010 году, у Аляски настанет будущее. Что там произойдет, художник не знал, поэтому на всякий случай нарисовал белого медведя, полагая, видимо, что уж медведи-то нас точно всех переживут...

123



«Благими намерениями вымощена дорога в ад». Это изречение как нельзя лучше подходит для сегодняшней Америки

Социализм — свободный труд свободно собравшихся людей

Однако познавать Америку нужно с маленьких провинциальных городков. Типа маленького городка по имени Ном, куда приземлился наш «Боинг». Численность населения в Номе составляет всего ничего — 4000 человек. Когда-то, во времена «золотой лихорадки», сюда приехало и жило в десять раз больше народу — 40 000 разных граждан надеялись малость разжиться тут золотишком. С тех пор город заметно «исхудал»: в наше время золотишко на северах добывать нерентабельно — что в России, что в Америке. Чуть упадет золото в цене на мировом рынке, на Аляске начинают лопаться золотодобывающие компании.

Впрочем, отдельные искатели приключений добывают на Аляске золото несмотря ни на что. Америка — свободная страна (как она о себе думает), поэтому каждый дурак может поставить палатку на берегу Берингова моря и начать мыть золото вручную или с помощью автоматической драги на керосиновом ходу. Все, что намыл, — твое. Причем без всяких налогов. Однако, как правило, занимаются индивидуальной мойкой золота только иностранцы

или неудачники из местных. Бивуачный быт их по большей части убог, много на золоте не заработаешь, искатели удачи едва-едва оправдывают дорогу и расходы. И это понятно, мировая экономика давно уже не держится на золотых пиастрах, что подметил еще известный арапский пиит Пушкин: «...как государство богатеет, и чем живет, и почему не нужно золота ему, когда простой продукт имеет».

Простого продукта в Америке — как грязи. Причем складывается ощущение, что весь американский продукт произведен в Китае. Какую вещь ни возьми — made in China. Доходит до того, что на витрине магазина могут вывесить надпись: «Здесь все товары только производства США». Но во-первых, это сомнительная реклама (американские товары дороже), а во-вторых, такую надпись я видел всего один раз — на маленьком магазинчике в большом городе Анкоридже. Только на один магазинчик и хватило товаров, сделанных в США... Что-нибудь Америка вообще производит, кроме долларов?.. Производит! Дурацкие американские автомобили — неуклюжие длиннобазные пикапы по шесть-восемь цилиндров с тошнотворно мягкой подвеской и вялой коробкой-автоматом. Летом-осенью в их открытые кузова наливается дождь, зимой наваливается снег, который всю зиму водители возят туда-сюда. Но американцы считают, что это круто — иметь пикап. Больше им не в чем крутизну свою проявить, потому что полиция не дремлет. Впрочем, о полиции ниже...

Это все от лени, между прочим, — коробки-автоматы, снег в кузове... Если вы спросите меня, как бы я охарактеризовал американцев, я бы сказал: американцы, как моя жена, — такие же безалаберные. А еще неряхи и в чем-то раздолбаи. Они не умеют одеваться, и им постоянно лень. Зимой в Номе можно наблюдать такую картину — в двадцатиградусный мороз подъезжает груженый (снегом, естественно, чем же еще) пикап к магазинчику, вылезает оттуда жирная тетка в шортах и футболке и заваливает в магазин. Лень было одеваться, выходя из дому. Все им лень. Жрать только не лень...

Я, между прочим, не оговорился, когда сказал, что продуктов здесь — как грязи. Потому что грязи в городке Ном — как продуктов. Лужи, месиво... Я, честно говоря, не ожидал. Не думал, что в самой Америке есть грязь на дорогах. Ан есть! По некоторым улицам без резиновых сапог лучше не ходить. Можно, конечно, и в кроссовках пройти, но дольше идти придется: в сапогах маршрут прямее.

Возил нас по городку и показывал его отсутствующие достопримечательности бывший русский зампредгорисполкома Жора, а ныне уборщик в школе Джордж. Родного языка за девять лет Джордж не забыл, но интонационный строй его русской речи выстроен на американский манер — с усилением к концу предложений. Так говорят у нас менеджеры, рекламирующие тайм-шеры, и супервайзеры, продающие гербалайф.

— Когда я уезжал, была еще советская власть, — говорил Джордж, везя нас на стареньком «Форде Бронко», который не держал холостого хода и плохо тормозился. — Не было продуктов, не было колбасы, сыра, водки, гречки, бла-бла-бла... Говорят, теперь в Москве можно свободно купить автомобиль, это правда?

— Не только в Москве.

— О'кей! Но все равно американская система власти устроена лучше. А в России лишь бы нагородить деловому человеку больше препятствий. Ноу вей! Это не пойдет так. А здесь мы сами нанимаем правительство и строго спрашиваем с него. У самого президента про Монику конкретно: «Трогал грудь?» А нельзя было! Это практикантка...

Действительно, американская система власти устроена во многом по-другому. Потому что исторически у нас и у них все развивалось по-разному. Если в России самодержавие присоединяло к империи территории силой оружия, насаживая их на единую властную вертикаль (попрошу не воспринимать это как сексуальную аллюзию), то в Штатах шла самоорганизация стреляющих граждан снизу. Шла не от хорошей жизни, а в качестве самообороны от других граждан с кольтами, которые не желали складывать и умножать, а предпочитали делить и отнимать. Появились первые выборные шерифы всякие со звездами...

Та же дикая Аляска начала всерьез выстраивать властные вертикали снизу только тогда, когда золотодобытчиков стало так много, что они стали отнимать друг у друга участки земли, постреливать без меры. Процесс взрастания властной вертикали оказался не быстрым. И пятидесятым штатом Аляска стала только в 1959 году, а до этого была просто территорией, принадлежащей США. Вот так-то.

Если в России люди смотрят вверх на власть, ожидая от нее милости или гнева, а также корма, то в Штатах население само кормит власть. В городке Ном периодически проходят голосования — граждане решают, какой местный налог будут платить на содержание своей полиции, городского управления, школ... В прошлый раз решили собирать 4% с каждой покупки в магазине, причем четверть этой суммы направляется на содержание школ. И заведующего местным роно не Министерство образования сверху спускает, а избирает школьный родительский комитет, перед коим тот и отчитывается. А выборный мэр города получает символическую зарплату — 70 долларов в месяц, то есть практически является волонтером. Не помереть с голоду ему помогает собственный бизнес: мэр — хозяин небольшого музыкального магазина. Такова Америка. В Номе на 4000 жителей семь полицейских, порядок — железный. Преступности практически нет. А на другом берегу Берингова пролива, в России, находится поселок Мыс Шмидта. В нем на 800 жителей 50 милиционеров и порядка никакого.

Бродя по Ному, я все время сравнивал. Вот на российском берегу Берингова пролива напротив Нома на той же вечной мерзлоте стоит городок Анадырь. В нем 12 тысяч народу и ни одного такси. В Номе аж целых три. Не таксомотора три, вы не поняли, а таксопарка три! В каждой таксомоторной компании несколько машин. Собственно, одну компанию здесь даже не зарегистрировали бы: антимонопольное законодательство гласит, что фирм, занимающихся одной деятельностью, должно быть как минимум три.

Любое перемещение по городу на такси, вне зависимости от расстояния, стоит три доллара, причем не за поездку, а с человека. Доехать до аэропорта — пять долларов.

— Почему они не прогорают в городке, где всюду можно дойти пешком за пять минут и где у каждого жителя по машине? — спросил я.

— Ну, во-первых, американцы ленивы и ходить пешком не любят, а если человек в баре принял, то за руль ему уже нельзя. А во-вторых, американцы экономны. Зимой ему иногда быстрее и выгоднее заплатить таксисту три доллара, чем заводить и десять минут прогревать на морозе свою машину с огромным двигателем ради минутной поездки. Тем более что везде висят бесплатные желтые телефоны без наборных дисков специально для бесплатного вызова такси. Там вам скажут: «Спасибо за вызов». И через минуту-другую будет такси.

...Выше я употребил слово «неряхи» по отношению к американцам. Извините, я не имел в виду «грязнули». И я не имел в виду всех американцев. Просто потрясающие свиньи — спившиеся индейцы, алеуты и эскимосы, бродящие по улицам Нома в драбадан пьяными с самого утра.

Что же касается белых американцев, они чаще всего чистюли, порой до брезгливости, просто одеваться не умеют, шастают в каком-то рванье. Но чистом. Правда, не всегда янки такими чистюлями были. В номской гостинице до сих пор висит столетней давности почерневшее рекламное объявление на деревянной доске, в котором говорится, что гостиница предоставляет постояльцам горячую воду для помывки. Первый моющийся платит 15 центов, второй и последующие — по пять... А когда в начале века в Чикаго в высотных домах стали ставить ванны, жильцы сначала не могли понять, что это за хреновины такие. Некоторые солили в ваннах огурцы, кто-то выращивал рассаду. Американцы начала века считали ванны в квартире излишней роскошью: в самом деле, зачем занимать столько места в квартире, если человеку положено мыться раз в месяц?..

Здешние женщины одеты так, что сразу понимаешь: для них самое важное дело в жизни — быть равными по правам мужчинам. И опять-таки для сравнения картинка с противоположного, русского, берега. Отдаленная метеостанция. Одна женщина там сидит. Ей давно задерживают крохотную зарплату, а цены на Севере в два-три раза выше московских. Она никого не ждет, заметьте. При этом стильно прикинута, намакияжена и причепурена, то есть имеет о-бал-ден-ную стрижку. Аналогичные несчастные женщины, прекрасно одетые и с подведенными глазами, ходят на шпильках по щебенке полуразрушенного русского города Анадырь.

Быт или не быт — вот в чем вопрос

Когда нет преступности — хорошо. Местному номскому полицейскому лейтенанту Кевину Майклсу (по-нашему его должность соответствует замначальника УВД) за 18 лет работы не пришлось ни разу выстрелить. Жители Нома даже не вынимают ключей из замков зажигания, поскольку никто тут машин не угоняет. Некоторые горожане даже входных дверей не запирают.

— Иногда смотришь: машины нет там, где ты ее оставил, — рассказывает Джордж. — Значит, кто-то взял, нужно было доехать, потом поставит на место.

Каждому аляскинскому жителю правительство штата выплачивает ежегодно чуть больше тысячи долларов в качестве... Нет, не в качестве, а просто так. За то, что он есть. Это нефтяные деньги. Типа, на нашей землице нефть сосут, а что мы с этого имеем? А вот что — штуку баксов. Плюс бесплатные авиабилеты на курорт... Так вот, несмотря на этот ежегодный сюрприз, несмотря на пособия по безработице, пособия на детей, велферы, талоны на еду, некоторые работающие граждане едва сводят концы с концами (попрошу не воспринимать это как сексуальную аллюзию). Потому что они-то пособий, велферов и талонов не получают. Порой выгоднее не работать, например прикинуться идиотом (инвалидом ума, это легко сделать, почитав книжки по психиатрии), и получать здоровенную пенсию по инвалидности, пальцем о палец не ударяя. Некоторые бывшие наши так и делают.

Есть у Джорджа одна мучительная статья расходов, из-за которой он залез в большие долги, — расходы на лоера, то есть адвоката. Джордж экономит на страховке для автомобиля (около 100 долларов в месяц), хотя прекрасно понимает — случись какая авария по его вине, он уже никогда больше не поднимется. А вот на лоере Джорджу сэкономить не удалось. Такова специфика здешней жизни. Если ты живешь в Америке, все время будь готов платить лоеру, который стоит 175 долларов в час. Потому что эта страна создана для врачей и адвокатов.

Джордж долгое время подрабатывал у одного бизнесмена и теперь вынужден судиться с ним, поскольку этот фраер задолжал Джорджу 70 000 долларов зарплаты за несколько лет.

— Нанял я лоера, а что делать? — разводит руками Джордж. — В России я бы сам разобрался, почитал кодексы. У нас это можно. У нас простые законы.

— Да, — киваю я. — Я сам без всяких адвокатов в России два процесса выиграл. Да хрен ли толку? Денег так и не получил.

— О, ноу проблем. Если в Америке выиграл, все получишь. О'кей! От американского правосудия не побегаешь. Каждый человек имеет номер социального страхования, драйверскую лицензию, занесен в компьютер. Должник, даже если он уедет в другой штат, нигде не сумеет устроиться на работу, открыть дело. Все его имущество будет пущено с молотка, а если долг больше ста тысяч, он попадет в тюрьму. Но зато в Америке нельзя выиграть процесс без адвоката. Здесь вся система законов специально так запутана, чтобы дать заработать лоерам.

Впрочем, и для временно приезжающих Америка щедро рассыпает жизненные неудобства. Это дурацкие дорожные знаки (трудно, что ли, было перейти на международную систему?). Это дурацкие мили, футы, фунты и чертовы градусы по Фаренгейту. Спрашивается, чем руководствовался этот Фаренгейт, если по его шкале вода отчего-то замерзает при плюс 32 градусах, а кипит при 212.

Но главное неудобство для приезжего — американское электричество. Лампочка Ильича появилась в Америке, наверное, раньше, чем появился сам Ильич в России. Видно, поэтому электрические сети в США рассчитаны на маломощные 110 вольт. Ну это ладно, всякая электробритва, допустим, имеет переключатель 220/127, даже мой старый «Харьків». Но как ее засовывать в розетку, если американские вилки имеют плоские штыри, да еще расположенные гораздо ближе друг к другу, чем наши круглые?

Пришлось прибегнуть к рашен смекалке. Значит, запоминайте и мотайте на ус, как бриться. Подходите к любой розетке, в которую воткнута электрическая кофеварка. Кофеварок в Америке больше, чем американских флагов, они везде натыканы, так что найдете легко... Итак, немного вынимаете штепсель из идиотской американской розетки и — внимание! — в образовавшееся пространство между розеткой и штепселем, прямо поверх ихних плоских штекеров, насаживаете наши круглые и прижимаете ихней вилкой. Далее бреетесь.

Страна победившего коммунизма

Что не удалось сделать социалистам в России, удалось капиталистам в Америке. Во всяком случае того, что при большевиках называли сознательностью, в американцах больше, чем в бывших совках.

В редакции местной газеты я долго говорил с журналистами. Пытался понять суть экономических отношений внутри Аляски — между бюджетом и дотационными регионами, если использовать отечественную терминологию. Это был разговор глухих. Они не понимали меня, я не понимал их. Иногда мне казалось, что в результате перестройки и последующих за ней пертурбаций постсоветские люди стали большими экономистами и капиталистами, нежели американцы.

Дело в том, что накануне мы съездили на остров Святого Лаврентия, в местное аборигенское село. Живут там эскимосы. Естественно, их быт давно уже не тот, что сто лет назад. Эскимосы живут в двухэтажных домах с телефонами, пылесосами, телевизорами, компьютерами, гигантскими холодильниками, канализацией, радиостанциями и прочими прелестями белого человека. При этом аборигенам позволено то, чего не позволено белым, — убивать китов и медведей (аргумент: они привыкли). В одном доме я насчитал шесть стволов, из них четыре — винтовки с дорогими оптическими прицелами, один дробовик и одна маленькая детская мелкашка, чтобы семилетний отпрыск в стрельбе тренировался.

Каждая здешняя семья имеет по паре снегоходов на зиму и по паре форвиллеров на бесснежный сезон. Слово «форвиллер» происходит от двух английских слов и буквально переводится как четырехколесник. Это мотоцикл японского производства на четырех пузатых шинах. Другого средства передвижения на острове нет, поскольку на острове нет почвы — место, где стоит поселок, представляет собой огромный галечник с мелкой галькой. Здесь и пешком-то ходить трудно, нога в гальке вязнет, поэтому все от мала до велика ездят на форвиллерах. Бабки передвигаются по делу — от порога дома до магазина. А дети просто носятся на них туда-сюда от нечего делать. Один форвиллер стоит примерно 5000 долларов. Местная школа обошлась бюджету в шесть миллионов долларов.

Остров Святого Лаврентия — самая крайняя точка Америки, западнее уже Россия, Чукотка. Чукотка — край света для России.

Восточнее уже Америка. Как живут аборигены на Чукотке, я уже писал однажды: в некоторых чукотских селах в магазинах из еды остался только уксус. Канализация и холодильники в этих условиях, как вы понимаете, просто не нужны. Электричества тоже нет — конец света...

При этом большинство жителей и там и там безработные. Им просто нечем заняться. Только наши медленно загибаются, а американские аборигены получают... нет, не пособие по безработице, а так называемый велфер, потому что вообще никогда нигде не работали и вряд ли будут: нет в поселке никакого производства, а уезжать они не хотят.

Вот об этом мы и токовали, как глухари, в редакции аляскинской газеты — русские и американские журналюги. Я поначалу грешил на переводчика, думал, он плохо переводит, оттого меня и не понимают. Но оказалось, непонимание лежит гораздо глубже.

— Практически во всех алеутских селах нет работы, — наседал я. — Для чего они нужны?

— Как нет работы? — удивлялись американские журналисты — цепные псы демократии и пропагандисты политической корректности. — Местные жители работают учителями, библиотекарями, завхозами, врачами, содержат магазинчики. Хотя есть и безработные.

— Погодите-погодите, но ведь это все сплошные бюджетники. На что живет само село? Они ничего не производят, только сидят на шее федерального бюджета.

— Но они платят налоги, покупают в магазинах...

— Блин, — раздражался я от американской тупости. — Но ведь, кроме безработных и бюджетников, которые тратят в своих сельпо бюджетные деньги, штату Аляска эти аборигенские села ничего не дают. Они убыточны. Так?

— Так, — наконец поняли собеседники мои тревоги.

— Но зачем они тогда нужны, эти села? Ну черт возьми, почему не ликвидировать их за бесперспективностью, почему не переселить в большой город, тем более что в Америке вообще и в Анкоридже в частности сейчас экономический бум и просто не хватает рабочих рук? Сейчас уровень безработицы в Америке кое-где упал до пределов почти катастрофических. Уже невозможно расширять производство — «некем взять», как говорил наш царь Петр I. Для нормального развития экономики безработица должна составлять 4%. А я смотрел статистические данные — в некоторых штатах и графствах Америки она упала до 0,6%! Это экономический тупик.

— Верно. Рабочих рук не хватает. Человека на работу трудно найти, — соглашались американцы. — Но аборигены привыкли так жить.

— Вашу мать!.. Это не переводите... Мало ли кто к чему привык! Я привык ногти грызть — платите мне за это!.. Обрезать гадам финансирование и пусть ищут работу! Бесхозяйственность какая-то!

— Нет, — отвечали мне политкорректные журналисты и цепные псы великой богадельни под названием Америка. — Люди в городах осознают это и согласны платить чуть больше налогов, чтобы местное население жило в привычных ему местах.

...Гуманисты, мать их ети. Сознательные... А у нас уже последний уксус кончается.

Закон — что дышло

Однажды у меня случилось просветление. Произошло это несколько лет назад. В питерском Эрмитаже. Есть там одна небольшая комната, выполненная вся в темном дереве. Бывшая царская библиотека. А в ней огромный книжный шкаф. А в шкафу...

В общем, в шкафу том стояли огромные, я бы сказал гигантские, фолианты. Очень толстые. Очень высокие. Очень широкие. Все одинаковые, с золотым тиснением на корешках. Они занимали не одну полку и, кажется, даже не один шкаф. Их совокупный вес составлял, наверное, не одну сотню килограммов.

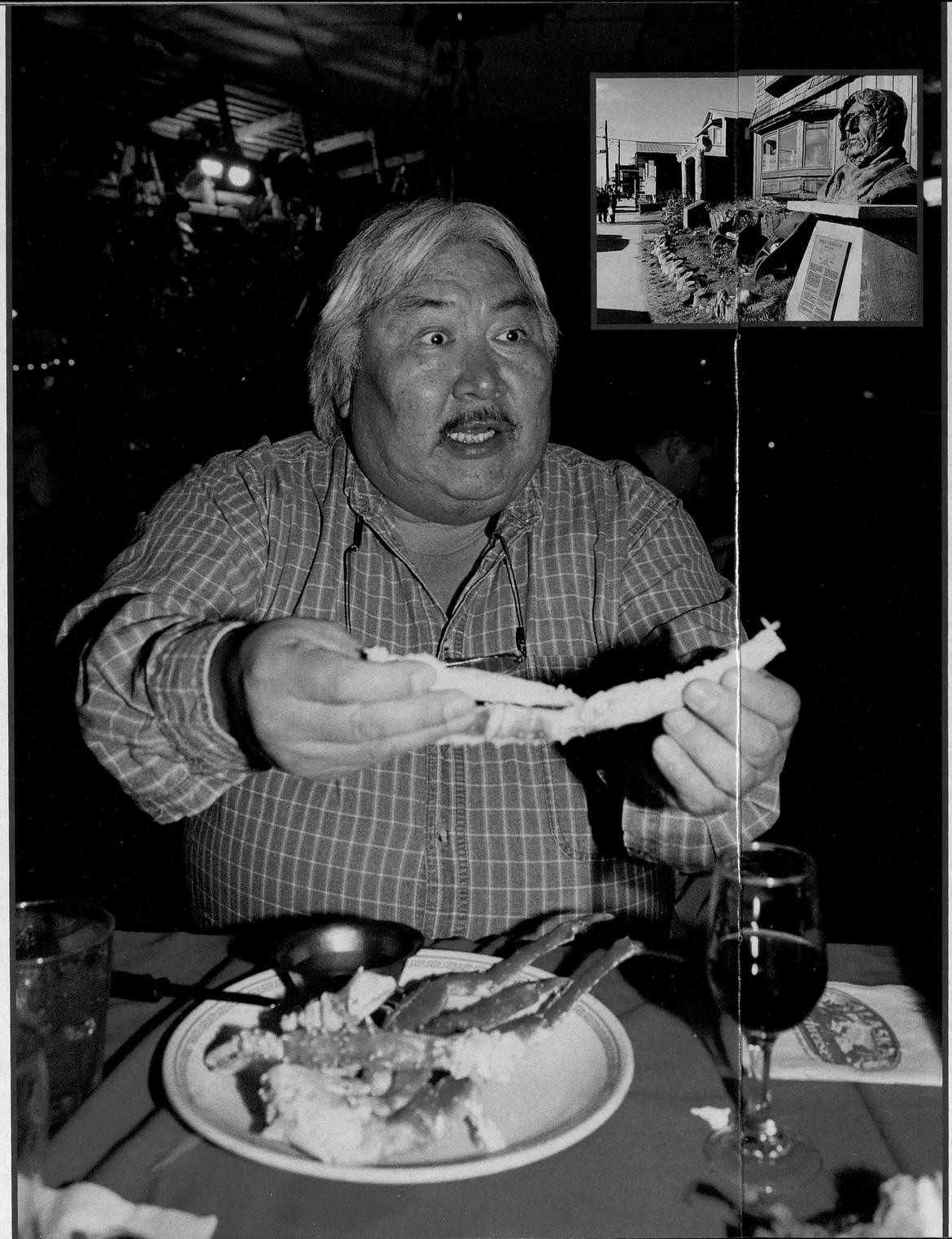
Это было «Полное собрание законов Российской империи» — уголовное право, административное, гражданское, процессуальное, морское, законы о пчеловодстве и землепользовании, о недрах и так далее. Столько нужно стране законов, чтобы нормально функционировать.

...Как принимаются законы, вы знаете — пишется проект, представляется в комитеты нижней палаты парламента, потом первое чтение, потом второе, третье, четвертое. Параллельно проект закона громится в прессе. Если закон миновал все эти рогатки — его рассматривает верхняя палата парламента. Если проект прошел верхнюю палату, его подписывает президент. Или не подписывает, накладывает вето, после чего все начинается по новой... По мере вступления законов в силу, постепенно выявляются их недостатки и противоречия с остальными законами. Это работа на десятилетия.

Новой России всего только девять лет. Естественно, мы не успели напринимать шкафы законов. Ну, может быть, приняли килограмма два-три только. Естественно, у нас законодательный голяк. Государство только строится. Другого и быть не могло, так что оставьте, граждане интеллигенты, все эти вопли самобичевания о том, что русские от природы тупы и вороваты. Не более чем другие — от одной обезьяны произошли...

Скажу больше — у нас есть потрясающий шанс, принимая новые законы, не наделать тех же ошибок, которые наделали американцы. Мы можем избежать невероятной путаницы в налоговой системе. Можем избежать той странной смеси идиотизма и потрясающего инфантилизма, который американцы порой выдают за торжество законодательной и судебной систем. Например, в этом году суд приговорил к разорению (путем наложения невероятно огромных штрафов) несколько известных табачных компаний. Потому что заболевшие раком курильщики подали на них в суд. И суд признал табачные компании виновными. В чем? В том, что курильщики по доброй воле покупали и курили сигареты?.. В том, что они не хотели или не умели прочесть на каждой купленной пачке сигарет предупреждение о вреде курения?.. Сами покупали, сами курили. А виноват Пушкин. Это очень по-американски. Потрясающее торжество инфантилизма, поддержанного дуростью судебной системы, в которой выигрывает не факт, а эмоции присяжных, разожженные словоблудием адвокатов.

Удивительно, но факт: некоторые свежепринятые российские законы гораздо справедливее и прогрессивнее американских. Пример? Ну вот навскидку... В Штатах, даже если истец трижды прав, ответчик проиграл суд и по приговору вернул истцу все, что был должен, все равно истец в проигрыше! Потому что он понес огромные расходы на адвокатов. В России же все расходы истца на адвоката, все судебные пошлины, выплаченные истцом, суд безоговорочно возлагает на проигравшего ответчика. А в Америке — в лучшем случае 50 — 75%. Несправедливо, согласитесь.



Вот вам еще маленькая картинка из американской действительности. Этакая шизофреническая смесь любви к законам с политкорректностью. В баре сидит компания из нескольких русских и одного американца. Одна из русских девушек, несмотря на свои 26 и богатый жизненный опыт, выглядит очень молодо. Спиртное по американским законам можно употреблять только с 21 года. Бармен не имеет права дать даже пива человеку моложе 21 года, иначе — штрафы, отъем лицензии, а в некоторых штатах тюрьма. Поэтому, чтобы уточнить возраст, он спрашивает у девушки какой-нибудь документ. Нормальная ситуация. До сих пор все шло логично. А дальше по нарастающей развивается американский театр абсурда.

Чтобы не смущать девушку тем, что она очень молодо выглядит, бармен спрашивает документы о возрасте у всех в компании. Даже у седого американца, которому 21 год исполнился явно до Второй мировой войны. Бармены так поступают всегда — проверяют ксивы у всей компании, если в ней есть хоть один человек, в чьем совершеннолетии можно усомниться.

Дальше — больше. Русские показывают паспорта, которые по московско-ментовской привычке у всех при себе. У седого американца никакого документа с собой не оказалось. В итоге всем русским приносят пиво, а американцу, которого даже в московское метро пустили бы без пенсионного удостоверения, пива не дают. Потому что если дать, то сразу станет ясно, что бармен спрашивал паспорта у всей компании только для проформы. И так всем ясно, что для проформы, но показывать этого не нужно. Поэтому торжествует абсурд — старый американец остается без пива. При этом все делают вид, что все нормально...

Американцы полагают, что это вежливость. Американцы полагают, что это торжество закона. Но если это торжество закона, то что тогда идиотизм? Если это политкорректность, то что тогда издевательство над здравым смыслом и самое вопиющее ханжество?

От сумы да тюрьмы...

Они очень гордятся своим законопослушанием. Они ходят и улыбаются друг другу. На дорогах все ездят медленно, соблюдая непонятные ограничения. Прекрасно! Но как же они этого добились? А очень просто.

...Полицейским в Америке запрещено стрелять в воздух, то есть давать предупредительный выстрел. Если уж достал из кобуры, стреляй только на поражение.

...За вождение автомобиля без драйверской лицензии (права в другой куртке забыл) — три дня тюрьмы. Правда, с другой стороны, полицейский не имеет права остановить машину, если ты ничего не нарушил.

...На той же Аляске есть самые разные полиции — муниципальная, федеральная, дорожная, есть полиция, которая занимается охраной белых медведей, есть полиция, которая охраняет лосей... Короче, много всяких. У каждой полиции — своя нашивка на рукаве. Нашивка — цветной лоскуток, красная цена ему доллар. Но если простой гражданин нацепит на рукав понта ради полицейскую нашивку — год тюрьмы. Это если он прикинется охранником лосей. А если наденет нашивку федерала — срок вырастет.

...Езда в пьяном виде — год тюрьмы.

...Убил лося не в сезон охоты (браконьерство) — пять лет тюрьмы.

...Убил лося в сезон охоты, но не того... Лосей ведь даже в сезон охоты можно убивать не всяких. У «правильного» лося спереди на рогах должны быть три каких-то там отростка. С тремя отростками убивать можно. С двумя — запрещено. Не разглядел в свой оптический прицел, ошибся в подсчетах — год тюрьмы. Без разговоров.

...Подрался в пьяном виде с собутыльником — тюрьма.

...В маленьком городке Ном (напоминаю, 4000 жителей) — две тюрьмы. Для взрослых и «малолетка».

— Кого и за что тут сажают в «малолетку»? — спросил я сопровождающего.

— Ну, если дети учителей или родителей не слушаются. Родителям же детей же нельзя наказывать: у детей есть права, они могут подать в суд на родителей. Поэтому родители звонят в полицию и жалуются на отбившегося от рук отпрыска...

Короче, ремнем лупить нельзя. Поэтому сажают.

И это не только на Аляске происходит. В Калифорнии, например, не разрешено снимать на улице на фото- и видеокамеру без разрешения тех, кто может попасть в кадр. Если полицейскому покажется, что вы снимаете не архитектурные достопримечательности, а граждан на улице, — полгода тюрьмы.

В этом году в Милуоки посадили человека на 21 год. По сути, вычеркнули из жизни. Как вы думаете, за что? Никогда не угадаете! Он убил кошку! Кошка — это такое небольшое четырехногое животное, их много... Если теперь кто-то скажет, что Америка не сошла с ума, то пусть найдет какое-нибудь другое определение этому! «Перегибы на местах?» Вы думаете, только в Милуоки собрались сумасшедшие кошкофилы? Нет! В половине штатов такие же суровые законы о жестоком обращении с животными! А как безобидно все начиналось — «негры тоже люди».

...В штате Юта за супружескую измену дают год, за добрачный секс — полгода тюрьмы. В 1990 году — ужаснись, сексуально продвинутая Россия! — некто Стивен Шохет из Мэриленда получил 5 лет за... оральный секс, который в этом штате запрещен. И не только в этом! Еще в 23 штатах за несанкционированный властью секс можно получить от 30 суток до пожизненного. Кафка! Оруэлл! «Если вы еще на свободе, это не ваша заслуга, а наша недоработка.»

Мы уже не удивляемся тому, что в России больше миллиона человек сидит, привыкли, что у нас едва ли не самое большое в мире число заключенных на сто тысяч населения. Делаем скидку на собственную дикость. Мол, вот в цивилизованных странах...

Америка — страна цивилизованная. А сидит в ней народу больше, чем в дикой России. И абсолютно и относительно — 450 человек на 100 тысяч населения. Для сравнения: в Ирландии — 44 человека на 100 тысяч. Это и есть свобода по-американски... Осознанная необходимость...

Что там еще осталось? Политкорректность и феминизм? Один момент, сейчас расскажу...

Вот история одного бедного (в финансовом смысле) гражданина. Его жена сбежала с другим. Этот другой оказался парнем не промах. Любовники выкрали у американца все документы и с их помощью каким-то образом сняли с его счета все деньги. А чтобы не возбухал, убежавшая жена решила посадить бывшего благоверного. Она пошла в некую феминистскую организацию «сервис-вумен», призванную защищать права женщин. Не без помощи этой организации женщина намыслила изнасилование. И написала заяву в полицию о том, что ее муж изнасиловал.

Как в случае изнасилования происходит у нас в России? Женщину направляют к медэксперту для того, чтобы удостовериться, было вообще изнасилование или нет. Есть ли на теле побои? На место происшествия выезжает опергруппа, где ищут доказательства — капли спермы с дивана, вырванные волосы на полу, рваные трусы, следы борьбы, слушают показания соседей...

Как происходит в Америке? К человеку ночью приезжает полиция, его забирают и бросают в тюрьму до суда. Дома остаются двое детей без присмотра... Если у человека нет денег на поеров и залог, он будет сидеть до посинения. Бесплатный адвокат — мальчишка-практикант не сделает ничего, чтобы вытащить его на свободу до процесса... Хорошо, добрые люди помогли нашему герою, он влез в долги, нанял поеров и его стараниями через три месяца из тюряги вышел под залог.

И сразу кинулся в «сервис-вумен». Там ему четко объяснили, что дело его гиблое, ибо он мужчина, а «в семейных конфликтах мужчины и женщины в 97% случаев виновен мужчина».

...В 97% случаев права женщина. В 97% случаев прав негр. Нет, это не теория вероятности по-американски. Это иллюстрация того, как политкорректность превращается в самую обыкновенную дискриминацию, демократия — в полицейский режим. Шаг влево, шаг вправо... Благими намерениями вымощена дорога в американский ад.

В Америке все на удивление проникнуто одержимым феминизмом, истеричной идеей равноправия. Однако есть вещи, до которых «сервис-вумен» еще не додумались. Хочу подсказать американским феминисткам чудное поле для деятельности. Товарищи! В магазине я узрел оскорбительную для женщин вещь: мужские номера обуви больше женских! Это явное неуважение и совершенно неприкрытое унижение женского пола! Унижение каждодневное, незаметное и оттого очень вредное, если вдуматься, ибо подспудно проникает в подсознание женщины, заставляя ее чувствовать себя человеком более мелким по сравнению с мужчиной. Поэтому необходимо срочно провести закон о том, чтобы для женской обуви ввели специальные женские номера. Чтобы у мужчины номер обуви 12, и у женщины тоже 12. Но поменьше. Но 12!

...Когда я возвращался вечером с прогулки в свой «Хилтон», мимо с сиреной промчалась полиция — ловить очередного врага народа. Наверное, кто-то где-то кому-то не улыбнулся при встрече. Ничего, за пару лет тюрьмы у него будет время подумать над своим асоциальным поведением... ■

ЗАРЫТЫЕ В ЗВЯЗЬ

Александр Васьков

Константин ВОРОБЬЕВ

Почти новое, лишь чуть помятое шумной ребятней, самолетное крыло валялось метрах в пятидесяти от нашего дома. Каким ветром занесло его в Богом забытое Бескудниково, никто не знал.

— Смотри, сколько алюминия валяется, — говорил я жене, упираясь ногой в блестящую поверхность, — тонны две, не меньше. Бешеных денег стоит.

— Если стоит, то взял бы и продал.

— Да куда я его продам-то? И как довезу? Тут машина нужна.

Машины у меня тогда не было, и крыло провалялось во дворе еще полгода. Пока некие загадочные личности не увезли его в неизвестном направлении.

Тому прошло десять лет. А я все никак не могу успокоиться и забыть про это злополучное крылышко. Да и подумать: прямо перед моими окнами валялись три тысячи долларов, а я их не взял...

Нет, и сейчас на улице можно запросто раздобыть пару-другую центнеров стратегически ценного лома. Например, переведя на него пару-другую центнеров стратегически важного телефонного кабеля. На восстановление которого, кстати, этот лом и пойдет. Интересная получается цепь, совсем как в учебниках по политэкономии «товар — деньги — товар», только немного иначе «кабель — лом цветных металлов — кабель». Настоящая экзотермическая реакция с выделением большого количества тепла в виде денежной массы. Можно было бы, конечно, исключить промежуточное звено, а именно лом, и просто нести в скупку целиковые куски вырезанного кабеля, но тут государство уперлось: не разрешает принимать этот продукт, только в виде отходов. Но не мне вам говорить, что процесс создания отходов крайне прост и доступен каждому, даже хроническому алкоголику с хронической же болезнью Паркинсона.

«Купим дорого! Лом цветных металлов. Без выходных. Возможен вывоз. Телефон ..., лицензия №...» Таких объявлений я насчитал в обычной бесплатной газете, кою мне бросают в ящик дважды в неделю, двадцать два.

— Добрый день! Вы принимаете телефонный кабель?

— Нет, не принимаем. Мы принимаем только отходы телефонного кабеля.

— Это как?

— Ну, если, например, кабель не целый, а кусками по метру.

— Значит, если я его порежу, то вы его примете?

— Сколько весит?

— Ну, килограмм восемьдесят.

— Свинец или медь?

— Свинец.

— Примем по двадцать пять центов за килограмм.

Вот так, все просто и понятно. Свинец по двадцать пять центов, медная сердцевина в два раза дороже. Остается только спуститься в коллектор, обрубить конец кабеля и вытянуть его из коллектора поблизости. Затем обжечь где-нибудь за гаражами пластиковую изоляцию, порезать огарок на примерно равные небольшие куски и везти продукцию в ближайший пункт приема вторичного сырья. Где уже лежат в огромных жестяных ангарах тонны бывшего телефонного соединителя.

Легко жить в условиях кризиса, все можно списать на отсутствие денег, на невыплаты заработной платы, на голодных детей и на больных родителей.

— А куда мне деваться? — заявляет задержанный на улице милицией гражданин Иванов, тащивший в неизвестность восемь метров обожженного средства телекоммуникаций. — Я же зарплату уже полгода не получаю. А дети есть хочут. Вот и приходится выкручиваться. Да я и взяло всего ничего, рублей на триста.

Это сейчас он во всем признается и раскаивается. Часа через полтора он обязательно скажет, что нашел свою добычу на помойке. С него возьмут штраф в размере материального ущерба, то есть по двадцать пять центов за килограмм свинца и раза в два больше за килограмм меди, и отпустят на волю. К новым телефонным колодцам и ангарным скупкам металлолома.

— В прошлом году в Москве был целый взрыв хищений кабеля, — рассказал мне начальник службы безопасности ОАО «Московская городская телефонная сеть» (МГТС) Александр Жилин. — В три раза больше срезали по сравнению с девяносто восьмым. Представляете: 155 фактов порчи кабеля в 99-м году, против 51 в 98-м.

— Я извиняюсь, порча кабеля — это вырез куска?

— Необязательно. Порча на кабель может быть наведена тремя способами: вырезом, перерезом и бомжами.

— Господи, а бомжи-то каким способом на коммуникации воздействуют?

— Самым непосредственным. Они живут рядом, проще говоря — в наших колодцах. А что, там тепло, дождь не капает, кое-где даже свет есть. А когда холодно — разводят костерчик. Вот он-то и портит нежные телефонные конструкции.

— Ну, ладно, с бомжами понятно, но перерез-то кому нужен? Или это при рытье канав лопатой перерубают?

— Нет, лопата здесь не возьмет, здесь экскаватор нужен. А вообще перерез — это довольно распространенный способ телефонного хулиганства. Кстати, не такой безопасный, как кажется в начале. Дело в том, что девяносто процентов квартирных ограблений начинаются как раз с перерезания телефонной линии, идущей в нужную квартиру. Подобраться к этой линии несложно: открыл шкафчик на этаже, достал кусачки, две секунды, и квартира отрезана от всего мира, все же коммуникации наружу торчат. Для пущего эффекта можно еще и телевизионный кабель отодрать. Через некоторое время хозяин сам открывает дверь налетчикам.

— Какой ужас! А что же делать в таком случае? Открывать окно и кричать «караул»?

— Нет, это наивно, ведь отсутствие сигнала в линии — это совсем не обязательно налет. Возможно — просто поломка, возможно — телефонный маньяк...

— Какой-какой маньяк?

— Телефонный. В этом году у нас один такой появился. Действует быстро, профессионально, орудует в Восточном округе. Просто входит в подъезд, открывает стояк и обрезает телефонный кабель, после чего все закрывает и уезжает. Мы его три месяца выслеживали.

— Выследили?

— Не совсем. Но напугали. Во всяком случае, деятельность свою он приостановил.

— И как же вам удалось его напугать?

— Так мы же не одни работаем, нам помогает и милиция, и ФСБ, и подразделение «Р»...

— Класс. Подразделение «Р» — это почти как «подразделение «Дельта».

— «Р» — это сокращенно. На самом деле подразделение называется Управление по борьбе с преступлениями в сфере высоких технологий. УПБПСВТ. Аналогичное подразделение в ФБР называется «R», от «radio», и у нас назвали «Р». Вот они по своим каналам установили круг тех лиц, кто мог этим заниматься, и провели превентивную беседу, после чего случаи такого перереза прекратились.

ЕМЛЮ ДЕНЬГИ

ОБЕСПЕЧИВАЮТ ВАМ КОМФОРТ И СПОКОЙСТВИЕ

Александр Васьков

Эпистолярный жанр умер. И убила его маленькая черная коробка с трубкой на шнуре — детище профессора Белла

— Много было таких случаев?

— 27 доказанных эпизодов. Это уже на уголовное дело тянет. Но скорее всего отсутствие сигнала в линии — это просто банальный вырез.

— То есть кража кабеля?

— Совершенно верно.

— Я, честно говоря, не понимаю, в чем проблема. По мне, так надо просто позакрывать пункты приема цветных металлов, и кражи кабеля прекратятся сами собой.

— Если бы все было так просто. Оно конечно, спрос рождает предложение, но... В некоторых областях отчаявшиеся губернаторы позакрывали скупки, ну и что? Уже через месяц решения губернаторов были признаны незаконными и утили заработали с новой силой. Причем выступали в их поддержку в основном даже не хозяева, а местное население, которое с кабеля и живет.

— Так что, бороться с ними бесполезно?

— Ну почему. Вот, например, по Москве нам удалось добиться того, что количество скупок за последний год сократилось вдвое. Вместо 117 осталось порядка шестидесяти. И самое интересное, знаете что?

— Не знаю.

— Три четверти из оставшихся пунктов сосредоточены в одном округе — в Восточном. Там же происходит порядка семидесяти процентов всех краж кабеля по Москве. То есть корреляция между количеством приемных пунктов и интенсивностью краж вполне определенная.

— Определенная, остается только выяснить, что первично.

— Да что бы ни было. Ясно одно — с уменьшением количества скупок цветных металлов падает и интенсивность краж кабеля. И действительно: в два раза сократилось количество приемных пунктов, и сразу количество краж упало почти что в три раза. То есть зависимость даже не арифметическая, а геометрическая.

— А нельзя скупкам запретить принимать промышленный лом?

— Так они и не имеют права его принимать, есть специальный указ президента с длинным названием «О дополнительных мерах по обеспечению безопасности функционирования важнейших отраслей экономики», запрещающий не то что прием кабеля, а вообще цветного лома в форме, не позволяющей установить его происхождение. Но уж слишком велика выгода от таких операций. Судите сами: тонна алюминиевого лома на заводах Вторчермета стоит 1000 долларов, тонна меди, бронзы и латуни — 1200 долларов, свинца — примерно 600, а закупочная цена на эти товары 500, 600 и 300 долларов соответственно. Навар — 100%. За такой куш можно и рисковать.

— И бороться с этим злом невозможно?

— Почему невозможно, мы же боремся. И небезуспешно. Вот за девять месяцев прошлого года зарегистрировано порядка полутора сотен случаев порчи кабеля, а в этом году — всего 58. В три раза меньше. Причем треть всей порчи навели бомжи.

— А вы говорили, что за весь прошлый год краж было 155. Что же, за последние три месяца прошлого года было всего пять инцидентов?

— А вы вспомните, какие это были три месяца. После взрывов в домах москвичи не то что посторонних людей к подъездам, наших рабочих к нашим люкам не подпускали. Милиция везде была, какие уж там кражи...

— Да, было дело. А нельзя просто позакрывать колодцы на замки, да и дело с концом?

— Мы и закрыли. Только уже через неделю ключи от колодцев появились в продаже на Митинском рынке. Но все равно краж стало меньше. Да и воры стали другими: раньше это были в конец разложившиеся личности, которые сдавали кабель «на опохмел», сейчас же — это вполне сложившиеся коллективы хорошо одетых и подготовленных людей. Они приезжают «на объект» на машинах, быстро перерубают кабели в коллекторных сцепках, быстро его сматывают, грузят и уезжают.

— И целый район на месяц остается без телефонов?

— Ну что вы. Уже через три-четыре часа телефоны снова работают.

— Как это?

— О повреждении кабеля на станции узнают сразу. В кабель специально закачивается под давлением воздух, и как только давление начинает падать, диспетчер получает сигнал о повреждении на кабеле. Далее при помощи специальной аппаратуры устанавливается, на каком метре произошел обрыв, и туда отправляется группа кабельщиков. А все отключившиеся телефоны на время аварийных работ перебрасываются на резервные кабели. Лишать людей телефона надолго нельзя, ведь без телефона человек не может ни вызвать «скорую помощь», ни позвонить в милицию. Просто позвонить родителям не может. Оставлять человека без телефона — это жестоко. Мы теперь даже должников по межгороду не отключаем.

— Разве?

— Не отключаем. Дело в том, что в последнее время участились случаи телефонного пиратства, и мы получаем очень много заявлений. Вот получает какая-нибудь бабулька счет на двадцать четыре тысячи рублей за пользование сексом по телефону в ЮАР. Что, отключать у нее телефон?

— Жестоко.. Проще сразу убить.

— Вот и мы думаем, что не надо отключать, поэтому бабушка просто пишет заявление, и мы ее не трогаем.

— А на кабеле вы много теряете?

— Порядочно. Вот человек думает: вырезал я два метра, это же для государства копейки! А ведь зачастую из-за такого выреза приходится менять целый участок кабеля, метров сто-двести. Плюс стоимость работы, плюс аврал на телефонной станции. Итого все выливается в круглую сумму.

— И что делать?

— Что делать? Воров наказывать.

— А то не наказывают.

— Именно. Вот в прошлом году нами было возбуждено 39 уголовных дел, по которым в качестве обвиняемых проходил 51 человек. Из них 10 были привлечены к административной ответственности, то есть к штрафу.

— Остальных посадили?

— Остальных отпустили. За недоказанностью. Попробуй докажи, что он этот кабель вырезал, а не под забором нашел. А тут надо, как с наркотиками или с оружием: нашли их при тебе — значит, виновен. Так, чтобы это уже было составом преступления. А пока у нас этого нет, кабель будут резать.

— Короче, надо менять систему?

— Именно. Или поскорей строить новые, цифровые станции, между которыми будут тянуться оптико-волоконные кабели. Их-то пока еще в скупку не принимают. ■

FOTOBANK

Маргарет Сэлинджер: «Мой папа ограниченный и жалкий человек»

Тайна Сэлинджера раскрыта в книге его дочери «Над пропастью мечты»

МЕЖДУ МЕЧТОЙ И КОШМАРОМ

Мы жили в Корнише (Нью-Гэмпшир), месте диком и лесистом, и ближайшими нашими соседями были лишь семь старых, поросших мхом надгробий. Мой отец до такой степени стремился отгородиться от внешнего мира, что случайный прохожий, забредший на огонек, мог просто испугаться той уединенной обители, которая считалась нашим домом.

Мир, в котором мы обитали, был подвешен отцом между мечтой и кошмаром, как качели над пропастью. Мои родители жили в придуманном ими мире прекрасных мечтаний, но при этом не умели и не хотели хоть как-то ладить с реальностью.

Мать родила меня, будучи почти ребенком сама. Отец, к тому времени уже известный писатель, был из тех людей, кто не умеет завязывать даже шнурки собственных ботинок, и с самого своего появления на свет я была предоставлена самой себе.

Однажды отец поведал одному приятелю, что для него писательство — это служение и путь к высшей истине и просветлению. Он хотел посвятить свою жизнь только творчеству, собственно говоря, творчество для него и было жизнью. Когда он решался снизойти до общения с простыми смертными, он мог быть забавным, любящим и внимательным, он обладал невероятной силы обаянием, но горе было тому несчастному, кто рискнул бы прервать его творческие поиски. Отец склонен был рассматривать подобное как святотатство.

Я знаю по рассказам матери, что до того, как они с отцом поженились, они часто общались с его друзьями, путешествовали в Нью-Йорк или в Бостон, но, выйдя за него замуж, она была изолирована от всего и всех до такой степени, что начала ощущать себя узником. С четвертого месяца своей беременности она уже не виделась ни с кем.

Клер Дуглас, мать Маргарет и Мэтью, сошлась с Сэлинджером в 1950 году. Ей было 16, ему — 31. Это был его второй брак. О первом он вспоминать не любил. С первой женой Сильвией Сэлинджер, будучи офицером Британской разведки, познакомился во время Второй мировой войны. Что называется, при исполнении служебных обязанностей. Он арестовывал Сильвию, которая была мелким функционером нацистской партии.

Если верить воспоминаниям Маргарет, то, когда Сэлинджер встретил Клер, он был убежденным сторонником воздержания. В ту пору он увлекался индийской религией и придерживался того, что секс мешает творчеству. Маргарет утверждает, что сексуальные контакты между родителями были крайне редки, однако двое детишек в этом браке все же появились на свет.

Увезя Клер в глушь, поселившись с ней в доме, в котором не было ни отопления, ни горячей воды, Сэлинджер тем не менее требовал от молоденькой жены и чтобы она готовила ему мудреную здоровую пищу, и чтобы простыни она стирала дважды в неделю. Он считал, что без соблюдения этих условий просветления в творчестве не наступит.

Отец настаивал на том, чтобы мать сожгла за собой все мосты. Он просил ее не привозить с собой в Корниш никакого багажа, дабы ничто не напоминало ни ему, ни ей о ее прошлой студенческой жизни. Она уничтожила все свои бумаги, включая и пьесы, которые к тому времени написала. Нет нужды говорить о том, как он относился к ее контактам с друзьями и родственниками. Я была свидетельницей того, как он издевался над каждым, кто мог бы стать ее приятелем, так же как и над ее привязанностями.

Несмотря на то что мать старалась делать все, чтобы соответствовать его требованиям, с течением времени она раздражала его все больше и больше. Казалось, что она попала в заколдованный лабиринт, где на каждом повороте натыкалась на все новые требования, и требования эти менялись и ужесточались до бесконечности. Она совершенно растерялась и вообразила, раздавленная комплексом вечной вины, что, только родив ребенка, — а она знала, как сильно он любит детей, — она сможет оправдаться за свое существование и обрести твердую почву под ногами. Когда же мать поняла, что беременность только отталкивает его, это вызвало у нее такую депрессию, которая чуть было не привела к самоубийству.

Клер родила дочь 10 декабря 1955 года, переносив ее три недели. Роды были нелегкими. Интересно, что Сэлинджер пожелал назвать свою дочь Фиби — так звали сестренку Холдена Колфилда. Но Клер встала на дыбы и, как ни странно, в битве за имя ребенка победила. Девочку назвали Маргарет Энн, в просторечии Пегги.

Маргарет вспоминает, что про ее младенчество родители рассказывали просто ужасы какие-то. Отец жаловался на ее непрекращавшийся ни на минуту плач. Он даже говорил крестным девочки: «Мы уже было склонялись к мысли отдать ее обратно в больницу».

Именно в то время он взялся за обустройство себе рабочего места в лесу, примерно в четверти мили от дома. Вскоре он выстроил себе хижину и проводил в ней по три-четыре дня кряду, оставляя жену и младенца одних в доме на опушке леса.

Мой отец жаловался крестным на мои вечные болезни и утверждал, что из-за этого он ни с кем не виделся всю зиму. Но он не раскрывал им одной маленькой подробности: что меня, не вылезающую из болезней, ни разу не отвезли к доктору. К тому времени он ударился в следование заповедям разных сект, и доктора были запрещены вслед за друзьями и гостями. Я была предоставлена самой себе, а моя мать тем временем все чаще проваливалась в приступы депрессии. К середине зимы 1957 года, когда мне исполнился год и один месяц, ее психика расшаталась настолько, что она стала склоняться к мысли оборвать все одним махом. Она стала строить планы, как убить меня, а затем покончить с собой.

Продумывание деталей заняло несколько недель. Мать упросила отца взять нас с собой в поездку на какое-то сборище в редакции журнала «Нью-Йоркер» — в ту пору он еще отвергал не все светские приглашения. Мать хотела привести свой страшный план в исполнение в гостинице, но какие-то силы вмешались и нашептали ей на ухо другое решение. Она решилась взять меня и сбежать куда глаза глядят.

Но четыре месяца спустя мы снова вернулись в наш дом в Корнише, Нью-Гэмпшир.

Недостаток общения с живыми людьми, особенно на протяжении долгих зим, я компенсировала лишь тем, что рисовало мое воображение. Картинки мелькали перед моими закрытыми глазами, складываясь в причудливые ви-

ФОТОБАНК/RF

Практически никому не известно о том, как он живет, чем, да и живет ли вообще. Тем не менее Джерому Дейвиду Сэлинджеру сейчас 81 год, обитает он по-прежнему с женой Колин в своем поместье Корниш (Нью-Гэмпшир). С тех пор как Сэлинджер стал известным писателем, он ведет жизнь отшельника. Лишь однажды дотошному репортеру удалось проследить путь мэтра от дома до местной почты. Но выведать, кому же отправлялись письма, не получилось. Таинственность, которой окружил себя писатель, будоражила воображение почитателей его таланта, рождая самые невероятные слухи. Поговаривали даже, что Сэлинджер продолжает писать и печатать ся, но под другим именем. Под каким – не выяснили. И вот жизнь преподнесла почитателям Сэлинджера сюрприз – его дочь Маргарет выпустила в свет воспоминания об отце. Как известно, большинство детей знаменитостей, вырастая, редко выражают благодарность своим родителям за счастливое детство. И воспоминания Маргарет Сэлинджер оказались не исключением

В семье Сэлинджера были последовательно запрещены друзья, и гости, и доктора

дения из придуманной жизни. Мама по часу в день читала мне книжки. Отец рассказывал свои истории.

Его истории никогда не были нравоучительными сказками на ночь, которые обычно взрослые рассказывают детям, — они причудливо переплетались с нашей каждодневной жизнью, возникали вдруг, из ничего, когда мы вместе кормили птиц, или ходили на мельницу, или просто гуляли после обеда.

Когда мне исполнилось пять с половиной лет, летом 1961 года, я больше не ждала появления отца у нас в доме, я уже была достаточно большой, чтобы самой проявлять инициативу. Это было настоящим испытанием — самой пройтись через лес к хижине, выстроенной отцом для работы, и принести ему ленч.

Его дом — одна комната и терраса — был построен из просмоленного дерева и выкрашен в зеленый цвет. Видно, в целях конспирации, чтобы случайно забредший в эти глухие места путник не смог обнаружить притаившуюся за соснами хижину. В комнате стояла походная армейская кровать, над ней — книжные полки и детские рисунки Маргарет. Вместо стола тяжелая доска, на которой стояла допотопная пишущая машинка, а вместо рабочего кресла огромное, укрепленное на возвышении автомобильное сиденье. По словам Маргарет, ей казалось, что оно было подвешено в воздухе. Сэлинджер любил устраиваться на этом импровизированном троне в позе лотоса и предаваться медитации.

Он никогда не вел с нами глупых, сюсюкающих разговоров подобно всем прочим взрослым. Он говорил о тех вещах, которые дети обычно обсуждают друг с другом. К сожалению, сама я утратила этот дар — чувствовать детскую душу, как только выросла. Сама не знаю почему, но я была рада, что у него есть эта зеленая хижина в лесу.

Когда мои родители разошлись, отец выстроил себе настоящий дом около дороги, с нормальным кабинетом, который уже смотрелся просто как еще одна комната с книжными полками, и, хотя он использовал все то же старое автомобильное сиденье в качестве рабочего кресла и все ту же старомодную пишущую машинку, я ощущала, что что-то безвозвратно ушло как из его, так и из моей жизни.

Сэлинджер развелся с Клер Дуглас в 1966 году, и все его последующие жены и любовницы были уже моложе его больше чем в два раза.

Одна из его бывших любовниц, писательница Джойс Мэйнард, опубликовала воспоминания о своем романе и жизни с Сэлинджером. Ей было восемнадцать, ему — пятьдесят три. Роман их начался с того, что девушка забрасывала писателя восторженными письмами. Потом он предложил ей бросить университет и поселиться с ним. Снова «отриньте все и идите за мной». Впрочем, Джойс Мэйнард долго Сэлинджера не выдержала.

Я старалась избегать всего того, что вызывало у моего отца гнев или презрение. Но если я могла как-то уходить от стычек между мною и братом, то уйти от собственных болезней было не в моей власти. Это сводило отца с ума. Он ужасно переживал, когда мы заболевали, но в то же время жутко злился на нас, просто зверел. И вымещал свой гнев на нашей матери, придираясь к ней за то, что она, допустим, недостаточно скрупулезно соблюдала нашу диету, или давала нам недостаточно (по его мнению) витамина С, или протеина, или сырых овощей, или чего бы то ни было еще. Он придумывал диету, а неделю спустя предавал ее анафеме. Нездоровье было единственным объединяющим нас с братом недостатком. Как только отец появлялся в дверях, мы шептали друг другу на ухо: «Только не говори папе, что я заболел». И прятали в кулачках предательские носовые платки.

Сэлинджер был зациклен на нетрадиционной медицине. И любое открытие в этой области испробовал на собственных детях и на себе. Правда, наиболее оригинальным способам поддержания здоровья, типа питья собственной мочи, он следовал в одиночку. Но гомеопатию и акупунктуру он практиковал на всех членах семьи. Стоило кому-нибудь из домашних заболеть, как Сэлинджер забрасывал собственное творчество и с бешеной энергией начинал выискивать в книгах чудодейственные средства, способные вылечить моментально. Если средство не помогало, он снова с головой зарывался в книги.

Гомеопатия довольно часто помогала моему брату, но редко, почти никогда — мне. Отец обожал акупунктуру, причем использовал деревянные лучинки вместо иголок. Лечение этими лучинками доставляло сомнительное удовольствие — все равно что тупой карандаш вгрызался тебе под кожу. Было чертовски больно. Однажды брат сильно простудился, и тут же явился отец со своими проклятыми лучинками, чтобы воздействовать на какую-то точку, повышающую иммунитет, на мизинце Мэтью.

Мэтью начал орать. Если стараться деревянной лучиной пронзить мизинец до кости, то можно довести до слез и взрослого мужчину, а не только маленького мальчика. Но отец от подобной реакции Мэтью, как и следовало ожидать, впал в ярость. Он ринулся к двери, рыча: «Ты, твоя мать и твоя сестра — у вас самый низкий в мире болевой порог! Ради Бога, ты орешь, как будто тебя ранили шрапнелью!» И он хлопнул дверью.

У отца был просто пунктик — лечить нас, а мне, как назло, ни один из его методов не помогал.

Я становилась сама себе отвратительна, когда болела, и с самого детства у меня сформировался комплекс вины за собственную болезненность и несовершенство.

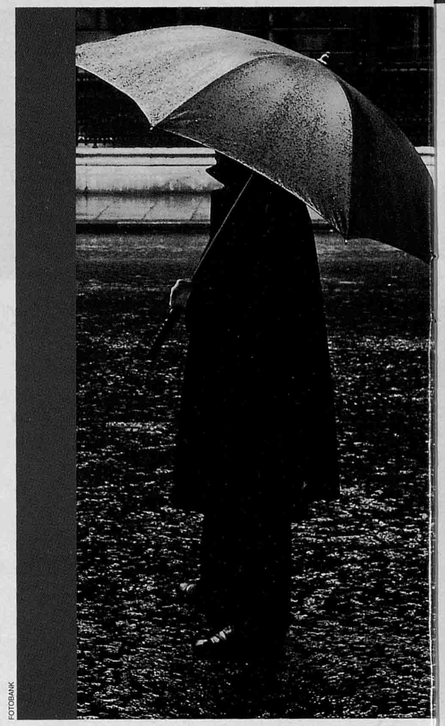
Весной 1964 года, когда мне было восемь лет, я как-то отправилась с ленчем к отцу в Зеленую хижину и вдруг услышала жуткий звук. Он лежал на кушетке, под собственноручно сконструированными солнечными рефлекторами для загара — еще один его пунктик, — стоял апрель, а он был уже темно-коричневого цвета. Когда я появилась из-за угла, он объяснил, что разговаривал с природой на ее языке. Это вызывало во мне чувство гадливости и страха по отношению к отцу.

После нескольких месяцев экспериментов по сухому голоданию его кожа приобрела зеленоватый, болезненный оттенок, а дыхание — запах гниения и смерти. Вспоминая об этом даже сейчас, спустя много лет, мне хочется блевать. Тогда я по-настоящему испугалась, что он может умереть.

Однажды, думаю, мне было тогда где-то восемь, я сказала отцу, что он любит людей лишь в гомеопатических дозах. Он воспринял мое наблюдение как тонкое и проницательное и радостно пересказывал его каждому знакомому, подобно тому, как счастливые родители делятся забавными словечками или проказами своих детей. Тогда я просто имела в виду, что он может переносить людей лишь минутами, но сейчас понимаю, что замечание о гомеопатических дозах имело и второй, углубленный смысл, лежащий в основе самого метода гомеопатии. Он любил только тех людей, которые были похожи на него самого, и искал в других людях абсолютного подобия собственной персоне.

Поскольку я была очень чувствительной девочкой и могла улавливать его настроения подобно антенне, мне долгое время удавалось как-то соответствовать его требованиям и не раздражать его. Но войти в его мир мне не удавалось — для этого, вероятно, нужно было из живой, трехмерной девочки превратиться в персонаж, суметь очистить себя от всей глубины, сложности и несовершенства реально существующего человека.

Как-то я позволила себе поспорить с отцом по дороге из школы домой, в машине. И он меня, десятилетнюю, вызвонил по телефону, предложил прийти и обсудить это дело, что, на мой взгляд, было слишком уж по-взрослому. Я до сих пор помню этот наш разговор дословно. Он сказал, что



ФОТОБАНК

мы должны прийти к соглашению, потому что «когда я расхожусь в чем-то с человеком, я расхожусь с ним». И он поведал мне историю о том, как порвал отношения со своим другом и больше никогда в жизни с ним не разговаривал. К тому времени я уже понимала, что подобное произошло не с одним, а со всеми его немногочисленными друзьями. Закончил он свое нравоучение словами: «Я всегда буду любить тебя, но как только я теряю уважение к человеку, я рву с ним. Окончательно».

Несмотря на то что в ответ на его слова мое нутро содрогнулось, я все равно подумала, что это круто, что он относится ко мне, как к взрослой. Теперь же, когда я сама взрослый человек, я думаю: «Ты что, спятил? Ведь это десятилетний ребенок, твой десятилетний ребенок! Как же ты мог говорить ему подобные вещи?!

ЛОВЕЦ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ДУШ

Знаете, сколько лет было бы сегодня герою «Над пропастью во ржи» Холдену Колфилду при условии, что он бы повзрослел, не покончив с собой, как другие герои Сэлинджера, а остался бы жив-здоров, как автор? Давайте прикинем. В книжке ему шестнадцать. А вот-вот стукнет полтинник. Книга вышла в начале 1951 года. Холден Колфилд был бы дедушкой. И, вероятно, вел бы жизнь, которую когда-то считал свинством: «...работать в какой-нибудь конторе, зарабатывать уйму денег, и ездить на работу в машине или в автобусах по Мэдисон-авеню, и читать газеты, и играть в бридж все вечера, и ходить в кино...»

Но Холден Колфилд не вырос. Он навсегда остался заключенным в сэлинджеровской стране вечного детства. Впрочем, как и сам автор.

Маргарет, сама того не желая, обнажила главную трагедию своего отца — по мировосприятию он так и остался подростком. Отсюда и максимализм, и нетерпимость, и болезненная отстраненность от окружающих, и чувство гадливости по отношению к больным людям. Он создал Героя и не смог из него выбраться.

В 1993 году на шестом месяце беременности я заболела. Меня госпитализировали с диагнозом «острый сепсис и обезвоживание». Доктор ворчал, что, если бы я протянула еще день, то умерла бы.

После нескольких недель в больнице врачи разрешили мне уехать домой, поставив условие: кто-то должен круглосуточно наблюдать за мной, так как существует угроза рецидива. К тому времени мой отец был уже несколько лет женат на молоденькой медсестре по имени Колин, она-то и вызвалась присматривать за мной. Когда я говорила из больницы с ней по телефону, до меня долетали слова отца: «Зачем ей понадобилась медсестра? Ты только помогаешь ей уверовать в то, что она инвалид».

Словом, идея Колин ухаживать за мной отнюдь не обрадовала отца, а с ее стороны этот поступок был настоящим геройством.

Я уже видела, как он относится к ней, когда навещала их раньше, это поразило меня до глубины души. Я начала понимать то, чего не могла понять на протяжении всей моей жизни: как он умудряется уничтожать женщин, живущих рядом с ним, оставаясь при этом джентльменом.

Нынешняя жена Сэлинджера Колин младше его на пятьдесят лет. С женщинами ему всегда везло, считает Маргарет, хотя он никогда этого не ценил и превращал их жизнь в сплошную череду упреков и брани. Колин здесь не исключение. Что бы она ни сделала, ни сказала, вызывало в нем раздражение. По словам Маргарет, он бранил бедную Колин за все, что делало ее привлекательной, за ее юный возраст, невинность и простодушие, а ведь не обладай она этими качествами, то вряд ли бы она была с ним.

Во время краткой экскурсии по дому отец с Колин показали мне, как они переделали одну из спален в комнату для шитья. Я увидела на столе незаконченное стеганое одеяло, подивилась ее домовитости и рассыпалась в комплиментах. Отец же прервал меня и строго заметил: «По моим наблюдениям, люди, талантливые в подобной работе, никогда не бывают по-настоящему умны». Он произнес это безо всякой злости в голосе, просто обронил очередное мудрое замечание.

Это трудно объяснить, но, если бы я сказала: «Как ты можешь так обижать Колин?», он просто пришел бы в ярость от моего предположения, что может говорить что-то неуместное. Он бы жутко разозлился, что я приписываю его словам другой смысл, в то время как это просто «объективное наблюдение», а затем он принялся бы ворчать на женщин как класс, что они, дескать, такие дети, все переносят на себя и понимают буквально. Он всегда бывал таким рассудительным и самоуверенным, поучая других, что человек, оскорбленный им, начинал к тому же чувствовать себя дураком и стыдиться того, что он посмел почувствовать себя оскорбленным.

Папа делал вид, что он очень за меня волнуется, однако ни разу не навестил меня. В течение недели, пока Колин оставалась со мной, он звонил по три-четыре раза в день, интересуясь лишь тем, когда она наконец вернется домой. Во время длинных телефонных бесед я могла слышать лишь то, что говорила она, — о мисках для салата, или что где взять на кухне, или что ему есть на ленч. Это было похоже на беседу путешествующей мамы и ее оставшегося дома двухгодовалого ребенка — он хотел маму и хотел ее прямо сейчас. Со мной он говорил только однажды. Я всегда знала, как он напряжен по отношению к больным людям, но такого я от него просто не ожидала.

Он налетел на меня подобно смерчу. Для начала строго спросил, на какие средства и каким образом я собираюсь растить собственного ребенка. Полагая, что это преамбула к предложению помощи, я ответила, что думаю об этом каждый день. На что он заявил, что у меня нет никакого права рожать ребенка, если я не могу поддержать его в этом «вшивом» мире, и что он надеется, что я воспользуюсь возможностью сделать аборт по состоянию здоровья.

Я просто онемела. Потом ответила, что мне уже тридцать семь лет, что нечего учить других жить и что это чудовищно — предлагать мне убить собственного ребенка. Он ответил: «О каком убийстве ты говоришь?! Что за глупости? Не надо драматизировать. Я предлагаю лишь то, что любой родитель предложил бы своему ребенку в подобной ситуации».

Не знаю, откуда во мне взялось мужество, наверное, это уже начал проявляться материнский инстинкт, но я до сих пор горжусь тем, что впервые за всю мою жизнь я выдала ему, не думая, как он это воспримет: «Нет, папа, любой нормальный отец предложил бы помочь. Ты же только критикуешь меня». Он ответил: «Когда это я тебя критиковал? Я всегда был рядом, когда ты нуждалась во мне». Я просто обалдела. Я не могла поверить своим ушам. Я сказала: «Это абсолютный бред. Ты никогда и ни в чем не стеснял себя ради своих детей. Ты никогда не прерывал возвышенный процесс своего творчества. Ты всегда делал только то, что ты хочешь, и тогда, когда ты хочешь».

«О, Боже. Ты говоришь, как все женщины. Как моя сестра, как мои бывшие жены. Они все обвиняли меня в пренебрежении ими».

«Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива», — прервала я.

«Меня можно было бы обвинить в некоторой дистанцированности, отчужденности, и это все. Но никак не в пренебрежении».

«Тебе всегда был нужен объект для ненависти. И ты всегда находил его. Сначала твой брат, потом твоя мать, теперь моя очередь. Ты никогда ничем не доволен. Ты всего лишь вечно ропщущий на судьбу невротик».

Как только я повесила трубку или, лучше сказать, швырнула ее, я записала наш разговор.

Кем же, черт побери, был тот человек, с которым я только что говорила, которого я все эти годы считала своим дорогим папой?!

Для моей семьи на протяжении долгих лет было характерно одной рукой создавать прекрасное, а другой — его тут же разрушать или прятать куда подальше. Моя бабушка держала в большом секрете историю жизни своих родителей. А что бабушка все же поведала, то спрятал подальше от наших глаз и ушей мой отец. Моя мать хотела убить меня и покончить с собой. Мой отец не мог представить миру своих любимых героев, не умертвив их в конце концов. А те герои, которым он своей авторской рукой позволил жить, — им суждено было никогда не вырастать. Они навсегда остались узниками сэлинджеровской страны юности, как засушенные бабочки с пронзенными булавками хрупкими тельцами.

Я много думала о том телефонном разговоре, последнем моем настоящем разговоре с отцом. Оглядываясь как на свою жизнь, так и на жизнь других женщин, которые соприкасались с ним, я пришла к выводу, что ему всегда будет наплевать на чужую боль, но, Боже мой, свою, даже самую ничтожную, боль или проблему он воспринимает серьезнее, чем иные люди — рак.

Он всегда болезненно реагировал, если кто-то узнавал о нем что-то личное. Он так рьяно защищал свою «прайваси», священную неприкасаемость своей работы и каждого своего слова. И до меня, наконец, дошло, что мой отец со всеми его протестами, отчужденностью от мира и поучениями как жить — просто очень ограниченный, жалкий человек.

И когда я думаю в этой связи о его творчестве, его равнодушие и ограниченность остро резонируют во мне с восторгом армии его почитателей, склонной мистифицировать не только его, но и меня. Например, девушки, занимающиеся регистрацией билетов в аэропорту, когда видят мою фамилию, тут же спрашивают, имею ли я какое-то отношение к великому Сэлинджеру. У меня все время возникает такое ощущение, что они говорят не о писателе, а о спасителе. Они стремятся притронуться к полам его одеяния и быть излеченными. Прозреть и идти.

Даже сегодня, когда со времени публикации «Над пропастью во ржи» прошло уже пятьдесят лет, я читала в газете «Бостон глоб» о школьниках, которые после чтения этой книги в классе на уроке литературы умоляли учителя отвезти их в Корниш, а уж они попытаются там найти автора и прорваться к нему. Разумеется, затея не удалась. Журналист, писавший об этой истории, спросил одну из девочек, какой вопрос она хотела задать писателю, о чем попросить. Она нервно усмехнулась в ответ: «Я хотела попросить его оберегать наши души, стать нашим ловцом во ржи».

Кем бы он ни был, он не способен оберегать чьи-либо души в реальной жизни. Берите все, что сможете, из его творчества, его рассказов, но сам автор не пошевелит и пальцем, если вы окажетесь над пропастью.

Роман «Над пропастью во ржи» в Америке включен в школьную программу и каждый год переиздается тиражом 250 000 экземпляров.

Правда, подростки наших дней уже не пишут писем писателю «на деревню Корниш», у них есть свой сайт фанатов Сэлинджера в Интернете.

Бывшая жена Сэлинджера Клер живет в Калифорнии, работает психоаналитиком. На воспоминания своей дочери Маргарет она никак не отреагировала.

Брат Маргарет Мэтью тоже живет в Калифорнии. Он актер. Воспоминания сестры он не опроверг, но назвал слишком патетичными и исполненными гнева.

Самой Маргарет сорок четыре года, она вышла замуж второй раз, за оперного певца, растит сына. Маргарет окончила Оксфорд по специальности «менеджмент». В отличие от своего отца она надеется написать еще много-много книг. Так что эти воспоминания — только начало ее писательского пути.

Нет нужды говорить, что сам Сэлинджер на воспоминания своей дочери никак не отреагировал. ■

Перевод и комментарий Аси КАВТОРИНОЙ

По материалам, опубликованным в газете The Daily Telegraph (№№ 45, 46 — 2000 г.).

Писатель-гуманист не мог представить миру своих любимых героев, предварительно их не умертвив

Олег ЦЕЛКОВ: Я ЭТО ВЫСОСАЛ ИЗ СОБСТВЕННОГО ПАЛЬЦА!

АВТОПОРТРЕТ С РЕМБРАНДТОМ В ДЕНЬ НАШЕГО РОЖДЕНИЯ, 15 ИЮЛЯ. 1971 ГОД

Илья САМОЛЕТОВ

Любое подведение итогов грешит аберрацией памяти.

В Третьяковской галерее, по случаю свалившегося как снег на голову миллениума, с помпой открылась постоянная экспозиция «Искусство XX века». Упреки в адрес кураторов последовали незамедлительно: «Почему так много этого? Почему так мало того?»

Что касается Олега Целкова, среди сотен картин попросту затерялся один-единственный ранний и совсем не характерный натюрморт. Причина такого выбора (притом, что галерея купила несколько лет назад первоклассного Целкова) проста. Картины этого признанного мастера прямо-таки выламываются из общего ряда. Ну, представьте: ходите вы по выставке, разглядываете пейзажики-натюрмортики... Вдруг — здоровущее лиловое либо изумрудно-зеленое рыло, с поросячьими глазками и оскаленным ртом, с острыми, как у пираньи, зубками... При всем при том в персонажах Целкова есть некая таинственная притягательность... и даже красота. Монстров Целкова хочется повесить у себя дома... Только ведь ничего другого по соседству не повесишь — не выдержит ничто другое такого соседства... Да и сам Целков — личность штучная, сопротивляющаяся упоминанию через запятую, самодостаточная.

— Происходящее в мире никогда не интересовало меня взахлеб. Ну скажите, что происходит сегодня? Да то же самое, что мы видели вчера. Льется кровь, люди воруют, дерутся и плачут, разоряют жилища... Послезавтра будет в точности таким же... Сорок лет изо дня в день я вглядываюсь в нарисованные собственной рукой физиономии своих персонажей, спрашивая каждого: «Ты кто?» Смысл их ответа всегда лишен внятности, расползаясь как дым... Ясно мне лишь то, что у них за спиной тысяча лет и впереди вечность!..

Впрочем, по мнению публики, социальное происхождение персонажей Целкова вполне определенное: СССР, Москва, начало 60-х. К тому времени Целков уже прошел начальные этапы борьбы с кровожадным соцреализмом.

— Я попал в художники сразу и случайно, в канун получения паспорта. До этого что-то срисовывал в стенгазету в школе. Мой отец очень этому радовался, потому что сам в детстве мечтал стать художником, но жизнь по-другому сложилась... И вот однажды человек по имени Мишка Архипов рассказал мне, что есть, оказывается, в Москве специальная школа, где учат на художников. Я спросил Мишку, что нужно, чтобы в эту чудесную школу поступить. Мишка объяснил, что нужно всего-навсего написать картину маслом на холсте. Я понятия не имел ни о холсте, ни о подрамниках, но ради такого дела выломал тайком несколько реек из дворового штакетника и вырезал кусок мешковины из собственного дивана. Родители еще долго не знали о том, что ради искусства я принес в жертву нашу мебель...

Такая моя полнейшая неосведомленность позволила мне с первых шагов делать простые, но категоричные выводы. К примеру, если я рисую с натуры огурец — кто посмеет утверждать, что мой огурец не похож? Никому не известно, каким этот огурец будет завтра! А через сто лет? Ведь очень серьезные вопросы, правда? И я не стеснялся произносить эти сакраментальные вопросы вслух...

Сами понимаете, после окончания «школы для гениев» дорога в московские вузы для Целкова была перекрыта. Он поехал в Минск.

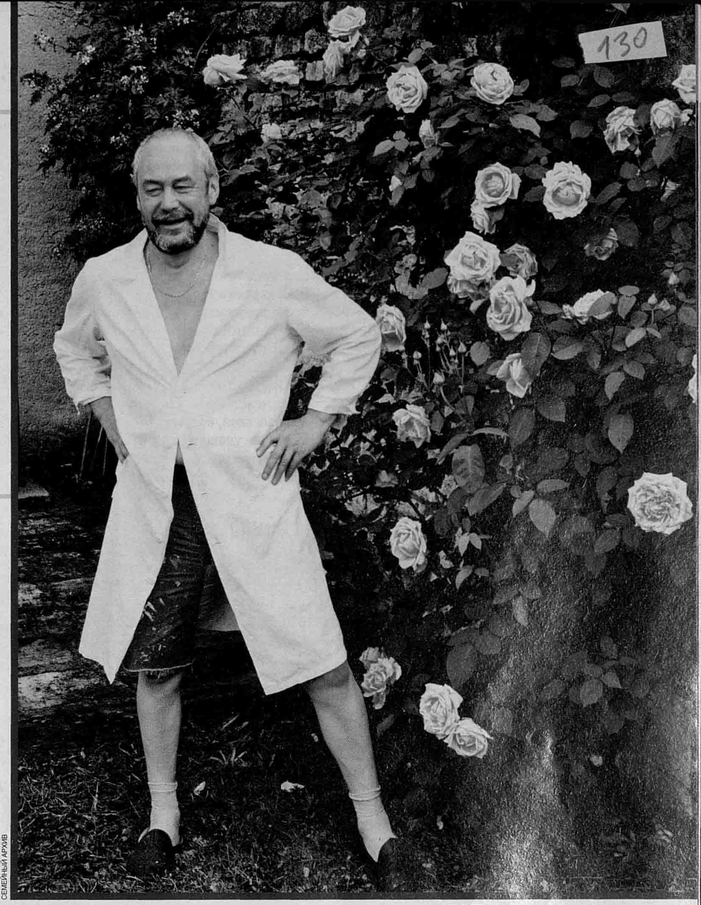
— У меня никогда не было ни любимых учителей, ни авторитетов, то есть прямых родителей. Я сирота, подкидыш. Я все высосал из собственного пальца!..

Помню, как после первого курса нас повезли на этюды в деревню Кисели. Старенький народный художник БССР учил нас реалистически передавать окружающую природу. Выбрал место, установил мольберт и начал подробно срисовывать предстающие его взгляду избушки, мельницу, ветлы. Особое внимание наш наставник уделил камешку на переднем плане: долго старательно его перерисовывал.

После первого дня работы мастер обозначил колышком место, где стоял холст, взглянул напоследок на камешек — и ушел. А я взял и выкинул этот камешек в ручей... На следующее утро народный художник был удивлен исчезновением камешка, повздыхал-повздыхал и начал старательно закрашивать место на картине, где был нарисован камень, жухлой травой. **На третий день я распоясался — подбросил на травку десяток новых камней. Мастер увидел их и пришел в негодование: «Что ж это такое происходит?!» — «Ничего не поделешь, — не сдержался я, — надо точно передавать окружающую нас реальность». Он сразу все понял, но ничего не сказал. И затаил обиду.**

Потом эти камешки оказались решающим грузом на чаше весов, склонившим институтское начальство к решению исключить меня из училища...

После Минска последовал Институт имени Репина в Ленинграде, но и там Целков долго не продержался, поскольку своими ра-



СЕМЕЙНЫЙ АРХИВ

ботами оказывал «тлетворное влияние» на китайских студентов, приехавших в СССР учиться образцам соцреализма. Неизвестно, чем бы все кончилось, если бы Целкова не принял к себе на курс Николай Павлович Акимов, преподававший в Институте театра, музыки и кинематографии.

Получив наконец диплом, Целков опять обосновался в Москве, был принят в Союз художников, и тут стали посещать его мастерскую странные гости.

Кто-то сказал, что самое трудное в искусстве придумать новый персонаж. В этом смысле персонажи Целкова такое же гениальное открытие, как Дон Кихот или Микки-Маус. «Невиданное доселе племя» — так именует Целков своих уродцев, которых раз увидишь — не забудешь и ни с кем не спутаешь. Племя дикое, примитивное, недоразвитое, но как будто перенесшее все грядущие глобальные катастрофы цивилизации. Понятно, почему это племя вызывало панику среди чиновников. И если первая выставка Целкова в Курчатовском институте продержалась два дня, то вторая, в Доме архитекторов, была закрыта через 15 минут: представители КГБ выключили свет и разогнали публику. Затем последовало исключение из Союза художников.

Несколько лет Целков перебивался с хлеба и воды на подсудную валюту. Быть может, самое красноречивое свидетельство о тогдашнем положении Целкова оставил Сергей Довлатов: «Евтушенко привел к нему Артура Миллера. Миллеру понравились работы Целкова. Миллер сказал: «Я хочу купить вот эту работу, назовите цену». Целков ехидно прищурился и выпалил давно заготовленную тираду: «Когда вы шьете себе брюки, то платите двадцать рублей за метр габардина, а это, между прочим, не габардин». Миллер вежливо сказал: «И я отдаю себе в этом полный отчет». «Триста!» — выкрикнул Целков. «Рублей?» Евтушенко за спиной гостя нервно и беззвучно артикулировал: «Долларов! Долларов!»

«Рублей?» — переспросил Миллер. «Да уж не копеек!» — сердито ответил Целков. Миллер расплатился и, сдержанно попрощавшись, вышел. Евтушенко обозвал Целкова кретином. С тех пор Целков действовал разумнее. Он брал картину. Измерял ее параметры. Умножал ширину на высоту. Вычислял площадь. И объявлял неизменную твердую цену: «Доллар за квадратный сантиметр!»...»

Перед отлетом, в Шереметьево, Целков метался между провожающими с огромной красной авоськой, в которую были напиханы какие-то не упакованные вовремя в чемоданы вещи, вытирая слезы не менее внушительных размеров платком. Уходя на посадку, он вдруг остановился перед мусорной корзиной и, бросив в нее носовой платок, сказал: «А сопли пусть останутся в России!»...

— Еще в самолете, по пути в Вену, когда стюардесса объявила, что мы пересекаем границу СССР, и в ответ раздались дружные аплодисменты таких же, как мы с женой, «пересекающих», я шептал себе, чуть не плача: «Ушел, убег!» Мне приходило на ум сравнивать себя с приговоренным к смерти больным, который наперекор всему выздоровел.

Когда я только приехал в Париж, ни денег, ни связей у меня не было. Я снял квартиру в доме, где жил мой друг Эдик Зеленин. И вот появился первый покупатель, бизнесмен из Лондона с женой. Показываю картину. Он спрашивает: «Сколько?» Я называю цену, как сейчас понимаю, запредельную. Он что-то себе раздумывает и, указывая на другую, поменьше, задает тот же вопрос. Я опять объявляю ту же самую цену. Британец находит совсем маленькую картину. Чуть сбавляю, но все равно держу планку. Он еще раз все оглядывает и говорит: «Нам надо посоветоваться». Они выходят в другую комнату. Я говорю своей жене Тоне: «Ничего не купит, гад... Или купит самую маленькую». Через пять минут возвращаются: «Берем все три!»...

Разобравшись что почем, Целков купил большой деревенский дом в Шампани. Теперь ему не приходится, как когда-то в московской хрущобе, во время работы переворачивать бинокль, чтоб увидеть картину целиком...

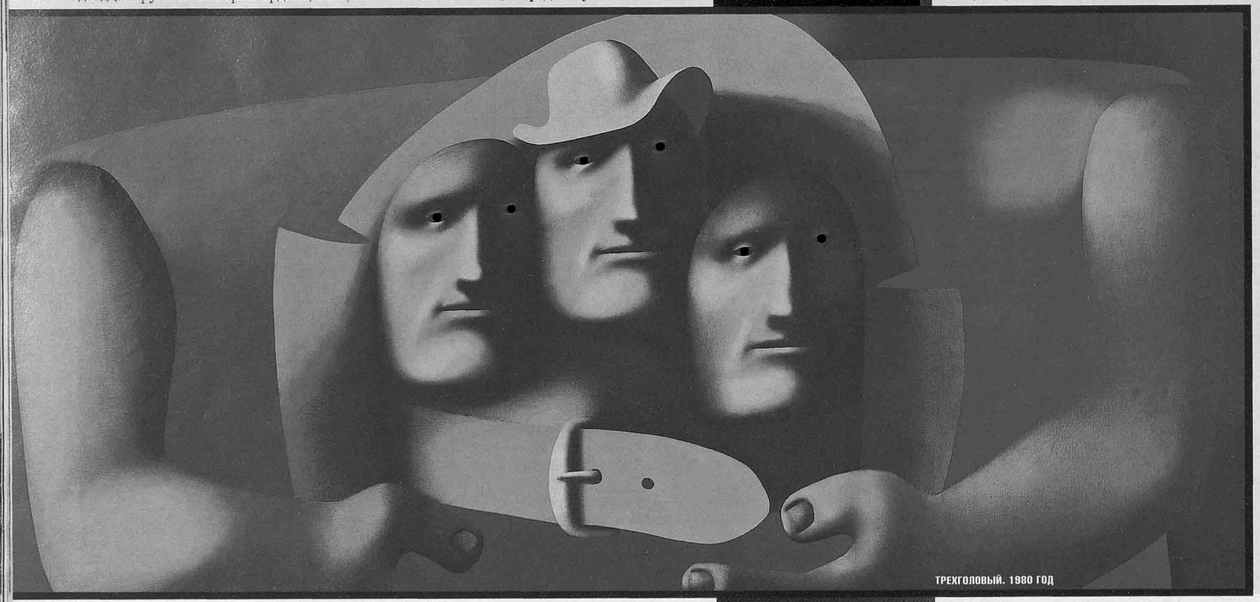
— Никаких серьезных проблем у меня здесь не возникало. Много работал, вкусно ел, крепко спал. До отъезда мало интересовался историей живописи — мне был интересен только я сам. Приехал — и бросился, как в пещеру Аладдина, смотреть музеи, выставки, салоны, книги... Я во все вникал, но видел: это не по моей мерке... Все эти впечатления помогли мне окончательно уверовать в свет моей звезды. Мой персонаж, родившийся в России, продолжает жить на чужбине, матерея...

Вернуться назад?.. Мне бы хотелось отыскать тот клочок леса, где мы с отцом ранней весной стояли с ружьями на тяге вальдшнепов... но клочок тот застроен дачами...

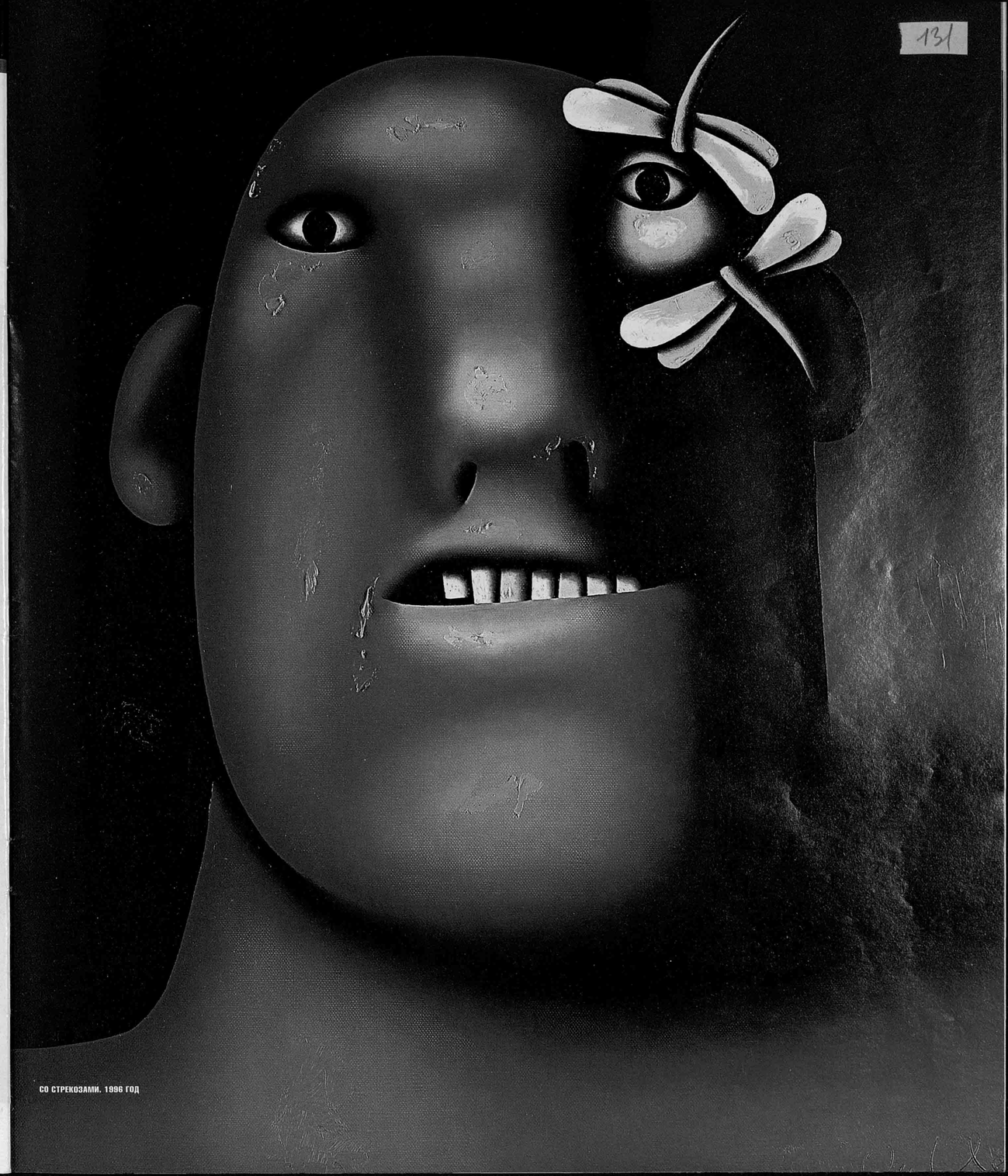
Целков так и не смог выучить французский. В Россию приезжал на похороны матери и на открытие своей персональной выставки. Он — апатрид, человек без гражданства.

Но посмотрите на его персонажи — так ли уж нуждаются они в гражданстве?.. ■

ДОПУСТИМ, Я РИСУЮ С НАТУРЫ ОГУРЕЦ. И КТО ПОСМЕЕТ МНЕ СКАЗАТЬ, ЧТО МОЙ ОГУРЕЦ НЕ ПОХОЖ? НИКОМУ НЕ ИЗВЕСТНО, КАКИМ ЭТОТ ОГУРЕЦ БУДЕТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ. А ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ? КТО ЗНАЕТ? ЭТО ЗНАЮ ТОЛЬКО Я. ВЕДЬ ЭТО ОЧЕНЬ СЕРЬЕЗНЫЕ ВОПРОСЫ, ПРАВДА?.. ВОТ Я И НЕ СТЕСНЯЮСЬ ВСЮ ЖИЗНЬ ПРОИЗНОСИТЬ ЭТИ САКРАМЕНТАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВСЛУХ...



ТРЕХГОЛОВЫЙ. 1980 ГОД

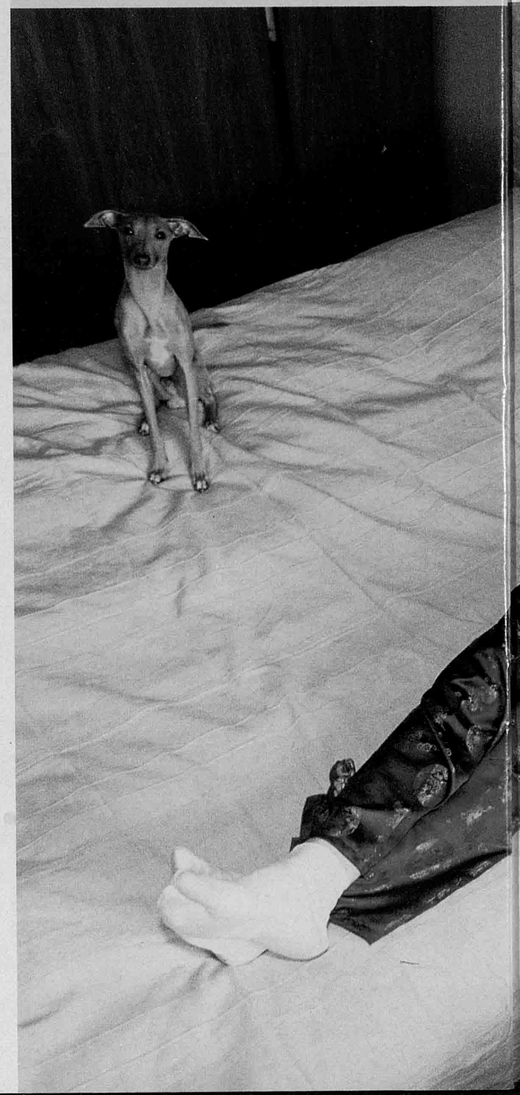


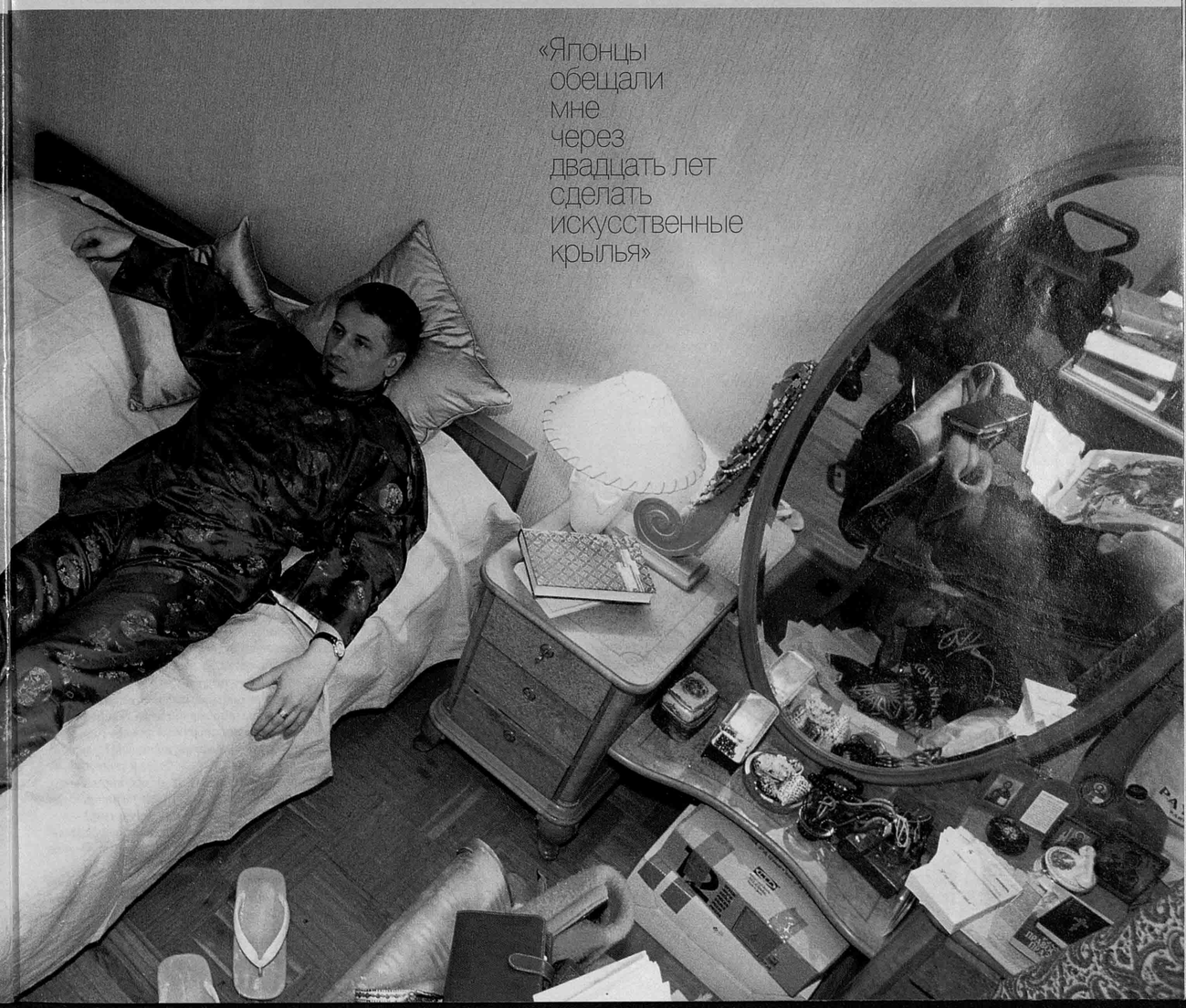
СО СТРЕКОЗАМИ. 1996 ГОД

Майя ЧАПЛЫГИНА
Виктор ГОРЯЧЕВ (фото)

Последние два года культовый, как принято говорить в определенных кругах, писатель Владимир Сорокин в основном обитает в Японии. В университете ведет семинары по русской литературе. Как объясняет сам Сорокин, эта марсианская культура – параллельная и Западу и Востоку – ему как раз под стать. Он занят всего семь часов в неделю. Остальное время волен посвящать только себе, тем более что Япония, признается Сорокин, такой мир, который можно наблюдать, но участвовать, войти в него нельзя: «Возможно дружить с японцем лет десять, но ты никогда не будешь занимать для него обычное человеческое место. Всегда останешься для него неяпонцем». Ему предоставили двухэтажный домик с садом, и это при том, что средняя японская семья, как правило, ютится в крохотной, по-нашему малогабаритной, квартирке

СОРОКИН-САН





«Японцы обещали мне через двадцать лет сделать искусственные крылья»

Когда пытаешься разузнать, чем он заполняет свободные минуты-дни, в ответ слышишь невозмутимое: «Пишу. Пока люди будут рождаться и переживать детские травмы, у них будет вечный разрыв с окружающим миром. Разрыв, который необходимо чем-то заполнять». Один из таких способов «заполнения» — писательство. Можно считать, его личная патология достаточно сильна, учитывая, какое невероятное удовольствие он всегда получает от самого процесса писания.

— У меня отношение к литературе, как к наркотику, без которого в нашей жизни невозможно обойтись. Она дает чувство забвения: себя, реальности, проблем.

— Чем же вас так не устраивает эта реальность?

— Да многим. Не устраивает тотальная зависимость от тела. Понимаете? Я должен его каждое утро будить, тащить в ванную, мыть его, чистить, потом набивать пищей...

— Воюете с телом? Да для многих в этих мелочах заложено столько удовольствий!

— Есть и удовольствие. Но я бы очень хотел, чтобы у меня выросли крылья. Чтобы взлететь и летать. А не в этих вонючих машинах ездить. Так хочется большей свободы. Еще жабры хочу иметь, чтобы нырнуть и провести несколько суток под водой. Это было бы супер! Вот надеюсь на генную инженерию. Японцы обещают через двадцать лет сделать искусственные портативные крылья.

— Значит, говорите, лет через двадцать?.. Ну, доживем! Может, вместе и полетаем...

— Если бы мне завтра сказали: проводятся генетические опыты и нужны добровольцы для, допустим, пересадки жабр или создания иной функции глаз, видения сквозь вещи — я бы тут же пошел! Человек же о себе совсем ничего не знает, не понимает, как функционирует его мозг. Поэтому часты депрессии, неуверенность в себе...

— ...которые, несмотря на всю их мерзопакостность, и делают нас мудрее.

— Меня действительно часто огорчает вся наша физическая жизнь. В том числе сексуальная. Уж скольких женщин я любил, но у меня никогда не было чувства, что я полностью сливаюсь с кем-то. Никогда. На несколько секунд — да, было. А полностью... И вообще было бы намного интересней, если бы все происходило без пота, кряхтения — этой убогой физиологии. Понимаете?

— Не-е-ет... Для меня все это так естественно: бывает смешным, забавным, трогательным, но убогим — никогда. По-моему, это как раз и сближает. На самом-то деле, если это вас так тяготит... В общем, все от вас зависит...

— Выделение пота? *(Смеется.)* Ну уж это — нет!

— Известно много примеров силы человеческого духа. Когда люди так овладевают своим организмом, что оказываются способными абсолютно контролировать внутренние процессы: сердцебиение, дыхание. Стоит только овладеть собственным телом, как многое становится возможным. Так же и с чувством близости. Если ты внутренне открыт к близости, принятию другого, тогда все это и приходит.

— Я хочу этого, а ничего не происходит! Значит, от меня не зависит. Или надо несколько лет посвятить медитациям. У меня на это времени нет. Я хочу, чтобы все пришло сразу.

— Честно говоря, звучит это так по-детски — «хочу все и сразу». Или у вас в жизни всегда так и получалось?

— Вот с литературой именно так все и было. В 14 лет я написал первый эротический рассказ, принес в школу. Правда, сообразил: если скажу, что сам написал рассказ, мне никто не поверит. И я сказал, что просто перевел текст с английского. Рассказ прошел на ура!

— Испугались насмешек, поэтому придумали историю с переводом?

— Я испугался того, как легко у меня все получилось. Чем я только в детстве не занимался! Довольно рано начал музицировать. Думал о серьезной карьере пианиста. Пока в девять лет мне не изуродовали руку. Мы жили тогда в Подмосковье. Однажды я сидел в саду в шезлонге. Мой друг подбежал сзади, хотел напугать и выбил у шезлонга подпорку. Я упал и защемил в деревяшках, как в ножницах, мизинец. Ну и все, с музыкальной карьерой было покончено. У меня вообще все детство состоит из потрясений. И очень редких ярких вспышек радости. Было много разных травм. Началось все с одной истории, мне было тогда около трех лет. Очень хорошо это помню. Родители обедали, а я играл в детской. Там стоял письменный стол, рядом с батареей. И я полез на этот стол, цепляясь спиной за батарею, на которой был кран без вентиля. Полз-полз, весело что-то напевая, и сорвался. Затылком напоролся на этот кран. Удар был такой силы, что я повис на железяке, потерял сознание. Только когда затих, родители заметили, что со мной что-то случилось. Правда, после этого происшествия я стал видеть очень яркие фантазии.

— Есть такая теория: от частых ударов по голове загибаются извилины, что повышает интеллектуальные способности человека...

— Были и душевные потрясения. Помню, как отец повел меня на аэродром в Быково. Я не знаю, с чем сравнить то ощущение, когда я в первый раз увидел самолет. Чудовище, которое зарычало, стало подниматься... Со мной была жуткая истерика. Я сразу описался... Я вообще был очень искренним мальчиком.

...В общем, еще в детстве, когда занимался музыкой, рисованием, я понимал: нужно много, очень много работать, чтобы чего-то добиться в этих областях. А в литературе мне все, что называется, преподнесли на тарелке с голубой каемочкой. И все, что мне потом оставалось делать, было связано только с самообразованием, поиском своей литературной стратегии.

— Получается, что реальный мир уродлив, непредсказуем, зато в мире книжном никакие поражения вам незнакомы...

— В воображении я ворочаю мирами! Любой роман — это параллельный мир. А в жизни, к сожалению, только один мир существует. Скучно это. Но я себя развлекаю. Хотя это чувство скуки сильнее меня. Видно, планида у меня такая. А вам разве не бывает скучно? Вам сколько лет?

— Двадцать шесть. И что самое интересное, с каждым годом жить становится все любопытнее.

— Мне сорок четыре. И, конечно, в вашем возрасте я тоже не чувствовал скуки. И так — лет, наверное, до тридцати. До 25 лет тело еще биологически меняется. Само по себе дает импульс к жизни. И нет времени на депрессии. Но как только человек перестает расти, начинается обратное движение. Уже другие процессы в психике запускаются. У вас это тоже все будет.

— Я романтически настроена, верю в силу духа, которая вечно стремится к движению и развитию. Вот так!

— Да я только тем и жив, что силой духа. Но тело тоже очень сильное. Депрессии — это энергия тела. Что ни говори, но если я вам сейчас вилку воткну в руку, у вас все тут же из головы вылетит. Если что-то сильно заболит, с этим приходится считаться.

— Все, я придумала. Вам понравится моя идея. Я знаю. Есть такое местечко в Индии, Бадгайя. Там огромный буддистский монастырь. А еще — дерево, остановившись у которого Будда достиг просветления. Вот где все поголовно счастливы. Там встречаются люди с полупрозрачными телами. Все только и делают, что взлетают. Может быть, вам туда сбежать, в монастырь, там и полетаете вволю?

— Мне часто необходимо быть наедине с самим собой. Но я абсолютно мирской человек. Отшельничество не для меня. Просто я хорошо чувствую: интересный передо мной человек или банальный. Это как чувство цвета или звука. Стараюсь общаться с теми, кто мне приятен. С другими — держу дистанцию.

Я был в местечке Камакура, под Токио, на побережье океана. Там есть статуя громадного — метров пятнадцати — Будды. Люди испрашивают у него свою судьбу тем, что вытягивают заготовленные послания. Это есть и в европейской традиции: когда попугай тянет билетики у шарманщика-гадальщика. Я вытянул: «Не общаться со скучными людьми». Я долго пытался выяснить у японцев, что это за иероглиф «скучного человека». Контекст все-таки важен. Они сказали, что это тот человек, который думает только о материальном, очень верит в силу денег — всего внешнего. Я рад, что и раньше следовал наказу Будды, мало общался с подобными людьми.

— Значит, наукой светских ритуалов себя не утруждаете и даже в патовой ситуации?

— Я очень хорошо умею мимикрировать. И в любой ситуации могу разыграть из себя человека довольного. Просто для меня главная проблема в отношениях — выносимость. Может быть, поэтому у меня почти лет двадцать не было серьезных романов. Я считаю высшим даром — умение не замечать друг друга. Ирина, жена моя, гениальна в этом.

Хотя, конечно, я постоянно влюбляюсь, меня тянет к очень многим женщинам. Вот вы сидите, мне хочется вас потрогать. Но не все понимают это.

— Ну почему же!

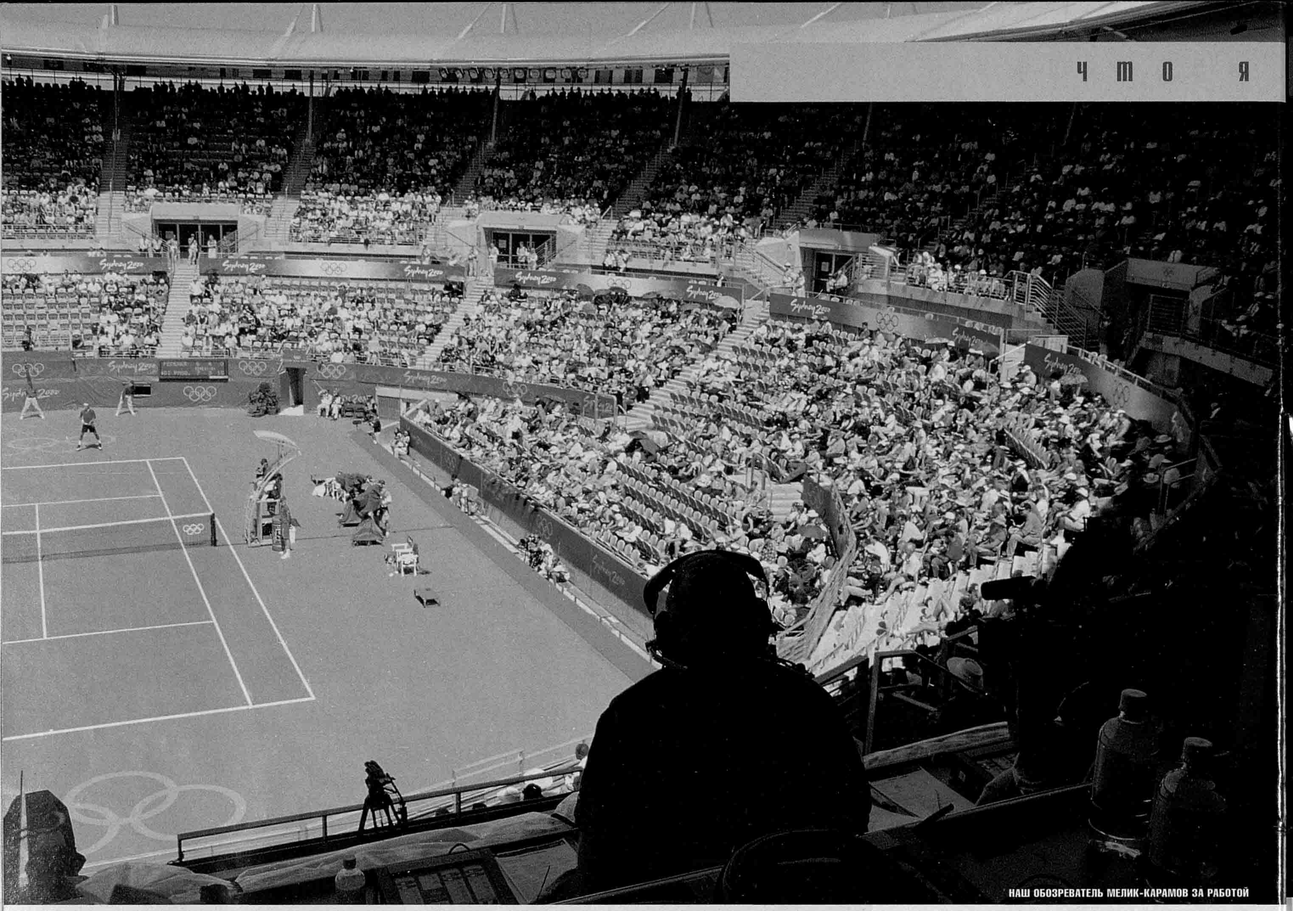
— Я учился во втором классе, когда открыл для себя, что мужчина делает с женщиной. Скоро рассказал об этом знакомой девочке Наташе Козловой, которая тогда еще и в школу не ходила. И вот однажды вечером — зимний двор, рядом угольная куча, луна — представляете? Мы в шубках и валенках пытались стоя заниматься любовью. Ей, видимо, было очень щекотно, она все время смеялась. А я именно тогда почувствовал, что женщина — это всегда нечто ускользающее. И что бы я ни пытался с ней сделать, она — хохоча! — всегда будет от меня ускользать.

...Может быть, у меня еще и потому не было серьезных романов, что я довольно сознательно берегу себя для литературы.

— Вы такой спокойный, рассудительный, неспешный. А на сумасбродные, отчаянные поступки когда-нибудь отваживались?

— Я несуеверный человек. Но в моей жизни не раз были некие указующие жесты судьбы: что мне не надо делать. Допустим, я никогда не мог ударить другого человека по лицу. Хотя мне самому часто попадало, особенно в школе. А один раз, я уже учился в ин-

«Сам бы я никогда такого пса не выбрал. Тварь такую дрожащую»



НАШ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ МЕЛИК-КАРАМОВ ЗА РАБОТОЙ

GAME OVER

ИЛИ КАК Я КОММЕНТИРОВАЛ ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ В СИДНЕЕ

Виталий МЕЛИК-КАРАМОВ

За время моего вынужденного простоя на РТР все переиграли, и мне за пару недель до отъезда сообщили: «Едешь комментатором, за тобой теннис и конный спорт». Все как в анекдоте: «Посылают на Запад нашего разведчика: «Вы плейбой, сын миллионера, сорите деньгами налево и направо...» Тут звонок из финансового управления. Посылающий: «Да. Есть. Все понял... Легенда меняется — вы нищий».

Дальше писать надо кровью. Я сделал десять фильмов, еще больше телепрограмм, но никогда не вещал в микрофон: «Мяч слева, игрок справа...» Про теннис я еще кое-что знаю, но на всякий случай взял слово с Тарпищева, что он будет на репортажах сидеть со мною рядом. Шамиль Анвярович человек обязательный, тут я мог быть спокоен. Но последний раз я писал про конный спорт в 1980 году в журнале «Юность». В том моем материале немалая глава была посвящена Елене Петушковой, знаменитой наезднице, олимпийской чемпионке.

Выудив из старой записной книжки телефон Елены Владимировны, я ей позвонил. Невероятно, но она узнала меня по голосу. Я сообщил, что вот уже десять лет обозреватель в «Огоньке». Она удивилась: «А «Огонек» жив?» Я заметил, что в свою очередь собирался узнать, жив ли конный спорт? Выяснив, что из всей конной программы Игр (троеборье, конкур, выездка) Россия представляет всего лишь двух наездниц в выезде, успокоился. Как потом выяснилось, зря.

Чувствовать себя спокойным мне за ближайшие три недели не пришлось ни разу.

11 сентября вылетели из Москвы. Корейским самолетом, через Сеул. Там пересадка на другой корейский лайнер и прямиком в Сидней. Десять лет я не ездил со спортивными журналистами. Приятно, что поколения сменились, а традиции остались. Пьянствовали от Москвы до Сеула безостановочно. Облевали проход в корейском аэробусе. Такой рейс лет десять назад мог быть только в Красноярск на спартакиаду. Теперь мы свободная страна.

От Сеула до Сиднея в «джамбо» («Боинг-747»), вопреки правилам, спиртное уже не разносили. Впрочем, и подавать его было некому. Салон огромного лайнера храпел. Бойцы отдыхали. Набирались сил перед тяжелой работой.

12 сентября. В Сиднее приземлились поздно вечером. К ночи аккредитовались. Народ ожил, отправил сумки по номерам и отправился в бар размером с футбольное поле и с таким же грохотом внутри. В чем-то мы вполне безболезненно вошли в мировую цивилизацию, поскольку она, представленная спортивными журналистами почти двухсот стран, выпивала и качалась точно так же, как и ее коллеги из России. Впрочем, это преувеличение. Мои соотечественники, товарищи по перу, нет, по микрофону, от пива не качаются.

13 сентября. Никогда не мог предполагать, что второй раз за год окажусь в Австралии. В Воронеже так часто не бываю. В чем разница двух белых рас: русских и всех остальных. Наша каторга — это Магадан, Колыма или в лучшем (или худшем) случае вымершая степь в Казахстане. Их каторга — это Австралия. По удаленности то же самое, зато пальмы, попугаи, океан.

Вечером — генеральная репетиция открытия. Выдали три пропуска. Никто, кроме меня и Жолобова, дойти до стадиона не захотел. Мы с Олегом по незнанию сделали бешеный круг, но зато первыми увидели невероятное зрелище. Что обсуждать, если главный стадион Игр построен с расчетом на церемонию открытия. Но главное — как будет зажжен огонь, не репетировали. Эта церемония приобретает чуть ли не решающее значение на Олимпиадах.

14 сентября. Теперь можно оглянуться и рассказать, где мы живем. А живем мы в бараках. Но так же, как и английская каторга отличается от нашей, так же австралийские бараки ничего общего не имеют с отечественными. Коридор, по обе стороны комнаты на одного человека, между двумя комнатами — кабина с душевой и умывальником. Коридор заканчивается большой верандой, где есть холодильник, раковина, электрочайник и круглый стол. У стены диван. Толщина всего — стен, потолка, пола— в несколько сантиметров. Мой сосед по отсеку Кирилл Набутов. Кирюша ростом под 190 см и немалого веса. Когда он ходит по своей комнате, у меня кровать качается, как люлька.

15 сентября. Весь день в гостиной нашего барака я помогал трем избранным комментаторам подготовиться к торжественной церемонии открытия Игр. Вся ценность моих советов заключалась в том, что я мог объяснить, что стоит за строками розданного сценария. За столом нас четверо: Кирилл, Вася Кикнадзе, Петя Федоров и я. Петя пять лет работал корреспондентом в Австралии. Он умница, энциклопедист и сразу рассказал, что коала оттого все время спокойный, что находится в кайфе. Жует лист эвкалипта, а в нем какие-то наркосодержащие вещества — так проходит несчастная коалья жизнь. В тени дурманящего эвкалипта...

Сзади на диване сидит прилетевший в Сидней генеральный директор РТР Александр Акопов. Не вмешивается в обсуждение, но каждый раз его завершает. Акопов настоящий начальник. Как я это определил? Вчера мы ужинали в ресторане, и обратно домой я ехал вместе с ним в машине, которую он собственноручно вел. Движение, замечу, в Австралии левостороннее. Водитель сразу разогнался так, будто мы опаздываем к отбою. Заблудились тут же. Молча летали по ночным улицам Сиднея, но выражение лица у Акопова было такое невозмутимое, будто именно это он и предполагал сделать. Я запомнил, что наша деревня рядом с кладбищем, и искренне предложил на карте его поискать. Засмеялась только красавица жена генерального директора. Когда к исходу ночи мы наконец доехали, я с облегчением сказал: «Слава богу, вот и кладбище». Красавица жена хохотала так, что я решил: к эфиру, слава богу, меня уже не допустят.

А олимпийский огонь зажгли в воде. Огонь и вода — символы Австралии. Зрелище фантастическое. Впрочем, вы его и так видели.

16 сентября. Первые жертвы. Коля Попов опрокинул стакан кипятка на ноги своего друга Жолобова. Олега увезли в больницу на перевязку. Вечером Жолобов в нашей репортерской комнате мне говорит: «Как чай наливаю, сразу ноги болят». В это время в углу чихнул Попов. «Будьте здоровы, Николай», — с напором отозвался обваренный Жолобов.

Первый скандал у меня в теннисе. Вся сборная России одета фирмой «Рибок», но ни Кафельников, ни Сафин не могут нарушить своих контрактов. Похоже, что ребята из Олимпийского комитета России, как в прежние советские времена, не хотят принимать во внимание капиталистические реалии. При том, что замечательно умеют ими пользоваться. В этих реалиях всегда можно договориться. Но заранее. Наша привычка принимать решение в критический момент. Отравленный эфиром, чуть не написал «в критические дни».

17 сентября. Пока нет тенниса, заслан на фехтование. Оно проходит в центре города. Сидней изрезан бухтами, поэтому белоснежные лайнеры стоят вдоль набережных и небоскребов. Чуть дальше от небоскребов бесконечные ряды катеров и яхт. Зеленые холмы. Идиллия. В районе Дарлинг Харбора на набережной каждый шаг завоевываешь с боем. Наконец пробились к залу. На глазах у публики я переоделся в белую рубашку-поло с логотипом РТР. Записать подводку. То есть сказать: «Мы присутствуем...» Вскоре переоделся обратно, потому что наша девушка ничего не выиграла.

Перед этим вышел подышать на улицу. Разговариваю с прославленным нашим фехтовальщиком Марком Ракитой. Подваливает к нам мужичок: «О, русская речь!» Та-

Встретился я с Владимиром Гомельским. Интеллигентный, между прочим, человек, хотя и главный редактор спортивной редакции Российского телевидения. Он мне говорит: «Хочу пригласить тебя на Олимпиаду, поможешь мне в штабе, подскажешь молодым, жду от тебя разнообразных идей». Я сразу согласился и тут же так травмировал ногу, что на три месяца выпал из общественной жизни, отчего и стал писать заметки «Человек у телевизора». А где я еще с костылями мог оказаться?

кое восхищение, будто на дворе, где мы стоим, 1960-й, а не 2000 год. Сейчас же нет дыры, где бы родную речь не услышал. Чем же Австралия хуже? Так что я в ответ не обрадовался. Тем более мне предстояло через праздношатающуюся толпу почти километр тащить до автобуса на себе штатив. Это участь всех телевизионных корреспондентов. Камеру им не доверяют. Ее несет оператор. «Твой трехногий друг» — так один из них определил мою обязанность.

Вокруг плясали, пели и пили, а я смотрел из-под штатива на звезды и думал, что они здесь совсем другие. Где родная Большая Медведица? Нет ее. Даже Малой нет. Вместо них Южный Крест, перенесенный, кстати, на флаг Австралии.

18 сентября. Теперь меня послали на пляжный волейбол. Берег океана. Пляж Бонди-бич. Прямо на пляже из легких конструкций — стадион. Увидев меня с микрофоном на кромке поля в уже описываемой рубашке, ближайшая трибуна дружелюбно закричала по-русски: «До свидания!» Видимо, на этом исчерпывался их словарный запас русского языка.

Девушки, которые играют в этот волейбол, мало того что в бикини, они еще с чудесными фигурами и все как одна красотки. Можно сказать, пляжный волейбол теперь мой любимый вид спорта. К тому же проходит он под музыку! В голове сразу: а в деревне Гадюкино — дождь!

В закадровом тексте я умудрился сказать, что на девушек ходят смотреть в основном молодые люди, и, наоборот, когда играют мужчины, на трибунах много женщин. Похоже, заметил я, из-за того, что Австралия находится так далеко, там не в курсе, что сейчас модно, чтобы на мужчин ходили мужчины.

Эта мысль вызвала неоднозначную реакцию у руководства канала.

19 сентября. Прилетел Сафин. Сидим вместе за столиком в теннисном центре. Подошел познакомиться с первой ракеткой мира Виталий Георгиевич Смирнов, президент ОК России. Тут же начался бурный скандал: «Какое вы имели право заявить, что мы с Кафельниковым не приедем на Олимпиаду!» Смирнов что-то в ответ. Сафин не успокаивается. После слов Смирнова: «Мне тоже за Олимпиаду не платят», я пересел. Как сказал один из присутствующих в Сиднее больших начальников: «У нас уникальный президент Олимпийского комитета. Его ненавидят все спортсмены».

20 сентября. Сафин вчера сказал после скандала: «Я даже проснулся». Но, как выяснилось, не до конца. Пролетел в первом же круге. Организм не обманешь. У него был выбор — доиграть до конца турнир в Ташкенте и стать первой ракеткой или приехать и заранее акклиматизироваться, как Женя. Но кто осудит Марата?

Теперь начался мой вид спорта, но по четным дням трансляция по договору у ОРТ, а РТР выпускает только «Дневник Олимпиады». При слове «дневник» я вздрагиваю со школьных лет.

21 сентября. Мой дебют телекомментатора. Накануне Гомельский, ничуть не нервничая, мне сказал: «Завтра утром у тебя эфир». И исчез. Я заметался: «Как эфир? Зачем эфир?» Вася Кикнадзе, видя мои муки, сжалился и отвел к техникам. Один из них брезгливо показал мне пульт: куда, какую кнопку и когда надо нажимать. Все это напоминало заезженный анекдот про космонавта из развивающейся страны. На прощание техник Саша сказал: «Надо будет, сними индификацию». Сказал и испарился. Индификация стала моим ночным кошмаром.

Теннисный день начинается в 11 часов. У меня комментарии со второго матча, значит, не раньше 12.30. По-моему, я появился на стадионе чуть ли не с рассветом. За отпущенные несколько часов я надеюсь узнать, где и как «снимают индификацию» (в конце концов сказал в микрофон два слова «аут индификейшн» и все!!!). Но сперва заявился в комнату местных техников, поздоровался, они вежливо, но напряженно, как обычно себя держат с сумасшедшими, ответили. Наконец, добрался до своего места. Правильно говорить — позиции. Она оказалась под номером семь. Буду помнить всю жизнь. Сел и увидел, что пульт совершенно другой, не имеет ничего общего с тем, что мне показывал техник Саша. Захотелось умереть тут же, на своей позиции номер семь. Взял себя в руки. Огляделся. В верхнем ряду надо мной читает книжку Акунина знаменитый Метревели. Ему предстоит репортаж по «НТВ плюс». «Алик, — подхалимски сказал я, — а ты знаешь, что Акунин грузин». Алик этого не знал. Тогда я решил усилить эффект. «Но из всех грузин ты самый гениальный, клянусь, Алик, я не шучу. Ты выдающийся теннисист, теперь такой же комментатор. Только тебя я могу слушать, других ненавижу. Алик, а на какую кнопку мне надо нажать?..»

Выяснилось, что никуда нажимать не надо, все уже включено, надо только сказать в микрофон: «Аппаратная РТР, аппаратная РТР, ответьте теннисному стадиону».

Невероятно, но ответили.

«Не слышу ваш голос», — в ушах голос добрейшего режиссера Любови Ивановны, которая единственная, кроме моей мамы, сказала, что я провел репортаж вполне прилично.

Мне и самому понравилось.

Приятно высказывать свое мнение такому количеству людей, притом абсолютно безнаказанно.

22 сентября. Чувство самодовольства меня распирает. Я уже не очень переживаю, что путаюсь под ногами у молодых при производстве «дневника». То, что они делают за тридцать-сорок минут, у меня растягивается на три-четыре часа.

С вытаращенными глазами, похожий на Петра Первого в утро стрелецкой казни, вышагивает рядом Кирилл Набутов. Он сегодня ведет «дневник», поэтому в костюме и галстуке. Жолобов пафосному Набутову, потупив глаза, сказал, что снял сюжет про кенгуру. А заранее было поставлено условие: ни на какие местные достопримечательности (а кенгуру стало именем нарицательным) не отвлекаться. Только спорт. Кирилл скривился, как от зубной боли: «Метраж?» — «Десять минут (самый большой сюжет обычно идет шесть. — *Авт.*), Акопову понравилось». Кирилл сморщился: «Сократи». Жолобов: «Акопов сказал показать целиком». Кирилл с отвращением пошел писать подводку к кенгуру. Жолобов, испугавшись своей шутки, побежал искать Гомельского, чтобы тот как бы от имени Акопова отменил несуществующий сюжет.

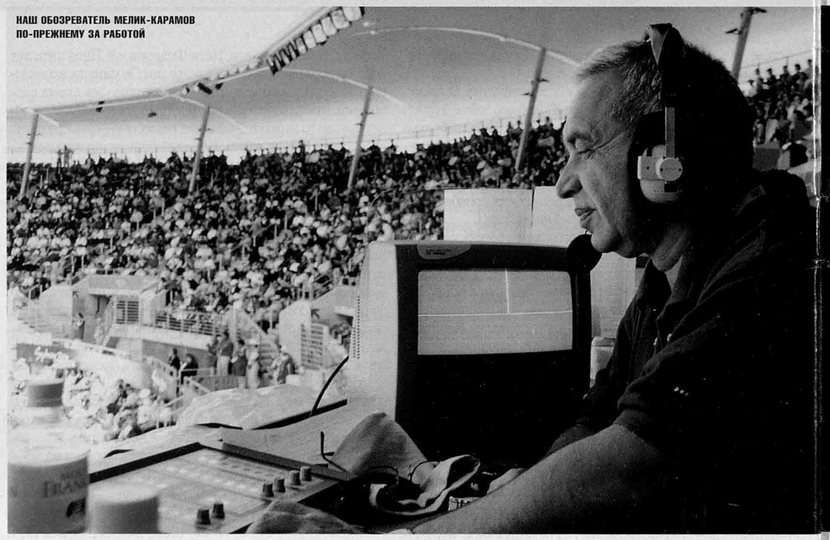
Олимпиаду обслуживают на добровольных началах прежде всего старики и старушки, разодетые, в широкополых шляпах-арбах и национальных плащах-тризабонах. Их недавние предки-каторжане (Австралии всего 212 лет) в гробу, наверное, крутятся от улыбчивых и вежливых потомков. Нация, начинавшаяся с бандитов, если не деградирует, то вырождается. Как все пожилые люди, путаницу они устраивают на пустом месте.

23 сентября. Нервничает Тарпищев. Интриги. Объявили, что Сафин не жил в деревне, а в его блоке (олимпийцы живут так же, как и журналисты) все стали чемпионами: Марат делил туалет с прыгунами на батуте. Дементьевой в деревне нравится, но Тарпищев жалуется, что за ней ходит хвост поклонников. Мудрый Кафельников тоже целый день пропадает в деревне, но ночевать уезжает в дорогой отель. А мог бы — в собственный самолет, на котором прилетел в Австралию. Но Женя не экономит.

Вечером на веранде соседского барака молодые рассуждали о проститутках. Они успели подскочить по этому делу в центр Сиднея и теперь пришли к выводу, что в Москве девки круче. Я в легкой ностальгической печали. Еще совсем недавно, когда я был такой, как они, даже мысль посмотреть на проституток, высказанная в кругу более трех товарищей, могла сделать пожизненно невыездным. Кто говорит, что в России демократия не победила? Плавно разговор переходит к тому, что можно послать по факсу в Таиланд копию паспорта, а тебе в ответ пришлют малолетнюю жену. «За сколько?» — сразу спросил кто-то. «За тысячу баксов», — ответил рассказчик. «За тысячу счастья не купишь», — глубокомысленно заметил оператор Костя Данин.

24 сентября. Кто из вас ходит на работу ежедневно мимо кенгуру? Вольер с этими символами Австралии поставили перед воротами «медиа-вилидж». Рядом клетка с попугаями всех цветов радуги. Коля Попов, забыв фирменную рубашку, днем мотался в деревню и в отсутствие потока коллег заметил случку двух сумчатых.

В восторге он прочел нам нараспев, как все поэты, свое стихотворение, предварительно назвав его гениальным: «В полдень, в страшную жару, трахались два кенгуру». Я сказал, что с удовольствием процитирую Попова в первом же репортаже. «У вас уже был пассаж», — многозначительно напомнил мне Акопов. Высказывание с пляжного волейбола начальство не забыло.



НАШ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ МЕЛИК-КАРАМОВ ПО-ПРЕЖНЕМУ ЗА РАБОТОЙ

На Олимпиаде 10 200 спортсменов и 15 тысяч журналистов. Игры все дальше от спорта и все ближе к шоу. Телевизионная картинка завораживает. Олимпиада — самый популярный в мире телесериал с самой дорогой рекламой. А спорт — это сюжет, в котором есть все — от комедии до драмы. Причем никакой сценарист ничего подобного не придумает

Отдал белый свитер, на который вылил кетчуп, в чистку прямо в нашей деревне. Получилось в два, а то и в три раза дешевле, чем в Москве. Обидно, что не взял зимние вещи из дому.

25 сентября. Олимпиаду вижу только вечером на мониторах в репортерской комнате. День провожу на теннисном стадионе. Но сегодня вечером наблюдал прыжки с шестом у женщин. Замечательно выглядела австралийка Григорьева, которая училась в Питере в одном классе с Алексеем Васильевым, корреспондентом из команды Набутова. Костюмы у девушек так откровенны, что, возможно, Олимпиада вернется к своему началу — когда атлеты выступали обнаженными. Но тогда в Играх участвовали только мужчины, женщинам категорически запрещалось присутствовать даже рядом. Прошло всего лишь пару-тройку тысячелетий, и, кажется, недолго осталось ждать захватывающих кадров с олимпийских арен. Тут и комментарии не понадобятся. Впрочем, команда Австралии и та же Григорьева уже снялись обнаженными для специального буклета, и «Огонек» публиковал некоторые снимки. Прямо скажем, фотографии получились у них красивыми.

Но главное для меня событие дня — это матчи Дементьевой с Докич (австралийки из Югославии) и Кафельникова с бразильцем Куэртеном. Накричался, как Николай Николаевич Озеров. Но страшно нервничал, чтобы не сорвалось ненормативное слово. Еще больше нервничал из-за того, что если об этом думаешь, обязательно ляпнешь. Но вроде пронесло. Юмашев, который сидел неподалеку и наблюдал, как я размахиваю руками, позвонил в Москву дочери и спросил, как ей матч? Поля ответила, что в Москве ничего не показывают.

Куда я тогда орал?

Идет дождь, матчи отменили до середины дня. По пресс-центру слоняется самый знаменитый теннисный обозреватель Бад Коллинз в штанах немыслимой раскраски. Причем каждый день он их меняет. Что с человеком делает возраст?!

Полуфиналист Кафельников на тысячный вопрос: «Как вы относитесь к тому, что нам говорили, будто вы не приедете?» — ответил, что «чиновники, которые изобретают подобное, приходят и уходят (я думал, он сейчас скажет «а я — навсегда», но не угадал), а я играю не для них, я играю за свою страну».

Ходил с Васей Кикнадзе на барбекю. Для этого надо протопать не меньше километра по нашему пресс-центру вдоль бесконечных комнат и залов всех телекомпаний мира...

...Все, что пожарено на решетке, — национальное австралийское блюдо. В меню есть мясо кенгуру. Но вилка и нож на него не поднимаются. Стейк — другое дело, абстрактное мясо, а тут вспоминаешь стихи Попова...

27 сентября. Лена Дементьева играет финальный матч. Раньше про нее можно было сказать: комсомолка, спортсменка, отличница, наконец, просто красавица. Шансов выиграть у темнокожей Винус — старшей из сестер Уильямс — у Лены, прямо скажем, было немного. Перед началом встречи я смотрел, как разминается Уильямс. Куча народа вокруг. Нет только папы, который записан во все протоколы как тренер, зато рядом легенда американского тенниса Билли-Джин Кинг и Зина Гаррисон. Когда-то Зина, тоже темнокожая теннисистка, что в общем-то нечастое явление, теннис не баскетбол, поднималась до первой десятки. У меня с ней получилась забавная история. В 1988 году на женском турнире в Индианаполисе, где я находился в роли руководителя советской делегации (в составе: Савченко, Зверева и руководитель), я попал в одно такси с Гаррисон. «А правда, что Зина русское имя?» — спросила она. Я подтвердил, да, правда. И это настолько втемяшилось в голову, что в материале, который я передавал в «Советский спорт», я написал «Зинаида Гаррисон».

Вечером «меня перегоняли» для канала «Культура». Лучше бы я себя не слышал.

Тарпищев, на которого я так надеялся, через каждые два гейма убегал с комментаторской позиции в первые ряды подсказывать. Не знаю, слышали ли его Кафельников или Дементьева, по-моему, он это делает ради собственного спокойствия. Зато я только и успевал говорить: «Сейчас нас покинул Шамиль Аннярович, а теперь Шамиль Аннярович снова с нами». Когда Шамиль исчезал, я с ужасом думал, что же мне говорить на переходах? Но в итоге даже не успел сказать все, что хотел.

Вечером сели придумывать, как завершать Олимпиаду. Трансляция закрытия достается по соглашению ОРТ. Мозговой штурм закончился в 4.30 утра со стандартным итогом: хохотали до истерики, но ничего не решили. Петя Федоров вспомнил, что волейбол в Австралию завезли русские. Это покруче, чем первый паровоз братьев Черепановых.

28 сентября. Кафельников сегодня сыграл свой золотой матч. Он продолжался 3 часа 45 минут. Причем даже после 3 часов 20 минут соперник Кафельникова Томас Хаас бегал по корту как ни в чем не бывало, что заставило вспомнить о чудесах немецкой фармакологии. Через два часа после начала я ушел с трибуны (четное число — трансляции у ОРТ), лег на травку и по звукам, доносящимся с арены, пытался определить, что происходит. Шамиль по традиции бегал вниз, когда Кафельников после перехода играл на стороне трибуны, где мы сидели. На сей раз бегал не от меня, а от вице-премьера Валентины Ивановны Матвиенко.

Я лежал, глядел в голубое австралийское небо. В России наступало утро, и на той стороне земного шара лежали, а не стояли — вверх тормашками — мои любимые и близкие. Я думал, что так тратить нервы за суточные — преступно.

...Утром, после ночного совещания, я не уехал сразу на стадион и услышал, как в соседнем «отсеке», где живут Жолобов и Попов, Олег пародирует мой репортаж. Со страшным кавказским акцентом, но с моими интонациями, он говорил: «Тройной мачт-болл! Спасибо вам, Шамиль Аннярович, за это...»...

В момент, когда у Кафельникова матч-болл, у меня зазвонил на весь стадион мобильник. Как назло, я его никак не мог достать из кармана, а потом открыть. Жолобов, который в этот день вел «дневник», позвонил спросить: можно ли при любом раскладе сделать с Кафельниковым интервью?

Кафельникова мой звонок не отвлек, он выиграл. «Если бы проиграл, убить тебя мало», — сказал мой товарищ, мой бывший зам. главного редактора «Огонька». Все же спорт калечит, если не впрямую, то психику человека точно.

Кафельников отдал три минуты российскому телевидению прямо на стадионе. Вечером я снова поехал беседовать с ним уже для «Вестей». В так называемый «Русский дом», поскольку Женя, верный своим традициям, в этот же вечер улетал домой, в Германию.

«Русский дом» — изобретение еще советского начальства. В фешенебельном районе, с видом на бухту, вдали от Олимпийской деревни, олимпийских арен и заодно от олимпийцев начальство здесь проводит время, иногда приглашая спортсменов-чемпионов. Все как в песне: «А за городом заборы, за заборами вожди». То есть тоску по России, ее борщу и блинам спортивные начальники в себе здесь заглушают. Нет, не получается пока у наших выходцев из комсомола быть вместе с народом. Для этого, наверное, надо Кембридж или Гарвард окончить. Может, у их детей получится.

29 сентября. Попал на волейбол. Навязался в компанию к Кикнадзе, который его ведет. Умница Вася меня опекает. Его папа Александр Васильевич году в 45-м или 46-м ухаживал за моей мамой, поэтому отношения у нас родственные, при этом Вася, младше меня лет на пятнадцать, относится ко мне, как старший брат к младшему.

Пошли в буфет. Вася говорит: «Я, пожалуй, вернусь на позицию, через пять минут эфир, ребята в аппаратной будут нервничать» *(!!! Авт.)*

30 сентября. За то, что я вчера болтался на волейболе, Гомельский отправил меня в ссылку — на конный спорт. Выехал на поезде ни свет ни заря. Надел в дорогу рубашку РТР, как матросы чистое белье, — это чтобы меня президент российской Федерации конного спорта узнал. Наконец добрался. Огромный парк с вытоптанным полем. Еще бы: 60 тысяч зрителей толкутся каждый день, больше в десять раз, чем на волейболе. Может, оттого, что волейбол (по Федорову) сюда завезли русские, а лошадь попала в Австралию вместе с человеком.

В пыли ходят хорошо, даже изысканно, одетые джентльмены и леди. Конный спорт, похоже, единственное, что их связывает с матерью-природой. Президентом Международной федерации долго была принцесса Анна, дочь английской королевы, а сейчас донья Пилар де Бурбон, сестра испанского короля. И я как бы с ними на одном поле...

Кстати, несмотря на просьбу Ее Высочества, австралийцы не дали провести по традиции конкур перед закрытием на поле главного стадиона. При всей любви к лошадям, в последнем спектакле Олимпиады роли им не нашлось.

1 октября. Пошел с утра посмотрел финал баскетбола. Дрим-тим из Америки против французов: профи против любителей. Вернулся в пресс-центр и стал редактором-погонялой последнего «дневника». Выслужился. Потом поснимал архитектуру стадионов, впервые за всю Олимпиаду пройдясь по Олимпийскому парку. Потом сделал свой «конный» сюжет для последнего «дневника» за двадцать минут. Вовремя, что называется, научился. Вышел покурить с Гомельским, извинился, что причинил ему столько неудобств. А он мечтательно ответил: команда у нас сложилась отличная, через два года все поедем в Солт-Лейк-Сити на зимние Игры. Действительно, интеллигентный человек.

Над стадионом два истребителя полыхнули горящим керосином из сопла, так погас Олимпийский огонь — будто улетел в небо. По телевизору это было не очень понятно — тут устроители единственный раз дали промашку.

Грандиозный салют над бухтами Сиднея. Мост горел в фейерверке, наверное, минут пять. Когда все погасло, пошли с Петей Федоровым к автобусу. Он толкал перед собой новый чемодан размером с хорошего теленка. В автобусе ребята с украинского радио о чем-то говорили по телефону, увидев нас, перешли на мову. Но с такими вкраплениями, как на Брайтоне говорят по-английски.

На следующий вечер всей бригадой выпивали у своих бараков под эвкалиптами. Кончилось тем, что Попов запел арии из популярных опер, хотя маркиз Хуан Антонио Самаранч еще вчера сказал: «Игры XXVII Олимпиады объявляю закрытыми». ■

136

КРЕСЛО-КАЧАЛКА

Господи, как хорошо все было. Солнце, зелень, теплый ласковый ветерок, птички всякие поют, и вдруг, на тебе, осень. Что называется, не ждали. Ну кто ее звал, спрашивается, ведь так все хорошо было... Впрочем, я об этом уже говорил, кажется. В общем, все, кранты, ни тебе вокруг дома пробежаться, потому что дождь, ни на турнике подкачаться, потому что холодно, ни в спортзал съездить, потому что далеко и небесплатно. Остается лишь лежать на диване, читать детективы и хилеть как умственно, так и физически.

Валерий ЧУМАКОВ

Но тут в дело вмешался Чак Норрис. Он сошел ко мне в квартиру прямо с экрана телевизора и с ходу заявил:

— Да ладно, тебе, командир, брось хандрить. Лучше встань, позвони лично мне по телефону 123-45-67, и я пришлю тебе за малую толику денег, почти бесплатно, такую фиговину, при помощи которой ты и дома сможешь накачать себе такую же классную мышцу, как у меня.

И поиграв напоследок для наглядности обильно смазанными рыбьим жиром бицепсами, он вновь удалился в голубой экран.

Совершенно сраженный неожиданным визитом, я было уже кинулся к телефону, но по дороге немножко передумал и для начала позвонил своему хорошему знакомому, спортивному комментатору, мастеру спорта по десятиборью, доценту МГТУ им. Баумана **Андрею Полосину**. Да и то сказать, неудобно как-то сразу беспокоить знаменитых артистов по пустякам, когда можно для начала и самому что-нибудь разобрать.

— Вот хочу с получки купить тренажер, но еще не решил, какой именно, что бы вы посоветовали?

— Посоветовать-то можно, но хотелось бы знать, зачем он вам нужен?

— Ну как же, все покупают, говорят, для того, чтобы со здоровьем не было проблем. А то я что-то сдавать стал, устаю к концу рабочего дня.

— Так для этого вам не тренажер нужен, а аэробная тренировка. Начните бегать или плавать, а если трудно себя заставлять, то вливайтесь в какую-нибудь компанию, регулярно играющую в футбол или баскетбол. В студенческие годы небось чем-нибудь подобным увлекались, вот и тряхните стариной. Конечно, сначала нелегко придется, и ноги не будут слушаться, и дыхалка будет пощады просить, но ничего, втянетесь. А через полгода забудете обо всех своих проблемах.

— Так-то оно так, но с тренажером все же представляется как-то проще, сиди себе дома и качай мышцы. Не надо компанию искать, обязательства брать, в любую погоду из дома выходить, ехать куда-то, раздеваться-одеваться. Да и холодновато уже на улице. А тут полный «ондулясьон» на дому. Тем более в рекламе говорят, что нынешние тренажеры умные, там компьютер все указания дает, сколько раз каждую руку-ногу сгибать.

— Это точно так, но весь букет ваших проблем со здоровьем останется в неприкосновенности, а некоторые болячки даже усугубятся. Все силовые тренажеры развивают главным образом мышцы при статичном положении тела, а твои проблемы, как это видно с первого взгляда, связаны с накоплением лишнего жирка из-за сидячего образа жизни; наверное, сидите себе перед компьютером с утра до ночи, а если и снимете с кресла, то ненадолго, пройдетесь десятка два шагов, постоите немного и опять «на место профессии». Да и с питанием, думаю, что не все в порядке, но это отдельный разговор. Я бы вам все же бег прописал, ежедневный да с ускорениями на дистанции.

— Но ведь и для бега можно тренажер купить — бегущую дорожку, тредбан называется. Поставлю дома и не отходя от кровати буду подсчитывать преодоленные километры.

— Тредбан, конечно, штука хорошая, но в маленькую комнату его не поставишь, для него бетонный фундамент нужен, да и мощная вентиляция желательна. Обычно их в коттеджах ставят, в собственных тренажерных залах как заменитель пробежки в сырую погоду или в случае опасений хозяина, не рискующего лишний раз выходить из дома. По-моему, такая жизнь вам пока не грозит, да и коттеджа у вас нет.

— Оно-то, конечно, так, только не до бега мне.

— А вот Клинтон, у которого, уж конечно, все есть, все-таки бегает по лужайкам: причем довольно регулярно, хотя и постарше вас будет, да и в занятости вряд ли уступит. Так что не морочьте себе голову и не тратьте отнюдь не лишние деньги, начинайте-ка с завтрашнего дня регулярные пробежки, а если есть желание подкачать мышцы, купите гантели, они намного дешевле и меньше места занимают, а результат тот же.

— Гантели у меня есть, пылятся под кроватью. Только они слабо помогают. Качаешь мышцы, качаешь, месяцами вкалываешь, а толку чуть. А Чак Норрис уверяет, что с помощью тренажеров можно стать красавцем всего за несколько месяцев! Разве плохо быть красивым?

— Против этого аргумента возразить нечего, хочешь быть красивым — будь им, но смею вас заверить, что опыт вас не обманул, наращивание больших и красивых мышц требует большого труда, а также специального ухода и питания.

— Овсянку надо кушать?

— Не только овсянку. Для быстрого роста мускулатуры культуристы постоянно используют многочисленные медикаментозные средства и пищевые препараты, большая часть которых запрещена для применения спортсменами и считается допингами. Даже если вы не собираетесь участвовать в большом спорте, эти средства далеко не безобидны для здоро-

ФОТОБАНК

вья: мужчин они обычно ведут к импотенции, женщин к мужеподобному внешнему виду и росту волосистости, а также ко многим другим, далеко не изученным последствиям.

— О-ба...

— Не грех помнить, что большие, накачанные на тренажерах мышцы требуют специального питания, хорошего ухода и постоянной подкачки. Серьезные занятия культуризмом доступны только представителям весьма ограниченного круга профессий, в который журналисты, к сожалению, не входят. Это удел профессиональных спортивных инструкторов, актеров определенных амплуа, представителей некоторых подразделений армии и полиции. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с проспектом любого чемпионата по бодибилдингу. Для остальных это занятие не более чем развлечение в свободное время, не вредное, но и мало полезное для здоровья. Если у вас ограниченное время для тренировки в самосовершенствовании, то лучше уделить его двигательному спорту — бегу, плаванию, гребле, гимнастике, подвижным спортивным играм.

— Послушать вас, так тренажеры и вовсе не нужны. Однако только в Москве их продают десятки фирм, на самые разные вкусы и практически в любую цену. Значит, есть спрос. В фирменные спортзалы часто невозможно записаться, хотя членский билет на год стоит несколько тысяч долларов. Нет, что ни говори, а здесь что-то не так. Не будут люди такие деньги зря тратить.

— Еще как будут! Всякий производитель продукции до тридцати процентов дохода затрачивает на рекламу, а постоянное вдалбливание в голову «рекомендательной» информации постепенно приводит к убеждению, что вам это нужно. И тренажеры далеко не единственный предмет, навязываемый потребителю без всякой меры.

— Получается, тренажеры совсем не нужны?

— Почему не нужны? Нужны, только применять и приобретать их следует с умом.

— Ну, так и я не дурак.

— Но и не специалист. Впрочем, я вовсе не хочу, чтобы из моих высказываний был сделан вывод о полной ненужности тренажеров. Тренажеры нужны не только для обеспечения рабочих мест на спортивных заводах, хотя и это немаловажно. Эта отрасль индустрии за год производит более чем на миллиард долларов различных изделий. Самые первые из них создавались для восстановления нарушенных функций у травмированных и больных...

— Для инвалидов?

— Совершенно верно, а также для обучения движениям. И только тридцать лет назад на Западе начался бум производства физкультурно-спортивных тренажеров. Массовое производство «качалок» типа «изоджим» стимулировалось бурным развитием бодибилдинга, адепты которого представляли его как панацею от многих проблем. В действительности же спортивные тренажеры полезны для здоровья только в сочетании с традиционной аэробной подготовкой. И именно поэтому ими оснащаются практически все современные спортивные комплексы, располагающие большими залами и манежами для игр и атлетики, бассейнами, саунами, массажными и ультрафиолетовыми излучателями для загара.

— А что же делать таким, как я, кому посещение такого комплекса, как и собственный коттедж со спортзалом и сауной, пока не по карману, а на пробежки по слякоти и снегу в промозглую московскую зиму не хватает силы воли? Разве собственный тренажер не снимет хотя бы часть моих проблем?

— При правильном применении может снять, и даже немалую. Большинство портативных тренажеров рассчитано для систематической тренировки определенной группы мышц, чаще всего конечностей и брюшного пресса. Универсальные же тренажеры либо громоздки, либо требуют длительной перенастройки, а для всех движений с широкой амплитудой необходимы хотя бы несколько квадратных метров свободной площади. Поэтому первым условием приобретения тренажера индивидуального пользования должно быть сопоставление его возможностей с вашими потребностями.

— Предположим, я решился, купил «качалку» и установил ее в ванной комнате...

— Ну, зачем же в ванной...

— А она у меня, яркого представителя «среднего класса», громадная. Каковы мои дальнейшие действия?

— Если вы, как яркий представитель вашего класса, настроились на систематическую тренировку с целью улучшения самочувствия и здоровья, то вам необходима индивидуальная программа подготовки, в разработке которой должен принять участие специалист.

— Например, вы.

— Например я. Сколько людей, столько и программ. Когда установлена цель и проведено тестирование имеющегося в вашем распоряжении собственного тела, тогда и выясняются ударные направления воздействия. Когда же программа составлена, вы можете определить, какая ее часть не обеспечена имеющимися средствами, и только тогда отправляться в магазин за тренажером.

— А я же уже купил!

— Рано купили. Вы еще сами не знаете, что вам нужно. Наверняка купили что-нибудь не то.

— Ладно, я сначала посоветовался с вами и купил «самое оно». Какая программа далее?

— Для большинства представителей «среднего класса» и «среднего» возраста, обладающих средними возможностями (например, вблизи дома есть бассейн, но нет стадиона или парка или наоборот), такая программа будет включать занятия два-пять раз в неделю бегом или плаванием, упражнения на гибкость в зале или на воздухе и подкачку некоторых групп мышц, которую вполне возможно проводить в домашних условиях. Осталось решить, каких именно и в каком объеме. Если это установлено, то приобретение набора тренажеров станет полезной и приятной тратой свободных средств. Во всех остальных случаях вы приобретете груду металлолома, которая будет стоять или лежать в углу.

— Так что же вы все-таки посоветуете нормальному «среднему русскому»? Навскидку.

— Навскидку посоветую не пожалеть денег и купить абонемент в один из современных спортивных комплексов. Там вами займутся профессиональные инструкторы, которые знают то, что вам надо, гораздо лучше, чем вы сами. Ведь не садитесь же вы за учебник высотной метеорологии или пособие по пилотированию турбореактивных лайнеров перед перелетом в Сочи или Владивосток? В современном мире принято доверять свое здоровье и саму жизнь специалистам.

Вот так. Короче, с покупкой тренажера я решил повременить. Только Чака Норриса жалко, старался ведь человек, домой ко мне приходил, советовал... Да ладно, Бог с ним, здоровье дороже, а Чак Норрис без меня не помрет. Тем более, свою долю наших денег он за их рекламу уже, наверное, получил. ■

Тренажер — учебно-тренировочное устройство для отработки двигательных и других навыков, выработки и совершенствования техники упражнения.

«Энциклопедический словарь спортсмена»

10000 Maniacs; 10CC; 3rd Force; Adams, Bryan; Aerosmith; A-Ha; Alan Parsons Project; Armstrong, Louis; Atomic Fireballs; Average White Band; Bachman Turner Overdrive; Barbieri, Gato; Basia; Beach Boys; Beatles; Bee Gees; Benson, George; Berry, Chuck; Big Bad Voodoo Daddy; Blondie; Blue Hawaiians; Bowie, David; Braun, Rick; Braxton, Toni; Brecker Brothers; Brian Setzer Orchestra; Brown, James; Brown, Norman; Byrds; Cale, J. J.; Can; Cardigans; Carlton, Larry; Carmen, Eric; Chaquico, Craig; Charles, Ray; Checker, Chubby; Chicago; Clapton, Eric; Clarke, Stanley; Cocker, Joe; Collins, Phil; Coryell, Larry; Cranberries; Creedence Clearwater Revival; Crosby, Stills, Nash & Young; Crow, Sheryl; Crowded House; Cure; Cure; Dancing Fantasy; D'Angelo; Terence Trent; De Burgh, Chris; Def Leppard; Deep Purple; Dire Straits; Doobie Brothers; Doors; Dulfer, Candy; Eagles; Earth Wind & Fire; Electric Light Orchestra; Eurythmics; Everything But The Girl; Extreme; Fagen, Donald; Fastball; Ferry, Bryan; Fitzgerald, Ella; Fleetwood Mac; Ford, Robben; Fourplay; Franklin, Aretha; Franks, Michael; Fuller, Gary; Gabriel, Peter; Garbage; Genesis; Getz, Stan; Gipsy Kings; Gota; Grand Funk Railroad; Green, Peter; Grusin, Dave; Guess Who; Haley, Bill; Harrison, George; Hooker, John Lee; Iglesias, Enrique; INXS; Isaak, Chris; James, Bob; Jamiroquai; Jarreau, Al; Jazz Masters; Joel, Billy; John, Elton; Jones, Tom; K.D. Lang; Kansas; Kenny Wayne Shepherd Band; Khan, Chaka; King, B.B.; Kinks, The; Knopfler, Mark; Kohen, Leonard; Krall, Diana; Kravitz, Lenny; Lang, Jonny; Led Zeppelin; Lee, Alvin; Lennon, John; Lewis, Jerry Lee; Little Richard; Los Lobos; Mamas & Papas; Manhattan Transfer; Marley, Bob; Matt Bianco; McCartney, Paul; McFerrin, Bobby; Mezzoforte; Michael, George; Miller, Marcus; Moody Blues; Moore, Gary; Nazareth; Norman, Chris; Offspring; Orbison, Roy; Palmer, Robert; Pat Metheny Group; Petty, Tom; Pink Floyd; Plant, Robert; Police; Pop, Iggy; Presley, Elvis; Procol Harum; Quatro, Suzi; Queen; R.E.M.; Rea, Chris; Red Hot Chili Peppers; Richie, Lionel; Rippingtons; Ritenour, Lee; Rolling Stones; Roxette; Sade; Sample, Joe; Santana, David; Santana; Sayer, Leo; Scofield, John; Scorpions; Shadows; Shakatak; Shocking Blue; Simon, Paul; Simply Red; Sinatra, Frank; Slade; Smokie; Soul Ballet; Special EFX; Springsteen, Bruce; Spyro Gyra; Starr, Ringo; Status Quo; Steely Dan; Steppenwolf; Steve Miller Band; Stewart, Rod; Sting; Stray Cats; Supertramp; Supertramp; T.Rex; Ten Years After; Texas; Tower Of Power; Turner, Tina; U2; UB 40; Urban Knights; Uriah Heep; Vannelli, Gino; Vaughan, Stevie Ray; Waits, Tom; Washington Jr., Grover; White, Barry; White, Peter; White, Tony; Wonder, Stevie; Young, Paul; Zombies; Zucchero; ZZ Top.

Радио МВ 107,8 FM

РИЭЛТОРЫ БЕЗ СТРАХА И УПРЕКА

Новые формы услуг страхового рынка

На Западе страхуют все и вся. У нас иной менталитет. Зачем, спрашивается, платить деньги, если неприятности, скорее всего, не случится. О плохом думать — точно беду накличешь. И получается, что владельцы особняков, которые, казалось бы, гораздо ближе к западному образу жизни, такие же редкие клиенты страховых фирм, как и владельцы каких-нибудь «хрущоб» или крохотных дачных домиков.

Опять же государство вроде бы взяло на себя заботу о жителях. В Москве 10 (по числу округов) уполномоченных страховых фирм принудительно-добровольно страхуют владельцев недвижимости. За пять-семь рублей в месяц обещают в случае непредвиденных ситуаций выплатить компенсацию. Правда, практика показывает: если что-то случится с жильем, то и получить можно будет только из расчета 3 тысячи рублей за 1 квадратный метр.

А за гарантии и спокойствие за недвижимое имущество придется раскошелиться. Конечно, от терактов, цунами, землетрясений и иного государственной важности форс-мажора страховка не защитит: считается, что пусть в компетенции государства остаются. А вот если взрывчатку под дверь на этаже страхуемого конкретно положили, то денежки по страховке выплачиваются. И пожар и наводнение предусмотрены, и растяпы соседи, что из бизнесменов, или просто такие, которые забыли кран выключить.

Застраховать можно не только свое имущество, но и ответственность. То есть от противного: сами противные страхуемые зальют чужую квартиру, а разбираться будет страховая компания. Правда, такая предусмотрительность пока страхуемым мало свойственна. Гораздо более привлекательной кажется другая услуга — страхование сделок.

Покупается, предположим, квартира с не совсем ясной историей. А вдруг через несколько лет объявятся «неучтенные» при приватизации дети первого владельца жилья, того хуже — уголовники, откомандированные из отдаленных мест, да и предъявят сообща претензии на квадратные метры? Закон вполне может стать на их сторону, и новым владельцам придется платить по старым счетам. Но если сделка застрахована, то проблемы с судом будет решать страховая компания. Проиграет тяжбу — обязана предоставить новое жилье. Выиграет — и на том спасибо. Причем, если претензии предъявили в период действия договора (а его можно заключать на срок от 6 месяцев до 10 лет), страховая компания обязана обслуживать клиента вплоть до разрешения спора. То есть, если даже претензии от страхуемого поступили в день, предшествующий дню окончания договора, фирма гарантирует заниматься тяжбой вплоть до благополучного ее разрешения.

Как пояснили корреспонденту «Огонька» специалисты страховой компании, фирмы обыкновенно берутся не за все сделки. Однажды, например, обратился клиент с просьбой застраховать сделку по квартире, которая, по его словам, продавалась два-три раза. Проверили — жилплощадь переходила из рук в руки 15 раз, бывала под арестом. В результате компания оценила сделку как слишком рискованную.

Другая новая на рынке недвижимости интересная услуга — страхование квартир в новостройках. Купить квартиру в строящемся доме, конечно, очень заманчиво, но где гарантия, что инвесторы не разорятся, строительство не заморозится и кровно заработанные не пропадут. Если сделка застрахована, то клиент получает деньги от страхователя.

Но существует еще одна форма страхования сделок с недвижимостью. Чтобы уйти от налогов на покупку-продажу жилья, граждане якобы продают-покупают по стоимости, указанной в справке БТИ. Она редко оказывается выше 5000 минимальных заработных плат. От налогов-то уходят, но ведь не исключено и на мошенников нарваться. Те расторгают сделку и возвращают указанную в договоре сумму. Попробуй докажи, что больше платил. В страховом полисе, когда страхуется сделка, указывается реальная цена, и тогда деньги возвращаются полностью. Осторожные страхователи советуют указывать сумму в рублях. Для государственных органов — вздумай они разбираться — «условных единиц», равно как и других свободно конвертируемых денег, в реальности не существует.

К услугам страховых фирм прибегают теперь и риэлторы, которые страхуют профессиональную ответственность. Цена ответственности невысока — около 0,1% от суммы сделки. За такие деньги зачем нести весь груз ответственности, если можно переложить его на плечи страхователя? Заодно еще раз все документы проверят. Главное в таком деле, чтобы сами страхователи от страхуемого не смылись. ■

КОММЕНТАРИИ СПЕЦИАЛИСТА

Антон ГОЛЫШЕВ, генеральный директор ООО «Держава»:

– Страхование профессиональной деятельности риэлтора – это нонсенс. Не для того фирма проходит сложный и дорогостоящий путь получения лицензии, чтобы потом еще и страховать риски. Самим фактом получения лицензии фирма доказывает свой профессионализм. Фирма – это посредник, и принудительное страхование, которое практикует московское правительство, просто своеобразный способ вымогательства. Теперь каждая риэлторская фирма вынуждена выплачивать ежегодно 800 – 1000 долларов, и эти деньги приходятся на пять–семь страховых компаний в Москве. Я на рынке недвижимости уже десять лет, и мне лично не известно ни одного случая, чтобы фирма получила страховку от страховой компании. Что касается страхования вообще, то логичнее было бы страховать медицинские учреждения – они несут очень большую ответственность за здоровье пациентов, а значит, и страхование в этой области должно непременно присутствовать.

ГАРАНТИЯ БЕЗОПАСНОСТИ -
агентство недвижимости
ДЕРЖАВА
Член МАГР
Лиц 000936
ПОКУПКА ПРОДАЖА
ОБМЕН РАЗЪЕЗД
КОМНАТЫ ИПОТЕКА
www.derjava.da.ru E-mail: derjava@aha.ru
232 94 49

Медленно и совсем не печально

Курильщики трубок говорят, что трубка – это замедление времени, эстетика, достойная нашей цивилизации...

Цивилизованные европейские трубочники объединены в pipe-клубы, местные и национальные. Существует Международная конфедерация клубов любителей трубки (CIPC), которая ежегодно организует чемпионаты мира или Европы.

По правилам CIPC побеждает тот, кто в равных условиях — участнику выдают по три грамма дешевого трубочного табака в запечатанном пакете и две спички — дольше других не даст трубке погаснуть. Мировой рекорд, 3 часа 15 минут, держится с 1996 года.

В этом году на чемпионате Европы в Дижоне соревновались 350 курильщиков из 17 стран. Шестая часть участников — женщины.

Соревнуются трубочники так: за круглым столом располагаются одна или две команды и судья. Судьям курить не возбраняется, но — только сигареты. Участники получают одинаковые трубки и деревянные «топталки». Пять минут даются на то, чтобы набить трубку табаком, и минута на раскуривание. Не раскурил с двух спичек — выбываешь. Через минуту начинается отсчет времени.

Чтобы табак курился дольше, его размельчают руками и насыпают в трубку по спирали. Большую часть времени спортсмены не курят, а смотрят в трубку и притаптывают табак «топталкой», поворачивая ее по спирали.

Половина участников закончили курить минут за 45. К середине третьего часа осталось всего трое: чех Чинка, итальянец, разумеется Мартини, и швейцарец Херрен. Швейцарец дымил трубкой 2 часа 53 минуты 15 секунд и стал чемпионом Европы. Второе место занял итальянец, третье — чех. Награда победителям — возможность выбрать себе трубку из внушительного списка самых дорогих трубок в мире.

В женском зачете победила итальянка Пинсин (1 час 45 минут 24 секунды). Доблестная российская команда справилась с трубками в рекордные 50 минут, за что получила кубок. ■

Марк ШТЕЙНБОК, фото автора

«ОДРИ ХЕПБЕРН: ИСТОРИЯ ЖИЗНИ». ВТОРНИК, REN TV, 23.00

ФОТОВЫКЛЕЙКА

tv шахматные короли

Виталий МЕЛИК-КАРАМОВ

Было бы странно, рассказывая о грядущей теленеделе, не упомянуть собственного фильма. Кино называется «13 чемпионов» (в телепрограмме почему-то «Шахматные короли») и прежде бы обозначалось как документально-публицистическое, а на самом деле это биографии всех чемпионов мира по шахматам на фоне времени, в котором они жили (ОРТ, по средам). В нем шесть часовых серий, и хотя две уже показали, о чем я случайно узнал, вернувшись с Олимпиады, еще в четырех своих мини-обзорах я могу заниматься саморекламой. Шутка. Хотя о том, как снималось это немеркнущее произведение, можно вспоминать долго.

Кино родилось из случайно брошенной Каспаровым фразы, что «все шахматные чемпионы соответствуют своему времени...». И действительно, подумал я: плейбой Капабланка — мир при нем танцевал чарльстон, отдыхая после ужасной войны; несчастный русский гений Алехин (счастливых русских гениев не бывает по определению) — попавший в жернова коммунизма и фашизма; блестящий Таль — и время «оттепели» в СССР, которая закончилась так же быстро, как и чемпионство Таля. Интересно, что, когда я подошел к Талю поделиться своей идеей снять такое кино, первое, что он у меня спросил: «А вы со Стейницем уже договорились?» Первый чемпион мира Стейниц ко дню этого разговора почти сто лет находился уже на другом свете. Финансировать мой проект взялся ныне владелец заводов, машин, пароходов. А тогда у него в кабинете стояли коробки с корейскими телефонами, которые, думаю, он собирался кому-то по случаю толкнуть. Фамилии сегодняшнего магната не называю, у меня на него еще есть виды.

Что обидно. Кино я делал три года — с 1991 по 1993 год. Начинал съемки во время одного путча, монтировал в разгар второго. Ничего не попишешь — это наша Родина. Полгода мотался по миру — снимал. Полгода собирал эти шесть серий. А в промежутке почти два года просидел в киноархивах, и многое из того, что нарыл, ушло по другим программам. «13 чемпионов» впервые показали в 1997-м, а киноархив — это та же библиотека: возвращенная пленка ставится «на полку с краю». Приходили ассистенты-многостаночники: нужны Сталин и Гитлер, а тут как раз уже лежат, и вроде непривычные...

Впрочем, я не жадный в отличие от всех тринадцати чемпионов, и это единственное, что их объединяет. Помимо, естественно, шахматного гения.

По негласной традиции я пишу только об отечественном кино. Но традиции тем и хороши, что их полагается нарушать. Во вторник по REN TV покажут американский фильм 1999 года «Одри Хепберн: история жизни». Эта актриса — предмет моего обожания. За несколько лет до эпопеи Бондарчука советский кинопрокат вдруг показал неиспорченному нашему зрителю голливудскую версию «Войны и мира». Мальчишкой я смотрел эту «клюкву», ничего в памяти не осталось, кроме очаровательной Наташи Ростовой, — тогда я и запомнил это имя — Одри Хепберн. Появившаяся позже Наташа Ростова сильно недотягивала до заокеанского образца. И дело, конечно, не в системе Станиславского и не в родной почве с березками и крепостными. Все просто — огромный талант быть естественной дается одной на миллионы. И как толстовский дядюшка Наташи удивлялся, откуда у графиченьки такая народная закваска, так и я могу только восхищаться: откуда у рожденной в Брюсселе Эдды ван Хеемстра Хепберн-Растон, выпускницы лондонской балетной школы, такое русское очарование в «Войне и мире» и американское — в «Завтраке у Тиффани». ■

Маша МАЛЬЦЕВА

Понедельник. Это мое субъективное мнение, но мне кажется, что некоторых на экране слишком много. Единственное, что может их оправдать, так это то, что эти двое ну очень хотят работать. Ну и, конечно, жанр мыльной оперы. Певцов и Дроздова. Навсегда. (**ТНТ, 21.30**.) Отправить бы их на далекий тропический остров. На «**Долгий уик-энд**». Что стало с теми, кто все-таки поехал «отдохнуть», смотрите в **23.00** по **REN TV**. Или еще одно наказание — заставить их смотреть «**Голую правду**». Передачу по **M1** в **23.35**. Скоро я уже буду наизусть знать все изъяны кожного покрова обнаженной ведущей. А их довольно приличное количество.

Вторник. Проникшись к вам всем сердцем, выпускники старших классов, обращаю ваше внимание на передачу «**Уроки русского**». Сегодня речь пойдет об Иване Бунине и самом прекрасном литературном сборнике любовных уродств — «Темные аллеи» (**ТВЦ, 13.10**). Но мы-то теперь надеемся, что красавица сценаристка Дуня Смирнова за свою версию жизни Бунина получит «Оскара». Особенно почему-то надеется папа. Неужели у этой Дуни такие длинные ноги?

Среда. Опять объявляется мужской день. «**Спартак**» — «**Байер**» не обсуждается (**НТВ, 22.35**). На **ОРТ** в **22.00** «**Побег из Нью-Йорка**». Отличный тяжелый саундтрек и скромное обаяние режиссерской манеры Джона Карпентера — «все в одну кучу, и все политики козлы» — могли бы чему-нибудь научить русских режиссеров. Например, экономить деньги. Потому что напряженное действие в условиях антиутопии отнюдь не означает диких затрат народных денег.

Любимица многих Настасья Кински — на двух каналах. Если в «**Спасителе**» (**ТВ 3, 19.00**) она появляется ненадолго, то в «**Коварном плане Сьюзан**» (**ТНТ, 21.30**) ее хватит на всех. Если что — поможет «**Вечный зов**» (с понедельника по пятницу в **18.00** на **М1**).

Четверг. Америка снимала разное и породила разное. Были времена, когда каждый ее «ребенок» был шедевром, минимум как «**Луна Кентукки**» — простой, как две копейки, мюзикл. Так почему же он так классно и легко смотрится по прошествии 60 лет? (**REN TV, 12.10**.) Время идет, и потихоньку прикатываемся к таким произведениям, как «**Газонокосильщик**» (**ТВ 3, 21.00**). Но даже и в «Косильщике» можно найти пару классных сцен и уж точно одну, ставшую классикой, — любовь в виртуальном пространстве заманила некоторых так, что до сих пор не отпускает. В свое время эта картина стала примером того, что можно сделать на компьютере. Господи, сколько же гигабайтов утекло.

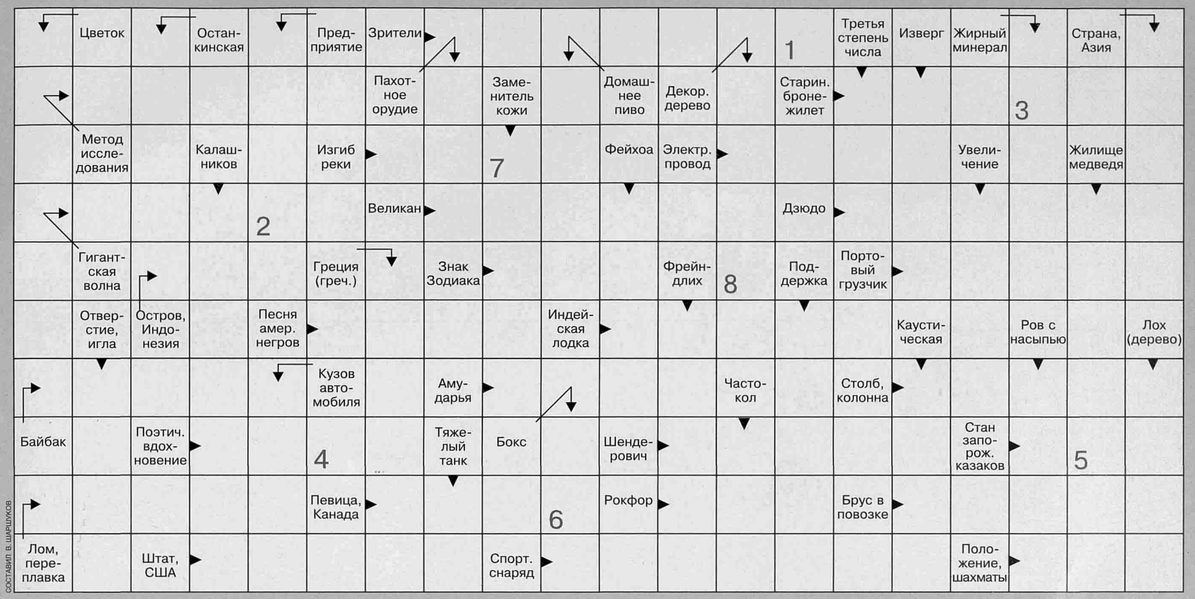
Американское кино заставило Шварценеггера забеременеть, но так и не получить за это миллион долларов, хранящихся для такого случая в швейцарском банке. Да и карлик Денни Де Вито ростом поболе стал («**Джуниор**», **СТС, 21.00**).

Пятница. «**Мертв по прибытии**» не самый удачный ремейк. Первый фильм под тем же названием был снят еще в 1949 году. Но этот зато 10 лет назад дал старт роману (закончившемуся бракосочетанием) Денниса Куэйда и Мег Райан, исполнителей главных ролей. Как оказалось, не самый удачный брак. В этом году Мег развелась с Денни. Не самый удачный, вероятно, мужчина (**ОРТ, 23.25**). А русской женщине все равно: удачный — неудачный, потому что только она может участвовать в программе «**Что хочет женщина?**» на тему «Содержу семью на деньги любовника» (**РТР, 12.30**). Интересно, какое количество так называемых героев передачи — подсадные утки?

Суббота. Я точно знаю, что выходные родным не испорчу и в пятницу не умру. Это участь неумных людей («**Дураки умирают по пятницам**», **РТР, 21.40**). Я точно знаю, что «**Допинг для ангелов**» (**ОРТ, 11.10**) находится не «**На игле**» (**ОРТ, 0.00**). Хотя и не догадываюсь, сколько их там, ангелов, танцует на конце одной иголочки. Для аудитории «Птюча» уточняю — так перевели на ОРТ название фильма «Trainspotting» Дэнни Бойла. Уверена, если копнуть поглубже, то «**Подруги моего мужа**» («**Моя семья**», **РТР, 18.00**) похлеще, чем «**Хэллоуин: 20 лет спустя**» (**РТР, 23.40**). Из всех «Хэллоуинов» это самый скучный, несмотря на игру Джейми Ли Кертис, которую считают хорошей актрисой. Но пора бы объявить «**Конец насилию**» (**НТВ, 0.35**). Еще знаю, что Вим Вендерс тоже в пятницу не умрет. Потому что больно умное кино снимает. Кстати, музыка в фильме, как обычно, гитариста Рая Кудера.

Воскресенье. «**Американцы**» (**ОРТ, 0.10**) режиссера Джеймса Фоли — это целый цветник мужчин-актеров. Кто же отведет глаза от экрана, если там Аль Пачино, Алек Болдуин, Джек Леммон. Про Кевина Спейси говорить вообще не стоит. На нем одном рейтинг ОРТ поднимется до предела. Умные дамочки, конечно, еще просекут и умный текст, за который в свое время умный Дэвид Меймет получил Пулицеровскую премию. Вообще-то фильм, как и пьеса, называется «Гленгери Глен Росс», и с какого черта он стал «Американцами», непонятно. «**Небесным куколкам**» (**М1, 23.15**) как-то невозможно дать сравнение с чем-то детским. Хотя, с другой стороны, возможно, малоизвестные родственники знаменитостей (Джон Траволта, Джо Эстевез, Дон Суэйзи, Жаклин Сталлоне) просто решили попробовать, поэтому смотрим с приколом на их попытки сделать кино. Или как кино делает их... Это комедия. Или то, что в этой ценовой категории проходит за комедию. ■

с к а н в о р д



составил В. ШМУЛЯКОВ

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 38

1	2	3	4	5	6	7	8

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Ребус. **5.** Кагор. **9.** Бланк. **12.** Марал. **13.** Егерь. **14.** Бордо. **15.** «Есаул». **16.** Кабриолет. **17.** Капрал. **18.** Нансен. **19.** Клоун. **20.** Планида. **21.** Стелька. **23.** Ветер. **26.** Лига. **28.** Тире. **30.** Евро. **32.** Шпат. **36.** Топор. **37.** Офис. **38.** Край. **39.** Растр. **40.** Грена. **41.** Миранда. **42.** Анчар. **47.** Атолл. **48.** Уран. **49.** Юкка. **50.** Идеал. **52.** Омар. **53.** Дали. **54.** Опус. **55.** Штаб. **57.** Ягуар. **59.** Бравада. **62.** Краска. **65.** Ботва. **67.** Пляска. **68.** Рефрен. **70.** Кантабиле. **72.** Регби. **73.** Глина. **74.** Колли. **75.** «Лакме». **76.** Пряжа. **77.** Рояль. **78.** Наган.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Рыба. **2.** Барнаул. **3.** Смотрины. **4.** Приклад. **5.** Клобук. **6.** Геликоптер. **7.** Реглан. **8.** Цейтнот. **9.** Бьеннале. **10.** Арабеск. **11.** Киль. **22.** Элита. **23.** Верификация. **24.** Репродуктор. **25.** Штырь. **27.** Гипербола. **29.** Идол. **31.** Рейс. **33.** Постамент. **34.** Гранула. **35.** Принцип. **43.** Каноэ. **44.** Муза. **45.** Табу. **46.** Плебс. **51.** Фрустрация. **56.** Свастика. **58.** Карфаген. **60.** Религия. **61.** Дракула. **63.** Корейка. **64.** Крекинг. **65.** Банкир. **66.** Ариэль. **69.** Крап. **71.** Фавн.

астрологический прогноз 23 — 29 октября

ОВЕН В понедельник вы произведете неоднозначное впечатление. Коллеги вряд ли поверят, что свекольный оттенок лица и непонятная жажда — результат двухдневного тура по Сахаре. Весь вторник вы — человек, заменивший реальность грезами. В среду близкие и сослуживцы начнут верить вашим словам. В полное доверие к людям вы войдете не раньше четверга. В пятницу энтузиазм перероднится в молодой задор. Захочется любить.

ТЕЛЕЦ Утром в понедельник поиски чистого носового платка напомнят работу профессионалов Интерпола. Во вторник вы обыщетесь любимой расчески. Пришла пора навести порядок. Посвятите этому среду. В четверг острите с толком, чувством, расстановкой — душа шефа обнажена, как бедро индейки. Дети набедокурят в пятницу. В конце недели придет время уклоняться от чужих объятий. Уклонистскую позицию занимайте все выходные.

БЛИЗНЕЦЫ В понедельник лучше не устраивать проверки дружеских чувств. Свои малокорректные притязания во вторник и среду деликатно перемежайте иронией. С утра четверга принимайте приглашения в свет. В обществе незнакомых людей вы будете чувствовать себя не вполне уютно, но полноценный ужин примирит вас с этим. В пятницу закончатся будни, так и не порадовавшие романтикой. Вступайте в период отдыха с открытой душой.

РАК Если вы не думаете выходить на работу в понедельник, то пришлите шефу хотя бы свою фотографию во вторник. В среду не нагнетайте напряжения в рядах близких своим вялым видом и громким криком. К четвергу сплошная проза будней сменится мерцающей поэзией. В пятницу вы будете обуяны жаждой новых впечатлений. В выходные борода ваших шуток рискует попасть в «Книгу рекордов Гиннесса».

ЛЕВ В понедельник вам надо уподобиться мышке-норушке: молча грызть кусочек сыра за шкафом. Во вторник высовывайтесь из-за шкафа. В среду выплюньте изо рта сыр, но помните, что слово не воробей и никто его ловить не собирается. В четверг мышка-мутант превратится в кошку-мозгокрутку, которая способна броситься на окружающих. На этом трансформация не закончится, и к выходным окажется, что под маской кошки скрывался лев-людоед.

ДЕВА В понедельник звезды буквально утомят вас своим вниманием и заботой. Лица противоположного пола будут повернуты только к вам, живот втянется сам собой, а голос зазвучит весело и бархатисто. В среду вы попытаетесь звучать по инерции, но звездные милости уже закончатся. Хотя пятница и ознаменуется семейной разморозкой в ванной, зато субботняя прогулка вдвоем расставит все по местам. В воскресенье — отдыхают все!

ВЕСЫ Осень посеет в душе тоску. Мутное настроение звезды предрекают в понедельник. Во вторник наперекор указке свыше настроение резво пойдет на поправку. В среду окажите гуманитарную помощь продуктами всем нуждающимся, оставив себе только кефир и яблоки. Займитесь политикой и теннисом. Это поможет уменьшить жировую прослойку. В пятницу вы уже можете показаться на людях. Сходите в гости или на дискотеку.

СКОРПИОН Толстощекий Амур натянет тетиву своего лука в понедельник, а уже во вторник вы станете подранком. Любовь вселит в вас геркулесову силу и соломонову мудрость. Сильным и мудрым вы будете всю среду напролет. В ночь со среды на четверг мудрость оставит вас. В пятницу силы будут подточены нашествием вирусов. Вступите с ними в неравный бой. Битву ведите и в выходные, тем более что звезды пророчат вам победу.

СТРЕЛЕЦ Горячая привязанность «половины» напомнит о крепко защищенном тыле. Во вторник есть смысл побаловать домашних жирами и углеводами. Сепаратистские настроения возьмут верх в среду. Попытка отгородиться от сотрудников бабушкиной японской ширмой и забивка в уши ваты приведут к нарастанию напряженности в трудовом коллективе в четверг и пятницу. К субботе объявите перемирие и сдайтесь в плен детям на два выходных дня.

КОЗЕРОГ Вероятность изменить «половине» очень велика в начале недели. Казанова (Мессалина) вплотную подобрался к вашему уху и нашептывает советы. Весь вторник говорите фантому «нет». В среду «нет» уже будет не таким твердым. Крепитесь! К пятнице твердое «нет» станет мягче воска. Держитесь! Семейный поход по магазинам на какое-то время сплотит вашу ячейку. Не отходите от домочадцев ни на шаг — в этом ваше единственное спасение.

ВОДОЛЕЙ То, что вы были зачаты на станции «Мир» или ваша матушка внебрачная дочь Эйнштейна, — малая толика домыслов. Смело смотрите людям в глаза весь понедельник и не вздумайте отвести взгляд во вторник. Новый виток вашей гениальности среди недели отбросит шефа к стене. Ваш жизненный путь до выходных усеян упругими розами. В пятницу побалуйте себя, гениального(ую), пивом. В выходные спускайтесь с небес.

РЫБЫ Думайте головой с понедельника. Проблемная ситуация, сложившаяся во вторник, заставит поломать головушку. В среду: вымойте, аккуратно причешите, тогда в четверг не придется биться ею о стену — споры с окружающими закончатся миром. «Расколоть» вам голову дети постараются в пятницу. Звезды советуют ремень держать в левой руке. Мигрень в выходные вам не грозит тем более что вас ждут давние друзья и хороший стол.

ПОДПИСКА

НА 1-Е ПОЛУГОДИЕ

2001 года

ПОДПИСКА ПО ОБЪЕДИНЕННОМУ КАТАЛОГУ «ПРЕССА РОССИИ»,
т. 1, стр. 192.

Подписной индекс:
70663 — центральная часть России,
каталожная цена на 1 месяц — 117 руб.;
34236 — в авт. обл. Еврейская, в авт. окр.: Таймырский, Ханты-Мансийский, Чукотский, Ямало-Ненецкий; в кр.: Алтайский, Красноярский, Приморский, Хабаровский; в обл.: Амурская, Иркутская, Камчатская, Магаданская, Новосибирская, Омская, Оренбургская, Сахалинская, Свердловская, Томская, Тюменская, Челябинская, Читинская; в респ.: Алтай, Бурятия, Саха (Якутия), Тыва, Хакасия; в г. Байконур, каталожная цена на 1 месяц — 130 руб.

Периодичность в полугодие — 26 экз.

ДЛЯ ПОДПИСЧИКОВ МОСКВЫ — индекс 70663 В КАТАЛОГЕ МОСКОВСКОГО ПОЧТАМТА, СТР. 61.

ДЛЯ ПОДПИСЧИКОВ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ — индекс 70663 В КАТАЛОГЕ «ПОДПИСЧИКАМ ПОДМОСКОВЬЯ».

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ

2 5 АПР 2002
Ф 00643

MAURITIUS/EAST-NEWS

4 603747 000010